

Иван Наумов

Тени

Книга первая
БЕСТИАРИЙ

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательско-торговый дом
«Этногенез»
Москва, 2012

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ООО
«Популярная литература»
Москва, 2012

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н41

Книга издана при поддержке Newmedia Stars

Наумов, И.

Н41 Тени. Книга первая: Бестиарий / Иван Наумов — М.: Издательско-торговый дом «Этногенез», 2012. — 272 с.

1999 год. Ян Ван, молодой человек без определённых занятий, обладает способностью быть незаметным. Свое умение он использует для развития небольшого частного бизнеса — поиска и доставки из Германии в Россию самых разнообразных редкостей, ввоз которых через таможню мог бы быть затруднён.

Однажды Ян получает поручение: обратиться к коллекционеру, собирающему фигурки металлических зверей, от имени анонимного клиента с предложением об обмене. В тот же день его жизнь меняется необратимо. А после телефонного звонка на номер, запомнившийся ему во сне, Яну открывается мир «отсутствующих героев», призраков и теней...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н41

ISBN 978-5-904454-59-3

© Рыков К., 2012
© Наумов И., 2012
© Издательско-торговый дом «Этногенез», 2012

*мелькнула тень поздней ночью
через цепочку
щелкнул замок
скользнула вниз по перилам
двери открыла
и за порог*

*мелькнула возле подъезда
сразу исчезла
и появилась вновь
из арки дома напротив
из подворотен
из проходных дворов*

мелькнула чья-то тень...

Александр Васильев

ГЛАВА 0

РАЗНИЦА ВО ВРЕМЕНИ

*Стокгольм, Швеция
2 декабря 1991 года*

Наверное, всё дело в разнице во времени. Вокруг царило деловое оживление, участники совещания рассаживались за столом, бодро приветствовали коллег из смежных структур, но Донован видел: они спят. Мозги отключены кнопкой «Конец рабочего дня», настроены на домашние дела, тёплый ужин, детские уроки, диван и телевизор — но никак не на Задачу: сверхважное поручение, не терпящее отлагательств.

Доновану казалось, что он — заводной пароходик, опущенный в аквариум со снулыми рыбами. Ни бессонная ночь, ни пятичасовой перелёт через океан на сверхзвуковом катафалке не сбавили его пыл. Хотелось бежать, мчаться, торопиться, и чтобы всё вертелось, и чтобы окружающие действовали слаженно и согласованно. Впервые за пять лет существования группы Донована появилась реальная перспектива овладения Объектом.

Зал оперативных совещаний едва вместил приглашённых. Собрались все: старшие инспекторы городских округов, верхушка дорожной полиции, чопорные функционеры из полиции нравов, матёрые начальники отделов противодействия терроризму и борьбы с наркотиками, даже армейские чины. Управление криминальной полиции Стокгольма гостеприимно предоставило группе Донована, что называется, стол и кров. Старый знакомец Лунд — похожий на мумию куратор от СЕПО¹, помог, чем смог.

Суровые обветренные лица повернулись к Доновану. Ему предстояло сообщить шведам о целях операции, и в основном — правду. В облегчённом, адаптированном варианте, Truth For Dummies².

— Коллеги, — приветствовал он собравшихся. — Позвольте заранее поблагодарить вас за содействие. Меня зовут Эдгар Донован, ЦРУ. — В такой последовательности «си-ай-эй» звучало как какой-нибудь «доктор естественных наук». — В предстоящей операции с любезного позволения вашей секретной службы, — кивок в сторону Лунда, — я выступаю координатором.

Ноль эмоций. Настоящие тролли. Скандинавия давно заговорила по-английски, но переводчик полагался по протоколу, и Доновану предстояло нарезать свою речь удобоваримыми ломтями.

«Очень Деликатное Дело» — ироничное название, родившееся в Лэнгли меньше двух суток назад, — под грифом «особо секретно» перекочевало в закрытую межведомственную переписку.

¹ SEPO — шведская контрразведка

² «Правда для чайников»

Бумажный — а точнее, электронный — шквал «О. Д. Д.» снёс все преграды, проломал бюрократическую плотину, сократив согласования и обсуждения до нуля. По сути, гости с запада воспользовались волшебным заклинанием почище «сезама» Али-Бабы, и звучало оно крайне внятно: «Просто сделайте то, о чём мы просим — объяснять категорически некогда». По ковбойской привычке подкрепив слова демонстрацией главного дипломатического калибра.

— Нам предстоит задержать гражданина Швеции, — вбил гвоздь Донован и переждал короткую волну недоумённого ропота. — По подозрению в нанесении ущерба национальной безопасности.

Слово «шпионаж» не прозвучало, к чему эпатировать публику?

— Что натворил? — поинтересовался толстошей инспектор с седыми усами.

— Акция санкционирована прокуратурой, — по-английски вмешался вежливый Лунд, отводя вопрос.

В обратном переводе на шведский: не суйтесь, куда не просят!

— Ситуация осложнена тем, — продолжил Донован, — что подозреваемый владеет определёнными навыками, способными осложнить нашу задачу.

Переводчик, худенький лейтенант с высветленным чубом, чуть нахмурившись, выдал подозрительно длинный и путанный перевод. Слишком долго сижу в кабинетах, подумал Донован. Надо было просто сказать: хитрюга-клиент может дать дёру. Будьте настороже, ребята!

— Неужели каратист? — спросил кто-то от входных дверей и собрал скудный урожай смешков.

— Гипнотизёр! — громко ответил Донован. — Хотя, вероятно, между делом может и челюсть кому свернуть.

Публика зашевелилась. Скудное заседание с непонятным статусом начало превращаться в весьма любопытное мероприятие.

— Насколько нам известно, объект обладает ярко выраженными экстрасенсорными способностями. Все, кто войдёт с ним

в контакт, с большой вероятностью подвергнутся отвлекающему воздействию.

— Цыган, да? — удивилась круглолицая девушка в штатском. — Заговорит, глаза отведёт?

— Отведёт, — сказал Донован. — Только без разговоров. Сразу.

«Без болтовни», — вспомнились слова Каширина. И его надменное лицо. Тонкие, нервные, злые губы. Острый нос клювом нависает над змеиным ртом. Бесцветные холодные глаза пресмыкающегося. Ровный бесстрастный голос. — «Без объявления войны, так сказать. Вы ещё только приближаетесь к нему, и уже теряете из виду...»

«Невидимка, что ли?» — Холибэйкер, правая рука Донована, не верил русскому перебежчику ни на йоту.

Каширин посмотрел на рослого «морского котика» снизу вверх, но как на клопа.

«Нет», — объяснил он терпеливо, как маленькому ребёнку, — «никто не становится прозрачным, не исчезает в воздухе, не распадается на атомы. Просто вы перестаёте на него обращать внимание, теряете всякий интерес. Вас может привлечь узор на обоях, расположение фруктов в вазе, статья в лежащей на столе газете, проезжающая машина. А когда вы сконцентрируетесь вновь, то рядом его уже не окажется». — Русский перевёл взгляд на Донована, словно холодной мокрой тряпкой прикоснулся. — «Теперь вам — понятно?»

— ...в каждом подразделении розданы запечатанные пакеты, — Лунд взял на себя технические детали. — В соответствии с инструкцией они должны быть вскрыты вашими сотрудниками ровно в обозначенное время.

— Похоже на военные учения, — поморщился седоусый инспектор.

— Объясню, — в голосе Лунда зазвенело железо. — Есть веские основания полагать, что в руководстве городской полиции может находиться лицо, заинтересованное в том, чтобы задержание нашего подопечного не состоялось.

Зал дружно вздохнул. Стокгольм не подходил под определение «спокойного города»: крупный порт — значит, контрабанда, раз столица — толпы иммигрантов, транспортный узел — ищи каналы поставки наркотиков, свобода слова — следи за экстремистскими группировками. Но злоумышленник в полицейском руководстве — к таким поворотам собравшиеся не привыкли.

— Поэтому я попрошу всех имеющих устройства мобильной связи и рации выключить их и положить перед собой. Мы обязаны обеспечить безопасность операции, так что надеюсь на ваше понимание.

Донован принял бы эти меры раньше, и собранные средства связи убрал бы в экранированный оборудованный звукоизоляцией сейф. Но здесь была вотчина Лунда, и влезать в его кухню не стоило.

Вялые извинения представителя СЕПО прозвучали не слишком искренне. Больше похоже на «Сдать оружие!» Некоторые присутствующие без лишних комментариев выложили на стол чемоданчики переносной телефонии и увесистые трубки радиоаппаратов.

Донован раздёрнул шторы на большой магнитной доске. Цветные кругляши прижимали крупномасштабную карту юго-восточной части центра города. Ключья суши, стянутые нитками мостов.

Лунд, подняв перед собой указку как шпагу перед дуэлью, занял место у доски.

— Мост Йоханнесовсbron. Мост Скансbron, — заплесала по доске указка. — Железнодорожная ветка. Скоростные шоссе на Ханинге и Сёдертелье. Всё это возможные пути отступления объекта. Его текущее местонахождение нам известно, вопрос курируют мои сотрудники. А это, — указка звонко ударилась о доску и чуть надорвала карту, — Улагатан. Второстепенная улица, жилая зона. Преимущественно частная застройка, от многих домов есть спуск к заливу, что даёт дополнительные возможности отхода.

— Наш район, — не без гордости заметил усатый инспектор.

— Нам нужен некто Олаф Карлсон, — продолжал Лунд. — Адрес: Улагатан, сорок два. Объект вернулся с работы сорок минут

назад, машину поставил у ворот гаража. Мы наблюдаем за домом минимальными силами. Если подопечный что-то заподозрит, то найти его будет крайне затруднительно. Повторю предупреждение нашего коллеги: это не обычный преступник. И не рядовой обыватель, хотя и выглядит таковым. Задержание будет производиться сотрудниками СЕПО. Но в связи с важностью задачи и высоким уровнем риска срыва операции мы запланировали ряд мер с привлечением полицейских подразделений. Основная задача — создание «зоны отчуждения». Кем бы ни был этот умник, задурить голову всей полиции Стокгольма у него вряд ли получится.

Зал одобрительно загудел. Donovan оглядел присутствующих. Кажется, они немного оттаяли. Хорошо. Ведь очень важно, чтобы они верили, что делают всё возможное для захвата объекта.

А то, что в сложившейся ситуации объект Donovan — это не совсем тот объект, что интересует шведских коллег... Кому надо, тот в курсе, а для остальных продолжим совещание.

Пробило десять. Вместе с последним ударом часов на городской ратуше эфир взорвался сообщениями. Полицейская волна вскипела. На проработанные планом позиции выдвинулись машины и микроавтобусы всех задействованных служб. Патрули перекрыли ключевые перекрёстки, всё внимание руководителей операции нацелилось на небольшой и относительно тихий район.

Первое и самое плотное кольцо «зоны отчуждения» сомкнулось вокруг дома сорок два. В обе стороны от прибрежной линии, вдоль которой тянулась Улагатан, уходила узкая протока. Со стороны моря по ней поднялись три пограничных катера и взяли под контроль акваторию выше и ниже по течению. Снайперы с приборами ночного видения заняли пять намеченных точек по периметру. Усиленная спецнами из военной полиции группа захвата организовано преодолела лужайку перед крыльцом, рассыпалась вокруг дома — чёрное по серому, в экономной полутьме уличного освещения.

В окнах второго этажа дома сорок два неяркий тёплый свет пробивался через зашторенные занавески. Чуть присыпанный снегом «Сааб» замер у опущенных рольставней гаража.

Авангард подтащил на крыльцо ручной таран и с первой попытки вынес филенчатую деревянную дверь.

Донован с деланным напряжением вслушивался в эфир плечо к плечу с Лундом — в душноватом грузовичке спецсвязи, оформленном снаружи под мебельный фургон.

Топот шагов из динамиков, сбивчивое дыхание, короткие команды. В сложном танце взаимоприкрытия бойцы группы захвата постепенно продвигались по дому, оцетинившись стволами, комната за комнатой.

«В лоб его не взять», — настойчиво объяснял склонный к сотрудничеству и взаимному доверию Каширин. — «Пять, десять, двадцать наблюдателей дела не решат. Тот, у кого Опоссум, чувствует направленное внимание, когда попадает в чужое поле зрения, очень хорошо чувствует. И выскальзывает из него как маслина из-под вилки, ха-ха-ха!»

— Его здесь нет! — не разочарованный, а скорее удивлённый голос из динамиков.

Лунд стукнул себя кулаком по колену.

— Как же вы так? — не удержался от комментария Донован.

Он был уверен, что Карлсон по-прежнему в доме, и сейчас, незаметный, незамечаемый, готовится уйти по-английски.

А на Улагатан в небольшой квартире на первом этаже дома номер шесть — единственного многоквартирного на улице, в нескольких кварталах от места основных событий, потрескивая, горели свечи, и время застыло в капкане из мерцающих язычков огня. На толстых фаянсовых тарелках остывало рагу, нетронутые вилки и ножи как конвоиры застыли по сторонам. В складках льняной скатерти, расшитой наивным узором, прятались мягкие тени.

Человек, носящий имя Олаф Карслон, самый разыскиваемый гражданин Швеции по состоянию на сегодняшний вечер, так

и не прикоснулся к еде. Он разглядывал соединённые пальцы двух рук — мужской и женской. Короткие и толстые, с квадратными бесцветными ногтями — его собственные. А в них впились — куда более изящные, украшенные парой серебряных колечек, пальцы Астрид.

Как же так получилось, недоумевал человек. В какой момент остался за спиной шлагбаум главного, основополагающего внутреннего запрета? Оседай, велел Змей. Обживайся, вращай, пускай корни. Становись самым шведским из всех шведов. Ходи на хоккей и воскресную молитву. Сливайся с пейзажем. Обзаведись семьёй, не мальчик уже.

Но человек противился приказу именно в этом последнем пункте. И строил жизнь, никогда не забывая, кто он и для чего здесь находится. Помня, что однажды может случиться худшее. Как сейчас.

Астрид смотрела на него пристально и печально, пытаясь разгадать причину возникшей паузы. Балансируя между надеждой и отчаянием. Глядя его заскорузлую рабочую ладонь.

«Я должен срочно уехать», — сказал он любимой женщине добрых две минуты назад, чем загнал себя в окончательный, железобетонный, безысходный тупик.

«Когда ты вернёшься?» — разумеется, спросила она, захлопывая дверцу мышеловки.

Беззвучно плавилась и отекали модные разноцветные свечи, распространяя запах тепла и уюта. Меньше месяца до Рождества. Уже повсюду распродажи, город лучится иллюминацией, Санта запрягает оленей. И надо бежать.

Оба варианта ответа — правдивый и ожидаемый — не давали ничего. Потому что нельзя было привязываться самому, и нельзя было так привязывать её к себе. Честное безжалостное «никогда», подслащённое убогой ссылкой на неведомые обстоятельства, это какой-никакой *суп de grace*¹. Назвать же

¹ удар милосердия (франц.)

некий далёкий-далёкий срок, зыбкий как мираж в северном море — означает обречь дорогое существо на пытку, не дать возможности пережить потерю, лишит даже призрачной вероятности построить хоть что-нибудь на обломках разрушенного.

Ей тридцать семь. Им можно было бы родить сына. Построить дом. Посадить целую рощу чёртовых деревьев, пусть тут и так одни леса кругом. Но свечи таяли миллиметр за миллиметром, а впереди не проглядывало ничего кроме бесконечной полярной ночи.

— Что-то на плите? — неуверенно спросил он.

Астрид вздрогнула, непонимающе оглянулась на кухонную дверь, отпустила его руку. Торопливо поднялась, отвела со лба прядь волос. Вышла из гостиной.

Человек сжал зубы, чтобы не закричать. Наверное, так чувствуют себя сорняки, когда штык лопаты подрубает корни, когда рывком за стебель — прочь из земли. Сорняк, сказал он себе. Чего ты хотел? Чего ждал?

Он достал из кармана серебристую металлическую фигурку размером с брелок. Остроносый зверёк, похожий на мышь, но с закрученным по-обезьяньи хвостом, хитро и задорно смотрел на своего хозяина.

Человек на секунду заглянул в любопытные и хитрые звериные глаза. Потом стиснул его в ладони и зажмурился. Словно грозовая туча из ниоткуда выросла в один миг под сводами черепной коробки. Искры крошечных разрядов защекотали нёбо и изнанку глаз. Слюна стала горько-кислой, как от облизанной батарейки. Надбровные дуги онемели, окаменели, в переносицу будто вбили гвоздь.

Астрид убедилась, что огонь погашен, а газовый кран закрыт. Под дальней конфоркой тёмным ободком, похожим на контуры Скандинавского полуострова, застыла убежавшая подливка. Непорядок. Астрид намочила мочалку и подняла чугунную решётку. Сняла с полки бутыль чистящего средства. Заворожённо застыла, глядя как ярко-зелёная струйка захватывает побережье Скандинавии. Под мочалкой поднялась пена, сначала

снежно-белая, но постепенно становящаяся кофейно-бурой. Радужные пузырьки тускнели, а грязь с плиты отступала.

Астрид так увлеклась сражением, что не заметила вошедшего на кухню человека. Она, конечно, хотела бы связать с ним жизнь. Если повезёт, то как в сказках: до самого конца. Но сейчас ей было не до него — под пенными разводами ещё скрывались последние очаги сопротивления. Родной край должен быть очищен от бурого захватчика.

Человек быстро сполоснул тарелку и поставил её на сушилку. Положил в посудный ящик вилку и нож. Убрал за стекло бокал на высокой ножке. Постоял у Астрид за спиной с полминуты. Вернулся в гостиную. Негромко включил телевизор. Забрал с каминной полки фотографию, где они сидят на палубе небольшой яхты, свесив за борт босые ноги. Снимок очень контрастный, лица в тени козырьков бейсболок, и видны только широкие белые улыбки.

Потом он в коридоре надел ботинки, убрал тапочки глубоко под вешалку и тихо вышел из квартиры, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Когда сгоревшая подливка капитулировала, и конституционная чистота плиты была окончательно восстановлена, Астрид услышала, что уже началась викторина, и поспешила к телевизору.

Ужин немного остыл, но она поленилась подогревать его. Астрид привыкла ужинать в размеренном телевизионном одиночестве, и еда часто остывала. Но микроволновая печь — техника опасная, об этом и в газетах писали, так что лучше уж съесть холодное, чем лишний раз облучаться.

Участники викторины по очереди крутили огромный полосатый барабан, пытались угадать буквы, скрытые под белыми пластинами, и постоянно ошибались. Астрид снисходительно улыбнулась. Она любила кроссворды, шарады, ребусы, головоломки — всё, что помогает коротать время. Ей хватило и первых двух открытых букв, чтобы сразу догадаться: загаданное слово — «СЧАСТЬЕ».

«Розыскать и задержать», значилось под фотографиями. Олаф Карлсон, в фас и в профиль, картинка контрастная, чёткая.

Дэвид Батлер, второй секретарь посольства, беспомощно взирал на досадную опечатку и потел. Две тысячи экземпляров, и всё своими силами, не выходя из шифровальной. За одну ночь, между прочим. Растиражировать листовки, запечатать в сейф-пакеты, разложить по коробкам, надписать адреса, проследить за отгрузкой.

Розыскать и задержать — крупным кеглем. Не опечатка, конечно, а самая что ни на есть ошибка. Пусть и в неродном шведском языке. Непростительно, вообще-то. Зато успели в срок, пол-Стокгольма отоварено. А теперь этот рэйнджер Донован прискакал на всё готовенькое — только ленточку перерезать.

Время, которое ночью и утром летело со скоростью курьерского поезда, к вечеру вдруг замедлилось, заболотилось, обволокло Дэвида тугим покрывалом. Секунды словно склеились и неохотно отлеплялись одна от другой. Круг стрелки по циферблату — целое путешествие.

Неприметная машина Батлера была припаркована на кривой улочке Улагатан, повторяющей поворотами силуэт береговой линии. По правой стороне дороги вразнобой стояли особнячки и коттеджи, слева — какие-то хозяйственные постройки, будки, гаражи. Кое-где между ними под горку уходили деревянные мостки и лестницы — по ним можно было выйти к прибрежным валунам и лодочным пирсам.

Батлер не был склонен к оперативной работе, но разбираться особо не стали — всех, кто мог выйти из посольства и имел необходимый допуск, привлекли в помощь Доновану без лишних разговоров. И шведов задействовали какое-то невероятное количество, но не для совместной работы, а как-то самих по себе, без взаимодействия. Батлер подозревал, что не случайно.

Так что приходилось сидеть и во все глаза следить за неподвижным пейзажем. Статуя секретаря в ожидании появления Клиента. Мрамор, жёсть, уличная подсветка.

Батлер не знал, что за важная птица такая — Карлсон. С виду — лет тридцати пяти, белобрысый скандинав. Полноватый, улыбчивый, лицо открытое, даже чуть-чуть глуповатое.

«Розыскать и задержать». А ниже, шрифтом помельче: «Разместите эту фотографию на видном месте». Такое обычно на ориентировках не пишут. Любой коп внимательно рассмотрит разыскиваемого, запомнит приметы, да и сунет листовку в бардачок — или во внутренний карман. А тут — «на видном месте». Зачем?

Батлеру едва исполнилось двадцать семь, и в Стокгольме он работал первый год. Но секретарь умел выделять из проносящейся мимо информации «самое сладкое». Собственно, этот навык и привел недавнего выпускника Массачусетского Технологического на службу в разведку.

Вторым любопытным фактом Батлеру показалось использование сейф-пакетов. Дорогая одноразовая вещь. Плотная бумага, хаотично штрихованная изнутри, чтобы нельзя было изучить содержимое на просвет. Совсем не канцелярский клей, схватывается намертво. Картонный замок со встроенной микросхемой. Невидимые часы остановятся в момент открытия замка. Чуть ли не годовой запас конвертов — на ветер!

На каждом сейф-пакете — текст-напоминание: «Вскрыть второго декабря строго в 21:45, конверт вернуть непосредственному руководителю по окончании смены». Больше похоже на армейские штучки. Ребята из шведской «полис», наверное, здорово удивились, получив такие послания от собственного начальства при выходе на смену.

И это третий занятный момент: если к задержанию привлечены местные, то для чего городить огород, присылать из-за океана кураторов? Почему нельзя было согласовать операцию без непосредственного присутствия Донована и его помощника Холибэйкера, больше похожего на рестлера, чем на аналитика из Агентства? Две тысячи участников или две тысячи два — велика ли разница?

Но раз эти двое здесь, значит, разница есть. Прибыли они, конечно, по-пижонски: не в Арланду, а на военный аэродром в Уппсалу. Читай: персональным рейсом. В обход всех мыслимых правил. Батлер имел отношение к вопросам взаимодействия с войсками, поэтому был уверен: на сегодняшнее утро никаких плановых прилётов не предполагалось. Вывод: срочное прибытие Донована вызвано экстренной необходимостью.

А когда возникает срочность? Только когда появляется быстро устаревающая информация: или ты успеваешь ею воспользоваться, или с сожалением отправляешь её в утиль. Раз цель операции — задержание Клиента, срочность может быть вызвана лишь двумя причинами: либо изменением его статуса, либо тем, что о Клиенте вообще стало известно только что. Под «статусом» подразумевались самые разные вещи — владение знаниями или материалами, вероятность ухода из-под наблюдения, готовность к контакту... Но если бы за объектом следили уже долгое время, то ни к чему были бы ориентировки и сейф-пакеты. По крайней мере, подготовка вряд ли бы шла в посольстве США. Отсюда вытекает, что второе предположение более достоверно.

Батлер довольно потянулся. «Вы следите за ходом моей мысли?» — вечно спрашивал на лекциях по математической логике престарелый маразматик Кэллоган. Путался, возил сухой тряпкой по доске, пачкал рукава мелом... Переписывал формулы, пачкал рукава мелом...

Так, не спать! Сказывалась бессонная ночь: стоило устроиться поудобнее, мысли сразу начинали вихриться и уносили сознание прочь — как летающий домик в страну Оз. Не спать, Дэвид Батлер!

Он сел по стойке смирно и влепил себе пару пощёчин. Ясность мысли постепенно вернулась.

Припозднившийся прохожий с сумкой через плечо перешёл улицу прямо перед капотом. Внимательный к мелочам секретарь успел разглядеть на пешеходе вязаную шапку с помпоном, чуть поблескивающую синтетическими нитями в тусклом свете фонарей.

Как много можно сказать о человеке по его помпону, подумал Батлер. Яркие пушистые шарики на девчачьих беретиках — беззаботность, шалость, доверительный шёпот на ушко, курчавый локон, падающий на лицо... Он даже заулыбался, такой светлый и одновременно соблазнительный образ нарисовался к простому помпону.

Другое дело — унылые и неопрятные мятые ежи-мочалки из длинной шерсти. Выцветшие мечты, развеянные иллюзии. Такой помпон сопровождает стареющего владельца в загородный сад, укрытый первым снегом, или на утлом баркасе — в беспокойные воды осенней Балтики, сидит с ним у костра или над бурлящей рекой, — этот помпон умрёт вместе с хозяином, как верный пёс.

А вот флотские помпоны... Белая палуба, белая форма, загорелая кожа, сигнальные флажки свисают с мачт разноцветными гирляндами...

Дэвид Батлер крепко, безнадёжно крепко спал. Звонко тикали встроенные в приборную панель часы. Чуть дрожала от горячего потока воздуха фотография, приклеенная скотчем над шторками обдува: широколицый скандинав с открытой располагающей улыбкой. Розыскать и задержать.

Батлер очнулся лишь от пятого звонка зуммера, и заозирался вокруг, пытаясь сообразить, как это с ослепительной палубы военного парусника он так неудачно перенёсся в затхлую малолитражку, припаркованную на пустынной улице засыпающего жилого района. Сигнал вызова не унимался, и стоило нажать кнопку приёма, раздражённое шипение Донована хлынуло в салон, аж под обивку залезло:

— Батлер, что у вас там происходит? Куда вы ушли от рации? Почему не докладываете обстановку?

Какую обстановку? Что докладывать? Батлер совсем растерялся. Правильные и естественные вопросы Донована требовали немедленного ответа. Как школьник в поисках шпаргалки, Батлер суетливо огляделся. Вот дома за окном — это Стокгольм,

да, он же теперь живёт в Стокгольме. Плотная полоса машин, припаркованных на ночь, — хорошо ещё, что нашлось свободное место...

— Батлер?!

И тут взгляд прилип к фотографии на приборном щитке. Рябая шапочка, помпон...

— Донован! — Батлер едва удержался от крика. — Клиент прошёл мимо машины.

— Вы уверены? Только что? Вы ещё видите его? Не смотрите подолгу! Объект не должен на вас обратить внимания!

— Нет... Не вижу. Он... ушёл!

— Батлер, хватит мямлить, отвечайте по порядку: как давно он прошёл мимо вас, в какую...

— Я не знаю.

— Что?!

— Я не знаю, Донован! — сумка, спокойная чуть усталая походка, сплетение ворсистых нитей — всё стало кусками собираться в мозаику. — Он что-то сделал... Я не знаю.

— Холибэйкер! Джереми, ответь! — на другом конце линии Донован пытался вызвать помощника, видимо, по другой рации.

Батлер окончательно пришёл в себя, и теперь как в замедленной съёмке пересматривал короткую историю своего позора: вот Клиент идёт по тротуару, издалека и не торопясь, вот спускается на мостовую, вот пересекает разделительную полосу... Да что же это за наваждение?

Где-то неподалёку раздался громкий металлический звук — то ли лязг, то ли звон, — его было слышно даже через закрытое окно.

— Где Холибэйкер? — страшным голосом спросил Донован. — Батлер, мать твою, где мой Холибэйкер?!

Джереми Холибэйкер впервые за долгое-долгое время чувствовал себя в своей тарелке.

Как же давно это было — без малого пять лет назад! — молодой капрал, грудь колесом, руки по швам, — застыл перед неприметным

штатским с безликим бэйджем: ни названия организации, ни логотипа, ничего — одна фамилия: Донован.

— Разрешите обратиться! — гаркнул капрал, и голос не подвёл, прозвучал раскатисто, будто зенитная ракета ушла со стапеля.

Только что его выбрали! Единственного из пяти десятков таких же бравых парней, негнибаемых, железных, словно выточенных на одном токарном станке.

— Разрешаю, — мягко ответил штатский.

— Почему именно я?.. сэр...

— Можешь называть меня шефом, — поправил Донован. — И добавлять «сэр» не обязательно, ты уже не в армии.

— Да, с... Да, шеф.

Штатский усмехнулся:

— Есть две причины. Во-первых, мне понравилось твоё личное дело.

Что ж там особенного, удивился Холибэйкер. Всё как у многих. Три боевых операции, одна пустяковая награда, десяток спортивных грамот. К тому же, есть и тёмное пятно: семь суток гауптвахты за нанесение побоев старшему по званию.

— С одной стороны, у тебя есть терпение, — пояснил Донован. — Когда пришлось пять дней сидеть по шею в болоте, что ты чувствовал?

Холибэйкер улыбнулся.

— Сначала холод. Потом голод. Потом злость.

— А потом?

— А потом мы перебили в лагере всех чёртовых комми, и на базе меня ждал мега-бургер и горячий душ.

— То, чем придётся заниматься, потребует адского терпения и ангельского спокойствия. А когда доберёмся до вражьего лагеря, пригодятся и твои боевые умения. Зато приз будет куда внушительнее, чем ты можешь себе представить.

Холибэйкер не особо разбирался в шарадах и предпочитал беседы почётче, без тумана. Поэтому просто спросил:

— Вы говорили про две причины, сэр?

— Вторая: тебе повезло.

Так он и повторял себе потом: «Мне повезло!» — особенно часто — в первое время, когда новая служба казалась унылым просиживанием задницы и очковтирательством на грани саботажа. Хорошенькое дельце — изучать то, чего никто никогда не видел и в руках не держал! Подходящее занятие для раненного в голову хиппи, а не для ветерана-морпеха.

По документам получалось, что он теперь сотрудник частной охранной компании, и зарплата поступала еженедельно без опозданий. Только не бывает компаний из двух человек, а кроме них с Донованом вокруг никого не наблюдалось. Маленький кабинет с видом на Потомак, выделенное место на парковке, вежливые и неразговорчивые сотрудники соседних офисов, таблички фирм с мало что говорящими названиями. Так проще и практичнее, объяснил ему Донован. Вроде и сами по себе, но под присмотром.

Дверь в кабинет была совсем не офисная — тяжёлая и многослойная, со стальными штырями, уходящими в стену вокруг двери чуть не на метр. Стол Донована оккупировал громоздкий монитор, соединённый проводами с железным шкафом вычислительной машины. Вдоль стен выстроились алюминиевые стеллажи, забитые впрок папками и коробами. Впрок — потому что три четверти были лишь надписаны, а внутри оставались пустыми. Канцелярское кладбище.

На корешках красовались фотографии животных. Зоосад, а не контора! Те папки, в которых хоть что-то хранилось, были отмечены красной полосой. Этого редкого знака отличия удостоились змея, орёл, летучая мышь, волк и ещё десяток зверей. В таких папках были собраны газетные статьи, вырезки, копии отчётов и писем на разных языках, но зачастую прочитав подряд целую кипу документов, Холибэйкер не мог уловить, что их объединяет.

Постепенно, конечно, Донован ввёл его в курс дела, но то, что он рассказал, казалось детской фантазией или выдумкой помешанного. Холибэйкер сразу вспомнил дядю Джека, маминого двоюродного брата, «украденного инопланетянами» и с тех пор даже

в солнцепёк не расстающегося с зонтом-тростью и трофейной нацистской каской. Они высосут нам мозги, Джереми, всем по очереди! Даже отражатель их не остановит! И зонтом — щёлк! щёлк!

Фигурки, заряженные мистической силой и дающие своему владельцу особые умения — чёрта-с-два капрал Холибэйкер поверил бы в такую галиматью, пока не увидел бы собственными глазами. Да и тогда не поверил бы, а попытался найти разумное объяснение. Но в том-то и фокус, что ничегошеньки конкретного у Донована не было — только слухи и сплетни, да пара десятков слепых копий с документов сомнительной подлинности. Как на такое могли выделить хоть какой-то бюджет, Холибэйкер не представлял. На что только не расходуются деньги добросовестных американских налогоплательщиков!

Впрочем, постепенно и незаметно для себя он втянулся в эту игру. Игра — вот отличное название тому, чем пришлось заниматься. Штабная игра — всё понарошку, но делается не просто так, а помогает отработать навыки! Правда, какие навыки можно отработать, разбирая макулатуру и читая эзотерические бредни, Холибэйкер по-прежнему не понимал.

Но затем обстановка понемногу изменилась — как будто игра стала обретать очертания реальности. Донован заразил Холибэйкера своим охотничьим азартом, и теперь Джереми не оставляло ощущение, что какой-то из пресловутых Объектов вот-вот попадёт к ним в руки.

Они с Донованом всё чаще срывались с места, и это было здорово. Боливия, Пакистан, Тайвань, Марокко, Бирма — в какие только края их не заносило! Про Европу и говорить нечего, одно время мотались туда-сюда по два-три раза в месяц. И куда бы они ни забирались, отслеживая новую зацепку, отрабатывая след или проверяя информацию, всюду чувствовалось присутствие и опека вездесущего Агентства¹.

¹ Центральное разведывательное управление (ЦРУ) по-английски звучит как C.I.A. — Central Intelligence Agency (Центральное разведывательное агентство)

И пускай все попытки до сих пор были тщетны, ниточки обрывались в руках, а тропинки упирались в тупик — теперь Холибэйкер верил, что уже скоро им должно повезти по-крупному. Как когда-то в никарагуанском болоте: надо ждать и бдить, а потом не упустить подходящий момент.

И теперь он сидел на корточках и улыбался в почти абсолютной темноте промёрзшего лодочного сарая. С «сухого» гидрокостюма, в котором пришлось подныривать под ворота, стекали, подсыхая, капли, и от этого становилось ещё холоднее. Рация молчала, но рано или поздно раздастся сигнал от Батлера, и нужно будет вставать на исходную позицию к двери. Холибэйкер сжимал и разжимал кулаки, напрягал поочерёдно разные группы мышц, стараясь не заоченеть.

Карлсон должен, должен прийти сюда. Только Каширин, его прямой контакт с Москвой, знал о существовании этого сарая и моторной лодки, записанных на какого-то пенсионера, доживающего свой век под опекой медсестёр. Теперь в тайну были посвящены ещё двое — Донован и его верный помощник. И этим знанием предстояло воспользоваться правильно. Шведы обязательно подключатся к операции — когда им это позволит Донован. То есть, не раньше, чем Холибэйкер уговорит Карлсона отдать ему Опоссума.

«Вы просто не представляете, какие возможности получает его владелец!» — заговаривая об Объекте, беглый генерал сразу впадал в раж, размахивал руками и сверкал глазами. — «Отвод глаз, в буквальном смысле, а не в переносном. Человек по своему желанию превращается в тень, выпадает из поля вашего внимания. Чего лучшего пожелать представителю нашей профессии? Скрытое проникновение! Незаметность, возведённая в абсолют!»

Холибэйкер не любил предателей — насмотрелся на таких в Колумбии и Панаме. Но без этого змееротого русского группа Донована никогда не узнала бы даже о существовании Объекта Опоссум. На стеллажах не нашлось подходящей папки...

За воротами сарая, склёпанного из тонкого листового железа, послышался необычный звук. Холибэйкер давно уже вслушался в плеск воды и дыхание деревянных причалов на осеннем ветру, но сейчас скрипнуло как-то по-другому, не в такт, что ли. И тотчас в личинку замка снаружи вставили ключ.

Неужели Батлер прозевал Клиента?! Его машина стояла так, что не увидеть человека, спускающегося к причалам, было невозможно. Время упущено! Холибэйкер быстро и бесшумно поднялся, приготовил раскрытые наручники с длинной цепочкой между браслетами — такими обычно цепляют к себе чемоданы с деньгами.

В воротах лодочного сарая имелась небольшая дверь, а в ней — закрытое на замок окошко, чтобы только просунуть руку и открыть изнутри запоры. Холибэйкер планировал пристегнуть один наручник к приваренной рядом с окошком металлической скобе, а второй защёлкнуть на запястье Карлсона. Тогда каким бы волшебным даром не обладал русский шпион, никуда бы он уже не делся. Холибэйкер не закрепил наручники заранее, ожидая сигнала от Батлера, и теперь об этом пожалел.

Ржаво взвизгнули петли, сиреневый ночной свет влился в сарай, едва наметив контуры широкой лодки со стеклянным щитком на носу. Затем свет заслонила рука — Холибэйкер скорее слышал её, чем видел.

Раз! И раз! Два почти одновременных трескучих щелчка, и рука незнакомца сцеплена с рукой Холибэйкера. Он навалился, втягивая чужую руку внутрь и вниз, и жарко зашептал:

— Карлсон! Карлсон! Отдай Опоссума, и я тебя отпущу! Ты мне вообще не нужен, Карлсон! Только Опоссум — и ты свободен!

Пойманная рука дернулась, напряглась, но кто же может противостать капралу Холибэйкеру? Он держал противника цепко и грамотно.

— Опоссума, Карлсон! У тебя нет времени думать! Через минуту полиция будет здесь, и тогда всё!

Тут Холибэйкер понял, что обронил зажигалку. Это была непростая вещь, памятный подарок от сержанта Ли, отличного командира и великолепного боксёра, — что, впрочем, не спасло его от снайперской пули, влетевшей в грузовой отсек вертушки... А в такой темноте зажигалку, пожалуй, и не разглядишь, наощупь придётся... Он опустился на колени, одной ладонью начал осторожно трогать пол вокруг себя, стараясь не посадить занозу от плохо оструганных досок. Ведь заноза — только кажется, что безобидно, а одному парню из школы даже палец ампутировали...

Левая рука за что-то зацепилась, и Холибэйкер машинально подёргал её туда-сюда. Надо же, как будто наручник на руке!

И откуда здесь может оказаться его зажигалка, если он проплыл в сарай в гидрокостюме?! Мысль яркая и удивительная прямо-таки озарила темноту сарая изнутри — но в этот момент какое-то чудовище рвануло Холибэйкера за пойманную руку, вытягивая её из сарая через узкое дверное окошко.

Сначала Джереми впечатался скулой в металлическую поперечину, укрепляющую ворота. Это было довольно больно, но в следующее мгновение больно стало по-настоящему, потому что левую руку вдруг выгнули в локте в обратную сторону — до характерного треска.

Потом железная дверь распахнулась и снова ударила Холибэйкера в лицо, а секунду спустя носок тяжёлого туристского ботинка воткнулся ему в солнечное сплетение. Оседая в спасительное беспамятство, он ещё несколько секунд оставался пассивным участником событий.

Карслон ухватился за раскрытую дверь, рванул её вверх, сняв с коротких петель. Теперь прямоугольный железный лист напоминал щит легионера, но болтался, нанизанный прорезью окошка на ось, состоящую из двух рук и соединяющей их цепочки наручников. Холибэйкер хрипло рыкнул, когда Карлсон пропихнул дверь в узкий проём внутри сарая. А когда морпеха приподняли за шиворот и перевалили через борт лодки, сломанная рука снова перекрутилась в локте, и темнота накрыла Холибэйкера с головой.

Любая физическая работа усложняется, когда к запястью привязан балласт весом в центнер. Казалось бы, открыть створки ворот, достать из тайника между досками непромокаемый конверт «на чёрный день», сесть в лодку, завести мотор — и всё!

Но наличие на руке браслета с крупногабаритным охотником на Опоссума и листом железа в комплекте здорово осложняло жизнь. Получившаяся конструкция напоминала головоломки из цепочек и колечек, что продаются на бензоколонках среди плюшевых зайцев и стеклянных шаров со снегом — случайные игрушки для мимолётных подарков.

Карлсон кое-как пролез в сарай. Извернувшись, дотянулся до запоров. Ближняя створка открылась легко, а дальнюю он пихнул ногой, но чересчур сильно — она распахнулась полностью, а потом вернулась назад, наполовину перегородив лодке выход на открытую воду.

Балласт издал нечленораздельный звук, когда Карлсон перевалил его в лодку. Откуда же ты тут такой взялся? Очень хотелось поразмышлять над этим, но здравый смысл подсказывал, что медлить не стоит — вряд ли этот гость окажется единственным.

На настиле рядом с лодкой Карслон нашёл непромокаемый водолазный мешок и рацию натовского образца. Рацию хотел утопить сразу, но потом решил, что в ближайшие минуты она может оказаться полезной.

Выполнив сложный пируэт вокруг своей заякоренной руки, Карлсон уселся на переднюю банку и вставил ключ в замок зажигания. Слава надёжной европейской технике, холодный мотор завёлся с полуоборота.

— Холибэйкер! Джереми, ответь! — ожила рация.

— Приятно познакомиться, — сказал Карлсон, прибавил газу, и, с грохотом отшвырнув в сторону непослушную створку, бросил лодку вперёд.

Оставлять правую руку и всё к ней привязанное вне поля зрения не хотелось. Едва выйдя за край лодочных мостков, Карлсон

привстал и рывком подтянул неподвижное тело гостя к себе. По отсутствию ответной реакции стало понятно, что тот в отключке.

Карлсон разместился почти с комфортом. С берега за лодкой никто не следил, и это было непонятно. Лодка раскачалась, поймав не в такт несколько коротких волн, но на большей скорости выравнилась и пошла ровно и уверенно. Появилась минутка, чтобы осмыслить происходящее.

Шесть лет назад Олаф Карлсон шагнул на сцену в круг беспощадного света — из ниоткуда, из-под сумрачного покроя джунглей давно не существующей Южной Родезии. Юноша, выросший на ледяном северном берегу Ботнического залива, навсегда исчез в запредельном тропическом далеке, а назад вернулся многое повидавший мужчина. Сразу и не узнать. Лишения и страдания очень меняют людей.

Горного инженера Карла Карлсона, уехавшего вместе с семьёй в начале семидесятых искать платину и кобальт для Яна Смита, не забыли на рудной кафедре Технологического университета в Лулео. О гибели профессора и его супруги во время беспорядков в Хараре писали все газеты и журналы. «Шведский Ливингстон ушёл вслед за Южной Родезией». Май восьмидесятого. Случилось всё, конечно, не в Хараре, а в глухой глуши среди полноводных притоков Лунди, где-то между Масвинго и Мутаре... Но для среднестатистического читателя даже новое слово «Зимбабве» переводилось как «глушь», и вряд ли кто-то слишком погружался в детали.

Главное — о чудо! — хотя бы сын остался жив! Двадцатипятилетний Олаф не сбежал в полярные снега детства, а продолжил дело отца, как и подобает настоящему упёртому шведу. И ещё шесть лет рыл, копал, долбил, сверлил африканские скалы, или что там полагается делать этим сумасшедшим геологам.

Но всё-таки вернулся — на смену апартеиду пришло что-то новое, маятник качнулся в противоположную сторону, и в Зимбабве

восемьдесят шестого уже никто особо не разбирал, где англичанин, а где швед. Белый! Диагноз и приговор.

Вернувшись под сень трёх корон¹, молодой Карслон не стал щеголять своим буссенаровским прошлым или опираться на имя уважаемого родителя. Из вежливости посетив коллег Карла по кафедре, — как изменился мальчик! Как возмужал! А что вы хотите — Африка! — он обосновался в стокгольмском предместье и занялся чем-то случайным, но приносящим какой-никакой доход.

Копировальные машины покоряли офисный мир, изменяли принципы делопроизводства, из модного изыска превращались в очевидно необходимый атрибут любой конторы. Громоздкие машины завоёвывали жизненное пространство в юридических бюро и торговых фирмах, инженерных центрах и правительственных учреждениях.

Упорство, удивительное везение и неплохое наследство, вывезенное-таки из бушующего Зимбабве, перемножились и дали впечатляющий результат. Не прошло и двух лет, как удачливый молодой человек — да-да! сын того самого Карлсона! — уже числился в поставщиках министерства обороны, королевского двора, секретной полиции и ряда других серьёзных структур.

Множительная техника — не предмет разовой продажи. Тут и замена комплектующих, и поставка бумаги, и постоянное обслуживание, и гарантийные обязательства. Он не был задавакой, этот Олаф Карлсон, и от «полевой» работы не прятался. Бывший геолог рьяно взялся за дело, посвящал себя работе целиком, лишних сотрудников не держал, стараясь обходиться необходимым минимумом: бессменный кладовщик, энергичный менеджер по закупкам, приходящий бухгалтер и трое толковых электронщиков — вот и весь штат. Карлсона часто можно было видеть и в коридорах Розенбада², и на

¹ Tre kronor (три короны) один из символов Швеции, изображённый на государственном гербе

² Здание шведского правительства

военно-морских базах в Висбю и Карлскруне, и у неприветливого здания на Полхемсгатан, 30¹.

И шли, шли, шли в Центр сообщения от Северянина, лучшего нелегала ГРУ в Скандинавии. Отгремели первые раскаты грома над большой страной — Сумгаит, Тбилиси, Вильнюс... Москва... Отправились в забвение живые мертвецы из Политбюро, развернулись на сто восемьдесят градусов приоритеты, закрутилась непонятная новая жизнь — но эти изменения пока никак не касались разведки. Ведь кто бы ни оказался у руля государства и у рычагов армии, ему всё равно потребуется своевременная и достоверная информация.

Введение Северянина на место погибшего в Африке Олафа Карлсона заняло больше пяти лет. Обустройство в Швеции — почти столько же. Тонкая работа не любит нетерпеливых, и долг путь от посева до урожая. Но Северянину удалось приблизиться одновременно к такому количеству источников, что все тяготы подготовительного периода окупились сторицей.

Однако и в самой стройной системе может возникнуть сбой. Возникнуть случайно — или появиться по чьей-то воле. Так что появление чужака в лодочном сарае стало для Северянина неожиданностью куда более неприятной, чем факс, полученный полутора часами раньше на домашний аппарат...

Пустой лист, как будто прервался коннект, и только строчка отбивки вверху страницы. Сам факт звонка с этого номера уже означал катастрофу, дополнительного текста не требовалось. Немедленная эвакуация.

Карлсон нечасто использовал Опоссума — слишком тяжело давался каждый лишний контакт. Да и профессиональные навыки атрофируются, если хвататься за артефакт по пустякам. Но сейчас был другой случай.

Скомканное послание полетело в мусорную корзину. Сжав в руке холодящую фигурку Опоссума, Карлсон подошёл к окну

¹Полицейское управление, где располагается штаб-квартира СЕПО

и слегка раздёрнул шторы. Будто три хамелеона облизнули ему лицо холодными мокрыми языками. Один из припаркованной на углу машины, один из дома напротив. Да, а вот и третий — молодая мама выгуливает младенца перед сном, покачивает высокую коляску. Ничего, симпатичная. И работает хорошо — едва увидела Карлсона, сразу отвела взгляд. Не то, что лопух из машины: так пялится, что дыру протрёт!

Карлсон мечтательно посмотрел на макушки деревьев, лениво потянулся, начал расстёгивать рубашку, шагнул назад, снова отгородился шторами от внешнего мира. Пора в дорогу.

«Командировочная» сумка с мелочами и не разбиралась — только снять с антресолей. Крепкая, просторная и тёплая одежда. Удобные башмаки.

Он вышел из дома через парадный вход, так было проще: трое — это не особо серьёзно, а со стороны задней двери, ведущей к гаражу, любознательных прохожих могло оказаться куда больше.

Опоссум придавал уверенности в себе, да, в общем-то, и наглости. Вместо того чтобы кратчайшим путём выбираться из города, Карлсон навестил Астрид. Она ждала его к ужину, и просто исчезнуть он не решился. Сентиментальный слабовольный дурак! И трус — поэтому сделал только хуже.

Весь воздух в квартале наэлектризовался от назревающих событий. Пока Карлсон сидел за столом перед нетронутым рагу, за окном проезжали одна за другой неправильные, нездешние машины, искрясь нетерпением пассажиров.

Так и не решившись на прощание, только слегка помучив и Астрид и себя, он вышел на улицу. Пусто. Никто не выглядывает в ночи одинокого путника.

Старая жизнь закончилась, начиналась новая — где придётся вдвое больше просчитывать и вдесятеро чаще импровизировать. И для начала нужно было спокойно уйти.

Карлсон предполагал, что Опоссум силен бесконечно — но совсем не был уверен в себе. Свинцовая тяжесть разлилась по лбу и вискам, распирала переносицу, давила на глаза. Крошечное

млекопитающее прикидывается мёртвым, и опасность обходит его стороной. Скольких я пересилю? Какой поток взглядов смогу отвести? Двадцати человек? Тридцати? Или под таким спудом в голове взорвётся аорта, и кровь хлынет в мозг? Проверять не хотелось. Людные улицы, общественный транспорт, вокзал, аэропорт — вычеркнуть.

Собственно, ничего сверхъестественного не произошло — он думал об этом дне и готовился к нему не один год. В пяти минутах ходьбы ждала лодка с заправленным баком. Вверх по проливам, вглубь материка, без суеты и паники. Припозднившийся рыбацк возвращается в родную деревню. Возможные маршруты давно просчитаны, остаётся только выбрать лучший. А вдалеке от Стокгольма, даже если розыск объявят по всей Швеции, им уже не удастся достичь той концентрации внимания, что может пробить защиту Оппоссума.

Недалеко от поворота к пирсам Карлсона снова настиг язычок чужого взгляда, но вялый и какой-то заторможенный. Ряд припаркованных на ночь машин — и только в одной задержался водитель, совсем не случайно, но его внимание дрожит и двоится. Да ты спишь, приятель! Карлсон чуть крепче сжал Оппоссума, позволил острым спицам боли медленно воткнуться под брови — надо помочь человеку отдохнуть. Водитель машины повстречался со своей грёзой.

Обойдя капот, Карлсон мельком заглянул в лобовое стекло. Непонятно откуда возникло сомнение: а швед ли сидит внутри? Узкое лицо, нос с горбинкой, обычный парень, таких вокруг тысячи — почему же кажется, что он вообще не из этих краёв? Оппоссум, не твои ли это шутки?

Отбросив глупую мысль, Карлсон легко сбежал по чередё коротких лестничек и вышел на пирс. Однако настырная мысль не хотела уходить и эхом возвращалась снова и снова. В задумчивости Карлсон пробрался по мосткам к своему лодочному сараю...

Прописная истина: будь начеку всегда. Вот и напоминание достойное — как несуразный брелок на ключе от камеры хранения

в супермаркете. Ни в карман не убрать, ни за пазуху: англоговорящий, а точнее англоговоривший громила, знающий про артефакт.

Получив факс, Карлсон узнал, что всё обстоит плохо, но только сейчас понял, насколько. Змей-Змей-Змей. Обживайся, говоришь? Ведь это ты, больше совсем некому. И это значит, что рухнула сеть. Что налаживаемая десятилетиями система, рискованный и кропотливый труд сотен людей, всё отправляется псу под хвост и на свалку мировой истории. Самый страшный удар — всегда в спину. А когда слабым звеном оказывается руководитель, то это как выстрел в затылок.

Ослепляющий, выжигающий глаза сноп света хлестнул Карлсону в лицо. Секунда тьмы — и снова нестерпимое сияние. Оглушающе взвыл ревун морской сирены. Невидимое за лучом прожектора судно шло лодке наперерез. Судя по высоте источника света над водой — пограничный или военный катер.

Холибэйкер застонал и пошевелился. Вытянув левой рукой из-под приборной доски компактный огнетушитель, Карлсон обрушил его на голову пленника.

Потом заложил вираж влево и вправо — чтобы посмотреть на реакцию преследователей. Хотя, конечно, шансов проскочить практически не было. Те, кто на борту, смотрят не на Олафа Карлсона, сидящего в лодке, а на саму лодку. Он почти не ощущал их взглядов, и Оппоссуму не перед кем было притворяться.

Вдоль обоих берегов пролива мирно горели уличные фонари. Немигающие маячки обозначали макушки крыш промышленных корпусов по правому борту. Мертвенно-белым светом горел выходящий к воде пандус небольшого судоремонтного заводика. За закрытыми воротами протяжно свистнул маневровый тепловоз. Над высоким мостом Скансброн северным сиянием переливались тревожные красно-синие сполохи — целая вереница полицейских машин спешила с берега на берег. Это, наверное, тоже за мной, подумал Карлсон.

— На лодке, немедленно сбавьте скорость! — на катере выключили ревун, появилась возможность пообщаться — давно пора! — Заглушите мотор и ждите прибытия досмотровой команды!

Базовый текст, морская миранда ¹, несколько выигранных секунд.

Короткая пулемётная очередь вздыбила воду метрах в двадцати перед носом лодки. Карлсон поймал жаркое хвастливое любопытство стрелка, азартного юнца: ну что, мол, круто? Не ждал так сразу, нарушитель? А хочешь в борт такую же?

Верный Опоссум достойно отреагировал. Не считая трёх-четырёх встреч со Змеем, когда тот уговорил попробовать артефакт на нём, Карлсон никогда не знал, что именно отвлекает тех, на кого воздействует Опоссум. Может быть, стрелок размышлял о награде за поимку преступника. Может быть, задумался о физике вхождения крупнокалиберной пули в солёную морскую воду. Неважно — главное, что на непродолжительное время он выпал из того мира, где Олафу Карлсону предстояло быстро-быстро принять крайне важное решение.

Не будь ста килограммов Холибэйкера с железякой в довесок... Спокойно заглушить мотор, дожждаться абордажной команды, а потом с комфортом устроиться в каком-нибудь уютном закутке катера! И аккуратно сойти на берег на военно-морской базе. Это был бы просто отличный вариант, но не на сегодня.

Карлсон старался не поддаваться отчаянию. Точнее, он даже не подпускал отчаяние к области своих лихорадочных размышлений, и оно топталось чуть в стороне, за гранью освещённого мыслями пространства, переминаясь с ноги на ногу, вежливо покашливая: я тут, позовите, когда уже можно будет войти.

Секунда, две, три — непозволительно много! Проектор из крупной звезды превратился в солнце. Планы меняются, Олаф!

¹ Миранда (разг.) - в США: обязательный текст, который должен быть прочитан перед арестом или допросом; здесь употребляется в переносном смысле

На полной скорости, визжа мотором, лодка нарушителя устремилась к берегу. Катер угрожающе заревел, но выстрелов не последовало. Всё набирая ход, лодка взметнулась по пандусу и с оглушающим скрежетом взлетела в воздух. От удара о ворота хрустнул, вминаясь, текстолитовый нос, но под массой атакующего тарана подались и гофрированные створки, лопнула поперечная перекладина. Сзади запоздало ударил пулемёт, пули ушли в озарённое городом небо.

Лодка мёртвым дельфином повисла на разломанных воротах. Днище разорвалось в лоскуты, Карлсона и Холибэйкера инерцией швырнуло вперёд — сквозь плексигласовое крошево лобового стекла, средневековым снарядом из скованных ядер.

Тихая мирная Швеция, сказочная страна! За воротами не оказалось будки охранника, не завопила сигнализация, не заплясали лучи прожекторов с окрестных крыш. Чуть осела пыль — и вокруг восстановилось сонное спокойствие.

Территорию завода пересекала железнодорожная ветка. Чуть поодаль тепловоз деловито пристраивался к короткой связке загнанных в тупик вагонов. Машинист в тёплой кабине, наверное, даже не услышал выстрелов.

Карлсон перевернулся на живот, встал на четвереньки, потом на колени. Наручник впился до мяса. Рука Холибэйкера тоже сочилась кровью, но ему по-прежнему было всё равно.

Самым сложным оказалось встать на ноги. Карлсон задвинул железный лист себе до подмышки, схватился за скользкое и липкое запястье спутника, пролез под его руку, перекинул её себе через плечо. В локте Холибэйкера что-то противно скрежетало и хлюпало. Извини, приятель, мне особо нечего тебе предложить. Терпи. Карлсон постепенно перетянул неподвижного Холибэйкера себе на спину, поднялся, выпрямился на дрожащих ногах, и оценивающе посмотрел на тепловоз.

Матросов не слишком-то ставят в известность о целях и задачах операций, ограничиваясь простыми и ясными приказами.

Зачастую о сути происходящего им остаётся только догадываться.

Когда мокрые по пояс и злые моряки с катера пролезли через проломленные ворота на территорию завода, искать беглеца долго не пришлось. Диверсант без сознания лежал на железнодорожном полотне между рельсами, закинув за голову неестественно вывернутую окровавленную руку. На ней болтался браслет наручника с обрывком расплюсченной цепочки. В дальнем конце пути покачивались красные огоньки медленно уползающего состава.

— Ты смотри, — процедил сквозь зубы пулемётчик, — в гидрокостюме! Вот гнусь! С подводной лодки высадился!

— А акваланг утопил, — авторитетно подтвердил старшина. — Я вам говорил: третья мировая не за горами! А вы мне про перестройку да про гласность в уши льёте! Тьфу!

— И куда мы его теперь? — засуетился молодой матросик, веснушчатый новобранец. — Вязать его надо как-то, я считаю. А то как бы не вышло чего!

Веки невезучего аквалангиста дрогнули.

— Опоссум! Берегитесь Опоссума! — пробормотал он по-английски. — И вызовите скорую...

— Будет тебе скорая.

Раненый приоткрыл глаза и успел увидеть стремительно приближающийся авторитетный старшинский кулак.

ГЛАВА 1

КТО ОТ БАБУШКИ УШЁЛ?

Москва, аэропорт «Шереметьево»

28 февраля 1999 года

Приметы — они на то и приметы, что нарушать их не стоит. Просто чтоб не думалось потом.

Но сегодня Ян забыл это простое правило, оттого что опаздывал. В нетерпении он то пытался рассмотреть что-то через задёрнутое инеем автобусное стекло — там тянулся тёмный пролесок, никаких ориентиров! — то бросал взгляд на циферблат наручных часов. Опаздывал.

Бывают приметы всеобщие: вернулся — уходя, посмотришь в зеркало; боишься сглазить — постучи по дереву, пусть даже никому и невдомёк, при чём здесь дерево или зеркало. А бывают — личные, персональные маленькие ритуалы, структурирующие жизнь. Не переводи часов, пока не пройдёшь таможенную и пограничников на прилёте — так привык поступать Ян. Летать приходилось часто. Перевод стрелок на два часа назад по дороге туда и на два вперёд на пути обратно служил отметкой: перемещение между государствами окончено, всё в порядке, без приключений. Кто чем занимается, у того такие и приметы.

Но сегодня, дёргаясь из-за опоздания — за окошко! на часы! за окошко! на часы! — Ян вдруг ни с того ни с сего решил сэкономить пять секунд, которые стоило потратить уже в Германии — оттянул головку завода и отмотал минутную стрелку на два оборота назад. Зачем? Кто бы сказал, что на уме у человека, который торопится?

Наконец, «Икарус» пшикнул дверьми и выпустил пассажиров к стеклянной стене терминала. Ян спрыгнул со ступени в грязную снежную кашу, забросил сумку на плечо и поспешил внутрь, на ходу расстёгивая папку с документами.

В центре зала под нависающим над проходом табло вылета — на самом очевидном месте встречи — топтались сонные провожающие с табличками. «Туры», «Трэвелы», «Вояжи».

Ян тоже выудил из папки листок формата А4 с крупными буквами: «Эйртранс». Развернулся спиной, точнее затылком, к табло, бросил сумку под ноги, табличку поднял над головой. Ну, не сильно опоздал, конечно. На семнадцать минут.

— И что же это такое?! — к нему тут же устремилась пышнотелая туристка, безжалостно прокатив огромный чемодан по ногам всех, кто попался на пути. — До инфаркта нас хотите довести?

— Автобуса долго не было. Извините, пожалуйста, — максимально вежливо сказал Ян.

Внешность его, к слову, позволяла проявлять вежливость практически в неограниченных количествах. Добродушное круглое лицо, открытый взгляд, интеллигентные манеры, всё это в совокупности обычно гасило подобные конфликты на раз.

— Мы же волнуемся! — уже спокойнее упрекнула его женщина. — Уже сутки в дороге, ночь неспамши, а здесь даже присесть толком негде! Пепелицына и Алмазова.

Ян, опустив табличку, вынул из папки прозрачный файл с паспортами и билетами.

— Так, — сказал он, засовывая папку под мышку и доставая документы из файла. — Проверяем: виза, даты, фамилия. Билет: рейс, дата, фамилия. Пепелицына... Это вы... Дальше... Виза, даты, фамилия. Билет: рейс, дата, фамилия. Алмазова. А это ваучер для гостиницы. Даты... Всё в порядке. Держите.

Снова открыл папку.

— Теперь по оплате, — провёл пальцем по короткому списку. — У вас «оплата в аэропорту», по пятьсот пятьдесят долларов, всё верно?

— Да-да-да, — затараторила Пепелицына, — всё, как Виталий говорил. В конвертике, без сдачи, сумма и фамилия карандашом подписана. Вот: это за меня, а это за подругу.

Два запечатанных почтовых конверта перекочевали на дно папки, документы исчезли в сумочке туристки, пустой файл Ян запихал в карман, чтоб не мешался. Чемодан, заскрежетав колёсами, описал широкую дугу, чуть подпрыгнул, кто-то сбоку ойкнул, и Пепелицына растворилась в толпе. Ян снова поднял табличку над головой.

Не считая Яна — он с вечера убрал свой паспорт с билетом во внутренний карман куртки — вылетающих туристов сегодня было десять. Почти все с оплатой в аэропорту — «Эйртранс» продавал много путёвок по регионам, и клиентам было удобнее не приезжать в Москву заранее, а привозить оплату с собой прямо в день вылета. С точки зрения кассового учёта это было не совсем законно, но такие вопросы Яна уже не касались — в штате турфирмы он не состоял, а всего лишь порой подрабатывал провожающим. Что было удобно, поскольку обычно он улетап и сам, а двадцать долларов за проводы лишними не бывают. Пустячная работа! Раздать документы, собрать конверты, забросить папку на стойку авиакомпании, где работала одноклассница директора «Эйртранса» Виталия — и всех делов!

Рядом трудились представители конкурентов, многих Ян уже узнавал в лицо. У хрупкой девочки в бейсболке с логотипом египетского туроператора документов был целый чемодан, и очередь к ней изгибалась хвостом. Ян позавидовал тому, как поставлено дело: чемодан будто столик монтировался на треноге, табличка наклеена на открытую крышку снаружи, списки групп — изнутри, обе руки свободны. Даже в простых с виду делах есть своя технология.

Но турфирма «Эйртранс» массовым туризмом не занималась, так что технологии отрабатывать было не на ком.

Трое небритых мужиков долго хмурили брови, перепроверя каждую цифру и букву в визах. Перегонщики, суровые ребята.

Ян слышал от таких про Польшу — как дорожные бандиты отслеживают и грабят одиночек, как отнимают машины, как правильно выбрать караван, и как себя вести, если колонну всё-таки тормознули... Эпос перегонщиков производил впечатление, и Ян часто задумывался, а справился бы он — смог бы пробраться через недружелюбную транзитную территорию? Взялся бы? Ян занимался совсем другими делами, тоже не всегда простыми и безопасными, но риски проезда на подержанном автомобиле через Польшу казались неоправданно высокими.

Перегонщики, наконец, убедились в правильности документов и ушли в сторону стоек регистрации.

Не успел Ян поднять табличку вновь, как увидел чудо. Чудо было вполне локальным и имело вид очень-очень симпатичной девушки. Держа под руку весьма солидного молодого человека, она приближалась к Яну, глядя прямо на него.

В аэропорту всегда много нарядно одетых людей — они отправляются в путешествия, прилетают из далёких краёв, а любое путешествие — это немножко праздник. Улетают в лучшем, возвращаются в новом. Ну, не без исключений, конечно: есть ещё вечные командировочные с атрофированным чувством перемены мест, есть неохотно выбирающиеся из Анталии семейства в шлёпанцах на босу ногу и обвешанные дешёвым турецким золотом, спортивные делегации в одинаковых олимпийках и трениках, любознательные иностранцы в клетчатых рубашках, впряжённые в невероятных размеров рюкзаки...

Но девушка, подходившая к Яну, не была таким исключением, наоборот, всем своим видом она подчёркивала: путешествие — это праздник! Что-то вроде Нового года, только в произвольное время.

Странно сравнивать девушку с новогодней ёлкой, тем более что никаких гирлянд, лампочек и висюлек на ней не было, но Ян об этом не задумался. Что-то такое красивое, светлое, блистающее и не совсем настоящее, будто понарошку — вот что он увидел сначала, и только потом уже разглядел детали. При ближайшем рассмотрении оказалось, что девушка существенно

взрослее его — Яну недавно исполнилось двадцать три, а её манеры — то, как она двигалась, улыбалась, а потом заговорила — выдавали совсем взрослую женщину. Ян, конечно, тоже считал себя взрослым, но в некой начальной категории взрослости, и...

— Это вы — «Трансэйр»? — мелодичный голос лишь усилил очарование, и Ян бессмысленно улыбнулся в ответ.

Спутник девушки не разделил всеобщего благодушия. Наклонив голову, он заглянул в табличку, которую Ян отвернул куда-то вбок.

— Это он, — подтвердил мужчина и обратился к Яну. — Мы Крутовы. На Германию.

Поборов приступ эйфории, Ян нашёл в папке документы.

— Константин Эдуардович... Наталья Андреевна...

Паспорта, билеты, ваучеры.

Пока мужчина проверял документы, Наталья Андреевна отошла на пару шагов и прижала к уху телефон:

— Маргоша, ну где ты? Ну что значит «пробка»? Ну, мы же улетим сейчас, и всё! Давай быстрее, ладно? Да, жду, всё, пока.

Константин Эдуардович убрал документы в борсетку и протянул ладонь для рукопожатия.

— Вы ведь Ян, если я правильно понимаю? Значит, через пять дней увидимся, так?

В голове Яна с некоторым скрипом, но всё-таки закрутились шестерёнки, он сопоставил факты и кивнул. Виталий подрядил его повозить по Германии индивидуальных туристов, и фамилия их была Крутовы. Три рабочих дня, машина напрокат, предоплачена в Висбадене на имя Яна.

— Очень приятно, — он пожал руку, твёрдую как железное дерево. — Жалко, что мы разными рейсами: вы в Мюнхен, а я во Франкфурт. А то могли бы обсудить программу по дороге. Или, если хотите, можем сейчас...

— Да куда спешить, — чуть снисходительно улыбнулся Константин Эдуардович. — На месте всё порешаем. Наталь, где там твоя Марго? В «дьютик» же ещё надо заскочить.

Наталья Андреевна развела руками:

— Эта стрекоза вечно опаздывает. Давай, наверное, мой паспорт, а сам иди вперёд. Список у тебя, справишься? Я её дождусь и догоню тебя уже там.

Константин Эдуардович буркнул что-то неодобрительное, но отдал ей документы, сухо кивнул Яну и направился на регистрацию.

Наталья Андреевна улыбнулась Яну совсем по-другому — в градации улыбок эта попала бы в категорию «более чем тепло»:

— И нам очень приятно! Увидимся.

И, тоже кивнув Яну, оставила его разбираться со своей неизвестно откуда взявшейся немотой. Он провожал её взглядом, пока светлая шевелюра не скрылась за киоском быстрого питания.

— А табличку поднять сложно, да?

Перед Яном встали в одинаковой позе мать и сын: пятки вместе, носки врозь, живот вперёд, руки сложены на груди. Одинаковые чемоданы у ног, как сторожевые псы. Нарисованные под копирку курносые лица, вялые брови, недовольные мины.

— Мы тут уже полчаса круги нарезаем. Это сервис, да? Тоже мне фирмочка, рассказать кому...

— Здравствуйте! — невозмутимо поприветствовал туристов Ян. — Вы у нас в Германию? «Трансэйр»... «Эйртранс» подготовил для вас незабываемое путешествие...

Плохие приметы — как мина замедленного действия. Даже если заметишь, что что-то сделано не так, уже не исправить, а когда рванёт — неизвестно.

Последней за документами подошла сухопарая остроносая «шопница» — Ян не впервые выдавал ей документы, а однажды они летели одним рейсом. Татьяна Петровна моталась в Германию раз в две недели по многократной визе, каждый раз приволакивая с собой под центнер «товарчика». За время того полёта Ян, кажется, не открыл рта, зато узнал много нового — полезного и не очень. Переплаты за сверхнормативный багаж стали — жуть! «Хаус дер Моде» в Эшборне постепенно оккупируют

турки! Коллекция «осень-зима» на следующий сезон — просто что-то с чем-то, но как этим торговать — непонятно! У нас такое ещё лет десять не наденут! А аренда в Иркутске нынче — ого, какая! Плюс китайцы всё уже завалили своим копеечным тряпьем, не продохнуть, и шьют всё лучше, не отличишь! Только на новом, на европейских брендах, выживать можно! Подвозить, подвозить и подвозить! Каждую неделю бы летать, но далеко, не обернуться!

— Янчик, сокол ты мой! — закричала стремительно приближающаяся Татьяна Петровна шагов с двадцати. — Скажи, что тоже летишь в Берлин, а? У меня полбутылки дагестанского осталось, а я ж летать боюсь, сопьюсь так совсем без компании!

— Здравствуйте, Татьяна Петровна! — Ян неожиданно обрадовался её появлению. — Нет, я во Франкфурт сегодня. Придётся вам как-то превозмогать ситуацию.

— Эх, огорчил! — туристка пошебуршала в сумочке, выудила мятый конверт. — Значит, опять одна, как старая алкашка. Получите-распишитесь!

Едва Ян взял у Татьяны Петровны оплату, как его придержали за локоть. Ян сдвинулся в сторону, но цепкие пальцы не отпустили. Сразу четверо крепких парней оказались рядом, впритык, закрывая обзор окружающим и пути к отступлению — провожающему и туристке.

Красная книжечка, чёрно-белое фото, расплывчатый штамп.

— УВД на транспорте, линейный отдел, лейтенант Морозов, — представился старший, широкоскулый вихрастый парень в джинсовке. — Операции с наличной валютой, я так понимаю? Документы, молодой человек!

Ян, что называется, ещё даже напугаться не успел. На автомате запустил руку за пазуху, нащупал корешки двух паспортов. Вытащил общегражданский.

— Вас, гражданочка, также попрошу задержаться, — другой милиционер в штатском пресёк попытку Татьяны Петровны «скрыться в толпе». — Понадобятся свидетельские показания.

— Да не собираюсь я... — вяло возразила она, но её не особо слушали.

— Ян Ван, — раскрыл паспорт старший. — Семьдесят пятого года рождения. Ну-ну. Пройдёмте в отделение. Вас тоже касается, уважаемая!

Вскоре аэропорт обернулся к Яну изнанкой. Спустившись на эскалаторе в зал прилёта, они свернули в незаметный закуток и, миновав неброскую дверь с кодовым замком, попали в служебные помещения. Битая плитка на полу, стены в потёках масляной краски, доски передовиков милицейского производства и разыскиваемых особо опасных преступников.

Яна провели в тесный кабинет, посадили на хлипкий стул перед немолодым лейтенантом.

— «Эйртранс», — пояснил старший оперативник.

Татьяна Петровна оказалась в соседнем кабинете. Сквозь стену уже доносились глухие отголоски завязавшейся там дискуссии — как будто где-то вдалеке заработала циркулярная пила.

— Китаец, что ли? — без особого интереса спросил лейтенант, открывая паспорт Яна.

— А что, похож?

— Да кто вас, китайцев, знает.

— Немецкая фамилия.

— Косенко! — позвал лейтенант. — Свидетелей давай.

— Зачем свидетелей? — вкрадчиво спросил Ян.

Первый «шок» уже прошёл, и сразу захотелось что-то в происходящем изменить.

— Папку на стол, — без интонаций ответил лейтенант.

В кабинет вошли двое: бомжеватый грузчик в комбинезоне и румяная продавщица с именной табличкой на груди. Дальше всё было как в кино, только медленнее: лейтенант доставал из папки и вскрывал конверты, медленно и неуклюже пересчитывал купюры, озвучивал и записывал суммы, свидетели послушно кивали.

Хорошо, что я документы успел раздать, подумал Ян. А то бы ещё и люди не улетели. То, что в полученных конвертах набирается

больше шести тысяч долларов, его пока не волновало. Выбираться отсюда надо, вот об этом стоило думать, но как подступиться к такой задаче, Ян не представлял. Остановите самолёт, я слезу! Происходящее катилось вперёд своим чередом, огибая его рутинным канцелярским потоком. Плохо отпечатанные бланки на желтоватой бумаге. Неудобные графы: то целая строчка ради простого «да-нет», а то приходится вылезать на поля и мельчить. Закорючки подписей скрепляют новую реальность. Паспорт и папка с конвертами прячутся в сейф. Чёртики-свидетели исчезают в табакерке. Та, похоже, всегда наготове.

— Тонкая грань, гражданин Ван, — бубнит себе под нос лейтенант. — Сегодня переходите улицу на красный свет. Или списываете на экзамене. Или на автобусе зайцем едете. Всё пустяки, ерунда, а привычки-то закладываются. Вода камень точит. Сегодня то, завтра сё, а потом — опа! — решили с валюткой побаловаться, да?

— Я не знаю, что содержится в конвертах, — в энный раз возразил Ян. — Я просто провожаю людей на самолёт и раздаю им документы. Потому что они не успевают приехать заранее, они из других городов.

— Ну как же не знаете? — засмеялся милиционер. — Конвертики-то при вас вскрыли, вот и протокольчик имеется. И список хороший, показательный: «Пепелицына — пятьсот пятьдесят, Алмазова — пятьсот пятьдесят», и далее — в строгом соответствии с содержимым конвертов. Дурачка-то из себя не стройте.

— Эти вопросы вам надо задавать турфирме, — сказал Ян. — Это их документы, конверты, всё остальное. Я просто провожающий.

— Прекрасная позиция! — лейтенант явно получал от процесса удовольствие. — Вот вчера наркокурьера из Душанбе задержали. Шестьсот граммов героина, представляете? Так он мне и говорит: это, говорит, не моё! Один уважаемый человек отправил другому уважаемому человеку, а я просто везу! И что там за турфирма, Ван, мы отдельно будем разбираться. Но лично

к вам у нас вполне обоснованные вопросы имеются безо всяких посредников. Уголовный кодекс — он, знаете ли, напрямую действует. Лично, так сказать.

— Давайте как-то попроще разберёмся, — горло у Яна пересохло, слиплось. — И все вопросы утрясём.

— Утрясём-утрясём... — милиционер склонился над протоколом. — Допишу сейчас твои показания, Ван, подпишешь, и утрясём.

Никаких протоколов, инструктировал Яна Виталий — «уважаемый человек», руководитель маленькой туристической фирмы. Ничего не подписывай, ни с чем не соглашайся — тогда мне будет легче всё уладить. Впрочем, говорил Виталий и о том, что ничего подобного случаться не должно — всё под контролем и приглядом. Вот и пригляд. Соскок на «ты» не сулил радужных перспектив.

На столе тренькнул телефон.

— Колыванов слушает. Что? Почему у меня?

Лейтенант, прижав трубку к уху плечом, повернулся к тумбочке, где громоздилась стопа картонных папок. Начал перебирать их по одной.

— Я же говорил: так не принимать, только через журнал входящих...

Ян укладкой посмотрел на часы. До окончания регистрации на его рейс оставалось сорок минут. Лейтенант, беззлобно матерясь, рылся в пыльных папках. Недописанный труд «Чистосердечное признание несостоявшегося валютного махинатора Яна Вана» лежал на расстоянии вытянутой руки. Время текло как клей.

Заледеневшие пальцы нащупали в кармане связку ключей. Зазубрены бородок ключей и острые углы брелка впились в ладонь. Яна зазнобило. Встать и уйти. Просто встать и уйти. Кому он здесь нужен? Этому вот Колыванову — только для галочки и для статистики. Не как человек — а как циферка в отчётности. Так может, нет и не было никакого Яна Вана?

— Где этих лохов бомбанули? — продолжал телефонную выволочку лейтенант. — За шлагбаумом или до, а? Правильно

говоришь: после оплаты. То есть — за шлагбаумом. А там чья зона ответственности? Ну, что молчишь? Я этим халаящикам всё уже объяснил, всё по полочкам разложил: мы здесь ни при чём, пусть у себя принимают в производство! Я их в дверь гоню, а ты в окно пускаешь! Да куда ж ты эту папку-то задевал, а?..

Нет и не было. У Яна чуть закружилась голова. В надбровные дуги словно залили что-то тяжёлое и тягучее. Ян медленно встал и выпрямился, повесил сумку на плечо. У лейтенанта явно отсутствовало периферийное зрение, либо он уж слишком погрузился в неотложные дела — и на движение задержанного никак не отреагировал.

Меня здесь нет, как мантру повторял Ян снова и снова. Протянул руку к столу и взял сначала два листка свидетельских показаний, потом недописанный текст собственного допроса. В висках гудело, в переносице словно застрял свинцовый шарик. Нет и не было меня здесь. Стараясь не шуметь, Ян сделал два шага к двери и вышел в пустой коридор.

За его спиной Колыванов удовлетворённо ругнулся, найдя нужную папку — но не там, откуда только что крался Ян, а в другом, своём, колывановском мире, полном лохов и бомбил. А Яна уже и след простыл. Качаясь как пьяный, придерживаясь за стену, чтоб не упасть, он направлялся к выходу из коридора. Кто-то в форме досадливо фыркнул, столкнувшись с ним в дверях плечами.

Уже за дверью отделения Ян едва не врезался в крупного немолодого мужчину, как будто собиравшегося войти внутрь, но медлившего. И никому, никому до Яна дела не было. Это не могло не радовать. Головная боль понемногу начала отступать.

Утренние рейсы приземлялись один за другим. В сумрачном и людном зале прилёта встречающие пялились на табло, вставляли на цыпочки у стеклянных стен таможенной зоны, мяти в руках цветы и таблички.

Яну казалось, что каждый второй встречный косится на него с подозрением. И вот-вот сзади послышится топот ног. Лови преступника!

Не было меня там, не было, не было!

Выйдя на улицу, Ян изорвал в мелкие клочки все протоколы и выбросил в урну. Вытащил из кармана мобильник и позвонил Виталию. К счастью, тот сразу снял трубку.

— Улетай! — безапелляционно заявил директор турфирмы, выслушав сбивчивую историю о задержании и «побеге из-под стражи». — Про паспорт и деньги я всё понял, займусь немедленно. Татьяна, которая Петровна, мне только что отзвонилась. Молодец тётка, наш человек: я не я, лошадь не моя, отморозилась по полной, послала этих сыщиков куда подальше. Так что предъявить им тебе особо нечего. Но всё равно: лучше улетай. Побудешь подальше какое-то время. Во избежание, так сказать. На незнакомые звонки не отвечай. А то начнут прессовать, пугать — ни удовольствия, ни пользы. Давай, парень, двигай нах Дойчлянд! Ты всё правильно сделал, кстати. Спасибо!

За «спасибо» Ян сразу простил Виталия, и всё, что минуту назад хотелось высказать, показалось не таким уж существенным. В конце концов, в жизни ведь всякое случается.

Опасливо озираясь, Ян поднялся через улицу на пандус аэропорта и снова вошёл в зал вылета.

Нет, никто не рыскал среди пассажиров с его фотографией. И таможенник посмотрел на молодого человека безо всякого интереса. И даже строгая служащая в будке не уделила ему особого внимания, сразу же шарахнув штампом выезда по пустой страничке паспорта.

Ян Ван, двадцати трёх лет, рост сто восемьдесят четыре сантиметра, телосложение среднее, волосы чёрные, лицо округлое. Ярко-выраженные национальные черты отсутствуют, тип внешности славянский или западно-европейский. Особые приметы: глаза разного цвета, зелёный и голубой.

Нет, попадающего под это описание человека никто не искал. По крайней мере, в данную минуту.

Главное — выдохнуть, успокоиться, немножко прийти в себя. Яркий свет рекламных щитов резал глаза. Икра, бриллианты,

парфюм, модные шмотки, часы всё с теми же бриллиантами. По узкому и неудобному коридору, изогнутому угловатой дугой вокруг зала вылета, хаотично двигалась людская масса. За стеклом в аквариумах-накопителях толпились без пяти минут пассажиры. В углах и закутках уныло сидели и лежали на газетах то ли транзитники, то ли особые аэропортовые бомжи, потерявшие не только свой дом, но даже родной город.

Ян вошёл в согретое софитами пространство беспешинного магазина. В заднем кармане джинсов ждала своего часа заветная купюра в сто дойчмарок — всё остальное осталось в файле, файл в папке, папка в сейфе, а сейф в кабинете Кощея. Сейчас Ян не готов был даже думать на эту тему. Ста марками делу не поможешь, рассудил он — и направился в отдел спиртных напитков.

В стремлении затариться дешёвым алкоголем Ян был не одинок. У кассы дьюти-фри с полной корзинкой разноцветных рядов-бутылок переминался с ноги на ногу Константин Эдуардович, дожидаясь очереди. Напитки — от прозрачного до тёмно-чайного, бело-рыжей гаммы, суровая классика. Судя по недовольному виду Крутова и отсутствию в поле зрения Натальи Андреевны, та всё ещё дожидалась непунктуальную подругу, рискуя опоздать на регистрацию.

Подругу... Ян подумал, как здорово было бы, если бы Инга вдруг ни с того ни с сего заявила в аэропорт час назад. Прибежала, весёлая, запыхавшаяся, притащила с собой солнце, запах приближающейся весны, смех и необыкновенное чувство лёгкости. Не случилось бы тогда никаких бед, все злоключения прошли бы мимо, расступились перед радужным сиянием невероятной подруги Яна... Как бы подруги. Её здесь нет и быть не могло, едет сейчас, наверное, в универ себе спокойненько. Читает какой-нибудь трактат по древнегерманской поэтике про всяких тристанов с нибелунгами, и даже не знает, в какую историю только что вляпался её непутёвый Ян.

Между ними установились странные «отношения» — вот же дурацкое слово, куда лучше подходящее для математики и дипломатии.

На вопрос, есть ли у него девушка, Ян бы не задумываясь ответил, что да. Инга тоже считала его «своим». Мы — друг друга. Мы — Ying и Yan, правда? Отодвинуть волосы с её щеки, прижаться носом, лбом, и обнять-обнять-обнять...

В общем-то, всё было хорошо. Прекрасно всё было. Если бы не одно «но» — двадцатилетняя Инга была домашней девочкой и послушной дочерью, а Ян в глазах её родителей представлял если не исчадием ада, то демоном-искусителем уж точно. Отвлекающим фактором, никчемным, жалким перекасти-поле, нежеланным ухаждёром, — о, список эпитетов можно продолжать бесконечно!

Инга металась между привязанностью к Яну и голосом рассудка — хоть и не собственного, а родительского, но это мало что меняло. Позиционная война с её непреклонными предками недавно перешла в горячую фазу: Ингу перестали подзывать к телефону. И это был серьёзный удар в тыл по линиям коммуникаций. Ян всерьёз продумывал фантастическую идею покупки для Инги мобильного телефона — понимая, что она ни за что не приняла бы такой подарок. Но как иначе с ней связаться? Только вылавливать по утрам на трамвайной остановке — ну это же мальчишество какое-то! Ведь двадцать три года, не семнадцать же, у бывших однокурсников вон, уже дети рождаются, пережилась половина, а он всё бегает под окнами, засовывает цветочки в почтовый ящик. Был бы этаж пониже, ещё бы и снежками в окно кидался.

И ведь кидался бы. Потому что когда им удавалось остаться вдвоём — пусть даже в толпе, то всё волшебным образом становилось на свои места. Мы — друг друга. Половинки, разделённые временными обстоятельствами, но всё равно стремящиеся сомкнуться в одно. Правда?

Стоп, какой универ?! Сегодня же воскресенье! Расплатившись в дьюти-фри, Ян нашёл в кармане пластмассовый телефонный жетон. Просто услышать голос.

Кое-где стояли красивые новенькие таксофоны небесно-голубого цвета и аэродинамических форм, но они работали только

от каких-то карт, которые неизвестно, где надо покупать. Однако Ян недаром считал себя старожилом аэропорта. Поднявшись по пологой лестнице на второй этаж, мимо столиков возмутительно дорогого общепита он прошёл в неприметный тупиковый коридор. Там висел на стене обычный облезлый аппарат, алюминиевая коробка с наборным диском.

Длинные гудки. Щелчок — и жетон исчез в чреве таксофона.

— Алло, слушаю вас, — властный женский голос.

Не успев толком продумать тактику разведки боем, Ян лишь чуть-чуть отклонился от данного ему природой тембра.

— Здравствуйте, а Ингу позовите, пожалуйста!

Бездарная попытка.

— Снова вы, молодой человек?

— Здравствуйте, Ираида Аркадьевна!

Если бы телефонная линия могла передавать эмоции, то трубка в руках Яна покрылась бы инеем, и он отморозил ухо.

— Не могу пожелать вам того же, молодой человек. Мне казалось, мы давно договорились, что этого номера для вас не существует.

— Ираида Аркадьевна! У меня...

Неприятности? Рассказать этой милой даме о своих проблемах? Хотите поговорить об этом? Вот прямо как есть — о долларах в конвертах, о ментах в штатском, о побеге из отделения? Отличная мысль, Ян, браво! Остроумный способ поправить рейтинг!

— Не слышу, что вы там бормочете, но и не очень этим интересуюсь. Инги нет дома — а для вас не будет и впредь. Потрудитесь усвоить эту несложную мысль. Не звоните сюда больше.

— Ираида Арк...

Короткие гудки. Берлино-Китайская стена не пала, а выросла ещё на пару кирпичей. Захотелось расколошматить трубку о стену, но Ян аккуратно повесил её на рычаг. Интересно, неужели Инги действительно нет дома? Да нет, вряд ли, это же воскресное утро. Правильная девочка сделала зарядку, приняла

душ и вышла к завтраку. Мама жарит оладушки, папа читает «Коммерсантъ» с тремя твёрдыми знаками. Идиллия, в которую никак не вписывается личность гражданина Вана, задержанного сотрудниками правоохранительных органов.

А нужно-то было — всего ничего! Чтоб именно Инга подошла к телефону, чтоб удивилась, как заговорщик, прикрыла трубку ладонью. Чтобы сказала: «Привет, Колобок! Ты ещё здесь или уже там? Тогда хорошей дороги!»

И он бы, разумеется, не стал ей ни о чём рассказывать. Зачем пугать? Легче от этого точно никому не станет. Наоборот, что-нибудь весёлое само пришло бы на ум, и какие-то ласковые слова просочились бы через провода туда, к ней, и тогда можно было бы улетать спокойно и уверенно. Но — увы.

Сразу навалилась усталость, апатия, и Ян потащился на посадку, которую как раз начали объявлять противным металлическим голосом. Ян уже готов был предположить, что на сцене вот-вот появятся дюжие ребята с красными корочками, примут беглеца под белы ручки прямо у входа в отстойник, и пойдёт его жизнь дальше каким-то совершенно другим, неведомым образом.

Нет, никому Ян Ван больше не понадобился. Никто его не искал — или никто не нашёл. Так или иначе, через несколько минут он уже сидел в самолёте и разглядывал в иллюминатор привычную картину — расчерченное белыми и жёлтыми линиями лётное поле, хмурое небо, чёрную линию леса у горизонта.

Ян почувствовал, что засыпает, и это показалось ему лучшей идеей в сложившихся обстоятельствах.

Те, кому Ян мог быть нужен, и так знали о его местонахождении. Часом раньше на пятом этаже основного здания пассажирского терминала состоялась короткая деловая встреча.

В неприметном кафе, куда ходят в основном местные, и где цены раза в три ниже, чем в залах вылета и прилёта, за столиком у панорамного окна с видом на взлётную полосу и рулётку

нервничала весьма симпатичная особа. Перед ней остывала чашка чая. Рядом лежал загранпаспорт со вложенным в него авиационным билетом.

— Наконец-то! Думала, уже на рейс опоздаю! — обратилась она к подошедшему седоватому мужчине, которого Ян недавно едва не снёс, выходя из отделения милиции. — Илья Ильич, не томите!

Илья Ильич с удовольствием опустился в кресло напротив неё.

— Не спеши, Наталья Андреевна, и всё успеешь. Девушка, один кофе, пожалуйста! В общем, всё устаканилось. Приняли нашего хлопчика, поволокли в отделение. Стою я на пороге, думаю, как входить и что говорить, позвонил уже кое-кому. Тут открывается дверь — и наш герой, как ни в чём не бывало, дефилирует мимо меня. Глазища горят — в два цвета. Так что спасать его не пришлось, парнишка сам о себе позаботился. Он, похоже, приткий. И от бабушки ушёл, и от дедушки. Ты это учти, когда придёт время, ладно?

— То есть, мы уверены? — Наталья Андреевна поднялась из-за стола. — Всё, я могу идти?

— Ну, уж за чаёк как-нибудь расплачусь, — лучезарно улыбнулся Илья Ильич. — Дуй в свой Мюнхен, Натали. Всё по плану. Будь хорошей лисой, зайчик.

Проводив взглядом стройную фигуру Натальи Андреевны, мужчина откинулся на спинку кресла, вытянул под столом ноги, поставил локоть на подоконник. Ему принесли сносного кофе. За толстым стеклом бесшумно взлетали и садились игрушечные самолётики. Игрушечные автобусы развозили по полю игрушечных пассажиров.

Илье Ильичу нравилась его работа. И возбуждала игра.

— Да, — ответил он сам себе. — Мы уверены.

ГЛАВА 2

ОСТЕНДШТРАССЕ

*Франкфурт-на-Майне, Германия.
28 февраля 1999 года*

Сквозь полуприкрытые веки Ян наблюдал за ритуальными танцами стюардесс. Обязательная программа с ремнём, маской и жилетом была выполнена на шесть-ноль за технику и пять-девять за артистизм. Низко и уютно гудели турбины. Чуть заметно качнуло — самолёт тронулся в путь к взлётной полосе.

Яна неудержимо клонило в сон. Опустить спинку кресла пока всё равно не разрешили бы, поэтому он хитро скособочился, отвернувшись к иллюминатору, и устроил голову на подголовнике — в таком положении можно было попробовать задремать.

Зарегистрировавшись одним из последних, Ян ожидаемо получил место в хвосте салона. Повезло, что у окошка. Плыли мимо другие самолёты, ангары и склады, радиомачты, сигнальные огни. Чуть покачивалось длинное тонкое крыло, и казалось удивительным, что через несколько минут оно примет на себя вес огромной алюминиевой сигары, заполненной электроникой, людьми, их багажом и горячими обедами.

«Интересно, а меня ищут?» — подумал Ян. — «И как это происходит? Наверное, есть специальная процедура: что делать, если задержанный решил не задерживаться у них в гостях. Штатный распорядок: Иванов туда, Петров сюда, птица не пролетит, мышь не проскочит... Однако я всё-таки здесь!»

Он не испытывал страха, но здоровенные кошки топтались по душе, норовя запустить в неё длинные когтищи. Виталий...

А что — Виталий? Как он будет это «разруливать»? Вопросы клубились гуще, чем тяжёлые снеговые тучи за иллюминатором. Зима ещё не кончилась, Ян. Впереди всё не слишком-то радужно.

Он упустил момент выезда на взлётную и проснулся, когда самолёт уже мчался по полосе навстречу небу. Наклон — это оторвалось от бетона переднее шасси. Огромная машина словно присела на корточки и резко оттолкнулась. Навалилась тяжесть, мягко вжала пассажиров в кресла.

Самолёт стремительно набирал высоту, приближаясь к зыбкому ворсу нижней границы облаков. Детали пейзажа мельчали, превращаясь в миниатюрные декорации. Размашистый вираж — и крыло нацелилось на лежащую вдали Москву. Ян обернулся — в иллюминаторе напротив светилось белое марево. Пассажиры были молчаливы и сосредоточенны — как будто это они прокладывали курс и бдительно следили за приборами.

Ян снова уткнулся в своё окошко — и вздрогнул, потому что на середине крыла, там, где есть небольшой зазор между задранными элеронами, сидело, свесив ноги, прозрачное существо. Оно появилось из ниоткуда, соткалось из облачной влаги — дрожащий контур отдыхающего человека, опёршегося на отставленные руки. Его поза была столь расслабленной и беспечной, что все тревоги Яна сразу утихли, осыпались сигаретным пеплом.

— Привет, Стекляш! — одними губами Ян прошептал приветствие старому знакомому, прижался лбом к стеклу, улыбнулся.

Самолёт окунулся в подбрюшье облаков нижнего слоя, зацепив лохмотья водяной взвеси, молочно заблестело мокрое крыло, по иллюминатору снаружи поползли толстые упругие капли. Игнорируя здравый смысл и законы физики, прозрачный человек сидел, где сидел, явно не испытывая ни малейшего дискомфорта. Он повернул прозрачную голову к Яну и медленно кивнул...

— Пить что будете, я спрашиваю?

— Что?

— Сок яблочный, апельсиновый, томатный, минеральная вода, кола-фанта-спрайт?

Вырванный из дрёмы, Ян ошалело уставился на стюардессу.

— Или поспите? — вежливо спросила она.

В зале прилёта встречающих было немного, десяток-другой человек с картонками и листками. У предусмотрительных текст аккуратно распечатан, у остальных накорябан ручкой или фло-мастером. Среди скучных табличек новотелей и дойчебанков попадались и занятные. Яну понравились «Херр Аквариус, Пятая пожарная бригада», «Дычкин, Бочкин и партнёры», но первое место, вне сомнений, занял рукописный слоган «Пегий! Мы тут!».

Шагнув в сторону из потока, Ян остановился, выковырял из телефона московскую «симку» и вставил на её место «тэ-дэ-айнцевскую»¹. Хотел перевести часы, но вспомнил, что сделал это ещё на подъезде к Шереметьево, отчего испытал повторное неудовольствие. Надо было блюсти традицию — глядишь, и не случилось бы никакой передраги. Взгляд, конечно, очень варварский, но верный².

Хорошо ещё, что на влёте не проверили наличность. Имевшихся в кармане пятидесяти марок с мелочью точно не хватило бы для подтверждения платёжеспособности. Ян летал в Германию раз в месяц как минимум, и мультивиза в паспорте стояла далеко не первая. Никогда, ни разу, никому на паспортном контроле не приходило в голову проверить его карманные средства. Однако мрачная страшилка — любимая история визовиков любой турфирмы — про суровых пограничников, выворачивающих кошельки и «не пущающих» голодранцев в сытую Бундес Републик Дойчланд, всё-таки давала повод для подспудного беспокойства.

¹ TD1 — крупнейший оператор мобильной связи в Германии

² Иосиф Бродский «Письма римскому другу»

Ян даже оглянулся назад на сомкнутые створки дверей в зону выдачи багажа. И — поймал неслучайный взгляд. Равнодушный, «незряженный», не в плюс и не в минус — лучик внимания от невзрачного встречающего с табличкой «Quo Vadis» в поднятой руке. Увидев, что Ян уставился прямо на него, мужчина не отвернулся, а просто расфокусировал взгляд — и не поймёшь, куда смотрит.

Сфера влияния шереметьевских ментов не распространяется на аэропорт Франкфурта, напомнил себе Ян. Утешение не слишком помогло. Прикосновение чужого внимания застыло на коже как невидимый клей.

Он направился к эскалаторам на нижний этаж. Задумавшись, едва не снёс белобрысую девчонку, раздающую листовки — не жалея себя, та бросилась ему наперерез.

— Лучший музей! — школьница тряхнула соломенными косичками и улыбнулась во все брекеты. — Удивительные пйедметы, заговойённые амулеты, истойия Атлантиды и пйедсказания будущего! Пйиезжайте, не пожалеете!

Смяв в кулаке аляповатый глянцевый флаер, Ян обогнул жизне-радостную представительницу рекламной индустрии. Теперь ещё и урна нужна. У эскалатора переминались с ноги на ногу давешние туристы-перегонщики. Задрав головы, они старательно читали все указатели, но пока что не преуспели. Ян свернул к ним:

— Не заблудились?

Старший обернулся первым:

— О! Малой! Это хорошо, что ты тут! Нам бы автобусы междугородние, в Гиссен надо.

Ян объяснил, как им выйти к остановкам и где купить билеты. Перегонщики кивали и внимательно следили за указующими взмахами его рук.

— Вот спасибо! Слышь, малой? Машинку-то не надумал присмотреть? А то давай «бэху третью» подгоним, а хочешь — «гольфá» годовалого. На востоке-то всё здорово повымели, а тут ещё есть, есть красавицы в тучных стадах! Короче, пиши телефон.

Надумаешь — сразу к нам, к чужим не надо ходить, сам всё понимаешь. Эй, у кого ручка есть?

Ян не особо пытался отказываться, хотя ни о какой машине в Москве пока даже и не думал. Сунул перегонщику мятую шарлатанскую рекламку, подождал, пока тот распишет ручку и выведет на радужных полях телефонные номера.

Дружелюбно распрощались. Перегонщики устремились к автобусам в неведомый Гиссен, Ян спустился по эскалатору на железнодорожную платформу. Воздух пах бельгийскими вафлями и кёльнской водой.

Откуда-то вдруг притёк шумный поток японских туристов. Разноцветные пуховики, вспышки фотоаппаратов, смешной непонятный гомон. В какой-то момент в толчее приоткрылась узкая прореха, и на другой стороне платформы мелькнула белая табличка: «Quo va...», — но потом Ян понял, что это просто кафельная плитка, мозаичный узор на стене.

Всё это было странно и неправильно. Яна не оставляло чувство, что он что-то проспал и пропустил. Менты, таблички, Стекляш... В подошедшем поезде промелькнула девушка, очень похожая на Ингу, и Ян выкинул всё остальное из головы.

В вагоне было тесно, удалось примоститься только на жёрдочке шириной в четверть сиденья — остальное место похоронил под собой человек-гора в тирольской шляпке с пером, его чёрный чемодан формой и габаритами напоминал гроб. Несмотря на очевидный дискомфорт, Ян умудрился снова впасть в спячку.

В этот раз щедрое подсознание наградило его полновесным цветным сном. Правда, что-то не заладилось со звуком, и все события развивались в абсолютной протiwоестественной тишине. Ян-не-Ян, некий человек, глазами которого смотрел на окружающую нереальность условный оператор-постановщик, шёл по типичной рыночной площади типичного немецкого города. Проплывали мимо, не задерживаясь в памяти, знакомые логотипы и вывески, давно выученные наизусть рекламные плакаты, случайные витрины. Широко открывал рот уличный

торговец, его яркий ларёк пах корицей и горячим шоколадом. Беззвучно смеясь, мимо проشمыгнула стайка школьников.

Ян-не-Ян что-то искал здесь, и по тому, как его взгляд выделил из окружающего разноцветья нужное, стало ясно, что требовалась всего лишь телефонная будка. Наблюдать за миром чужими глазами было невероятно любопытно, ведь каждый человек осматривается по-своему, выхватывая из общего фона только важные лично для него детали. Ян-который-Ян, невольный зритель, поймал многоуровневое дежавю — словно встал меж двух зеркал: он вспомнил прошлый сон того же формата, а до него был ещё один, и ещё, и ещё... Настоящий сериал, немое кино с продолжением, и каждый раз обзор вёлся глазами вот этого конкретного персонажа, взрослого мужчины, занятого повседневными делами.

Ян-не-Ян перешёл заставленную жёлтыми и красными торговыми палатками проезжую часть — воскресенье же, догадался Ян-зритель, наверное, перекрывают движение, — остановился у телефонной будки, начал рыться в висящей на плече сумке. И вдруг — раз! раз! — бросил два коротких взгляда, один вдоль края площади, по задворкам рынка, и второй в стеклянную витрину, ловя в отражении всю панораму площади. Щёлк-щёлк-щёлк-щёлк! — словно регистратор зафиксировал всех прохожих, попавших в кадр, крохотная доля секунды на каждого, но даже Ян-зритель успел запомнить детали, и некоторое время спустя узнал бы любого.

Потом Ян-не-Ян вошёл под козырёк телефонной будки — чуть ссутулившись, из чего можно было сделать вывод о его достаточно внушительном росте. Снял трубку, быстро и ритмично нажал комбинацию клавиш, — «Кажется, Кёльн», — успел подумать Ян-зритель. Разговора всё равно не было слышно, и некоторое время в поле обзора попадала лишь мокрая стена дома, дырочки на микрофоне телефонной трубки и прозрачная крышка от стаканчика кофе на вынос, застрявшая поперёк водостока. Это был очень странный и скучный сон.

Зато завершился он ударно! Тишину разорвал звон — да не звон! — гулкий раскат грома, такой, что зубы зашатались в дёснах. Ян-не-Ян вскинул голову, и за мгновение до того, как выпасть из сна, Ян-который-Ян ухватил глазами Яна-не-Яна возвышающуюся над полотнищами торгового ряда колокольню с часами. От тяжёлого круглобокого колокола, затихающего после оглашения одиннадцатичасовой отметки, исходила последняя едва уловимая басовая вибрация...

— Entschuldigung Sie bitte! Entschuldigung! — виновато повторял человек-гора, нависнув над сидящим на полу Яном, и всё пытался приподнять его за локоть, а тот сначала даже не узнавал языка.

— Извините, я, наверное, задремал, — не унимался толстяк. — Толкнул вас ненароком, выпихнул... Простите за неуклюжесть!

— Ну что вы, — Ян поднялся из прохода, потирая ушибленный копчик, — это меня слегка разморило. Не стоит извинений.

Человек-гора сверхъестественным усилием воли ужался почти до габаритов сиденья, рассчитанного на среднего пассажира, и Ян полноценно сел рядом. Толстяк, похоже, намеревался поболтать, поэтому пришлось снова закрыть глаза.

Красные пологи, жёлтые пологи... Нет, это был уже не сон, а просто воспоминание — но такое чёткое и рельефное, что становилось жутковато. С Яном не впервые случалось подобное — блуждания по чужому миру в чужом теле, но всё-таки этот раз показался особенным. Около монетоприёмника на телефонном аппарате был скол, из-под шершавого оранжевого пластика виднелась полоска стали. Рядом с кнопками остался след от когда-то прилепленной, а потом отскобленной жвачки. На стекле будки проступала процарапанная каким-то терпеливым человеком кривоватая звезда. Всё это существовало само по себе, а не услужливо достраивалось на ходу под всё более пристальным вниманием Яна. Происходившее вообще мало походило на сон — слишком просто, конкретно, без эмоционально

и бессюжетно. Как будто подглядываешь в щёлочку за чужим бытом.

Ян вытянул запястье из рукава, украдкой глянул на часы. Центрально-европейское время: одиннадцать часов три минуты ноль секунд.

Если ещё вернусь в то место, подумал Ян, надо будет обязательно попробовать выпечку у горластого мужика... Нет, шутки не получилось. Тёмная медленно расплзающаяся по телу тревога — вот, что вышло. словно от одной утренней проблемы отпочковалась другая, непонятная, и от того ещё более неприятная.

Никогда не надо дёргаться, вспомнил Ян присказку институтского приятеля, придёт время — пускай сами дёргают! В Шереметьево он, конечно, здорово разволновался, но не до галлюцинаций же! Впрочем, Стекляш на крыле самолёта и прогулка в чужом теле по незнакомому городу свидетельствовали об обратном.

Похоже, надо сразу ехать на Остендштрассе, прикинул Ян. Изначально он планировал заскочить на блошинный рынок, к копателям и в антикварный, но сейчас чувствовал, что просто не в силах. Земля, Земля, иду на маяк!

Выход со станции У-Бана¹ «Остендштрассе» располагался прямо в основании жилого дома. Мощёная плиткой пешеходная улочка, чахлые деревья в кадках, однообразные сероватые дома. Ян как-то прикидывал, с каким районом Москвы можно было соотнести здешние места — получалось, что с Черёмушками или Каховкой. Очень старая новостройка, не центр, но и не окраина.

Знакомой дорогой — шагай прямо и не собьёшься! — Ян дошёл до нужного подъезда. Поприпоминав минуту, без ошибок набрал код, поднялся по лестнице на один этаж. Сам не заметил,

¹ U-Bahn — подземная дорога, метрополитен, имеется в большинстве крупных немецких городов

как заранее начал улыбаться. Кто ходит в гости по утрам... тарам-парам... тарам-парам...

При нажатии кнопки звонка зашёл в художественном свисте искусственный соловей. На второй трели дверь распахнулась.

— Принц Ойген здесь живёт? — спросил Ян. — Ему посылка от голодающих подданных.

Невысокий сонный парень плотного телосложения окинул Яна скептическим взглядом.

— Вова, меня глючит! — крикнул он через плечо. — Молочка принеси, что ли!

Из кухонного проёма высунулась лохматая кудрявая голова.

— Массовые галлюцинации вызывают неудобные вопросы к вашему поставщику алкогольной продукции, херр Ойген. Давайте впустим *это* в квартиру и используем как вещдок. А то молока на вас не напасёшься.

— А вам, барин, поклон из Первопрестольной, — обратился к кудрявой голове Ян, понемногу вдвигаясь внутрь. — Передайте, говорят, Вальдемару: мол, помним, скорбим.

— И что, сильно скорбят? — поинтересовался Ойген, он же Женя, забирая у Яна из рук сумку.

— Не то слово! Пепел кончается, скоро нечем посыпать будет.

Ойген отставил сумку подальше в коридор, крепко пожал Яну руку, хлопнул по плечу:

— Привет, гонец с прародины! Да не сотрутся набойки твоих сапог-сорокоходов!

Вальдемар, он же Вова, вышел из кухни, протянул Яну руку через плечо Ойгена:

— Скорбь утихнет, а радость запомнится! Заходи! Мы к твоему приезду решили сделать русский обед!

По квартире разливался соблазнительный запах борща. Ян скинул ботинки, залез в пакет, выудил красивую фигурную бутылку текилы:

— Пойдёт?

Вальдемар удивился:

— К русскому-то обеду? Разумеется! Сейчас охладим чуть-чуть, пока ты руки моешь...

— Текила-борщ? — мечтательно протянул Ойген. — Бармены Франкфурта киснут от зависти!

Ян прошёл в ванную и сразу замёрз — окно-фрамуга, выходящее на улицу, было распахнуто, а на декоративной маленькой батарее кто-то завернул кран, так что помещение слегка напоминало вытрезвитель.

Фыркнув, полилась вода, закрутились счётчики. Учёт, порядок, нормативы расхода. Ужас. Подставив ладони под теплеющую воду, Ян поймал мурашку и покрылся гусиной кожей. Раз-другой ополоснул лицо, смывая с себя дорогу. Смыть бы ещё и Шереметьево, и оставленную в сейфе папку с деньгами, и вообще... Не хотелось грузить друзей своими заморочками. Ян намылил руки скользким жидким мылом, потом под краном долго оттирал его с пальцев. Непривычно мягкая вода, особенно после Москвы.

В коридоре слышались шаги.

— Ян!!!

Вальдемар обладал голосом повышенной проникающей способности, натренированным на детских утренниках и в неформальных сценических постановках. Раскатистый бронебойный баритон легко преодолевал железобетонные перекрытия, что уж говорить про хлипкую картонную дверь!

— Выручай, слушай! Срочно нужна рифма к слову «лирик»! Может быть, твой незамысленный слух поможет нам подобрать что-то достойное.

— А зачем вам? Рифма — какого назначения?

— Не слышим тебя, — пророкотал Вальдемар. — Чётче артикулируй.

— Я спросил...

— «Клирик» — не предлагать!

Ян ткнулся лицом в полотенце, быстренько промокнул воду, чтоб она не потекла за ворот, и открыл дверь.

Вальдемар стоял напротив, держа в руках две полных ёмкости:

— Ну, за встречу?

— Не остыла ж ещё!

— А это пробничек! Пробничек разрешается и так.

Ян осторожно принял налитую с верхом стопку:

— Вот так: с утра, в коридоре, без закуски...

— Три «нет», по всем пунктам, — Ойген мягким шагом, тоже стараясь не расплескать, подтянулся с кухни.

Принёс блюдечко с очищенным мандарином, горкой маринованных корнишонов и зачем-то тюбиком васоби.

— «Собери лайм из подручных средств»? — уточнил Ян.

— Не придирайся! Итак: закусь есть, в Москве время — два, в Петропавловске-Камчатском — как обычно, а что мы оказались в коридоре — так это уж где пробник застанет. Не зарекайся от встречи с ним, ибо! Ещё вопросы, или чокнемся уже?

— А лайм Грета привезёт, — сладким голосом сказал Вальдемар.

— Я что-то пропустил? — удивился Ян. — А Наташа разве...

— Не за пробником! — строго сказал Вальдемар. — А то у Ойгена аппетит пропадёт.

— Понял!

— погоди! Пока процесс не затянул нас в темпоральный провал... — Ойген нахмурил брови, — ты сразу скажи, у тебя какие-то конкретные дела намечены, чтоб ко времени?

Ян сосредоточился. Ко времени были только Крутовы. Остальное — по наитию.

— В среду, — сказал он. — Туристов поеду катать. А до этого — так, по мелочи, как пойдёт.

— Вопросов больше не имею!

При соприкосновении сосудов те слегка сообщились, и текила всё-таки просочилась между пальцев.

— Рады тебе, — сказал Ойген.

— Превзаимно! — ответил Ян, осторожно выдыхая.

— Ну, чего встали в коридоре? — возмутился Вальдемар. — На кухню или в комнату?

В гостиной доминировал длинный чёрный диван, больше похожий на офисный атрибут, чем на что-то домашнее. Противоположную дивану сторону комнаты занимала заслуженная гэдээровская «стенка». Ойген снял квартиру без мебелировки, и она с миру по нитке постепенно заполнилась, чем заполнилась.

— Задача следующая, — объяснил Вальдемар. — Мы тут долго обсуждали, чего нам, понаехавшим с Востока, не хватает в Неметчине, чтобы наконец-таки почувствовать себя здесь как дома.

— Да! — авторитетно подтвердил Ойген и вышел.

— Всё, вроде, есть: жильё, работа, компания, вот и паспорта уже даже получили, и имена как у бундесов, а что-то не то, какой-то некомплект. Ну, мы провели мозговой штурм...

— ...и поняли: нужен герб! — Ойген вернулся с початой бутылкой «Столичной».

Тут же пояснил:

— Из морозилочки.

— Представляешь, Ян, — Вальдемар мечтательно повёл ладью, — входишь в нашу хрущёвку, поднимаешься к нашей двери, а над ней — герб! Сразу понятно становится: не абы кто тут живёт. Люди с родословной, с корнями. Не баронеты, конечно, но и не гастарбайтеры какие-нибудь.

— Начинаю понимать, куда рифма, — кивнул Ян.

Выпили. Встряхнулись.

— Она быстро закончится, — утешил всех Ойген, — а потом будет вкусная текила.

— В середине — как положено, символика: для меня — театральная маска, а что для Женьки — пока в обсуждении. Предлагали модем — не хочет. Предлагали сноп проводов с разъёмами — не угодишь! А вокруг лента вьётся, а по ленте — стихи. Первую строчку уже придумали: «Казахский физик и молдавский

лирик...», а дальше никак. Надо же достойно завершить, и буквами такими а-ля готик написать.

— Какой «готик», когда всё по-русски? — уточнил Ян, забирая с блюда последний корнишон.

— Их проблемы, — отрезал Ойген, — если прочесть не смогут. Мы же старались! И ещё: сверху часы, а на них — без пяти одиннадцать!

— А это почему?

— Ну, забыл, что ли? Мы же познакомились на бензоколонке! Стоим такие, я впереди, Вова чуть сзади, волнуемся, что в одиннадцать перестанут бухло продавать, здесь же ордунг, всё минута в минуту, а передо мной югослав, и какая-то у него ерунда там, типа за полный бак дали мало наклеек — знаешь такие, как марки, собираешь на карточку, а потом бонусы всякие — короче, перекрыл очередь наглухо! А мне ребята с Бремена звонят, наши, семипалатинские, но правильные такие казадойчи¹, всё по-немецки, и я с ними так же. Предлагают гешефт — то ли мутный, то ли сами не понимают, чего хотят. Отошёл я, короче, на шаг, и говорю им: мать вашу, пацаны, ну вы что тупите-то? А сам показываю тем, кто за мной в очереди — проходите, мол, разговариваю пока! Вова, значит, кладёт югославу руку на плечо и говорит: братушка, погоди с бонусами, а? Без пяти, закроют же сейчас!

— В общем, я бутылку купил, — подытожил Вальдемар, — а Женя не успел со своими гешефтами. Ну, не пропадать же человеку! Предложил ему преломить хлеба и питьё, пришли сюда. А я же тогда как раз жильё искал с кем-нибудь пополам...

— Да нет, слышал я вашу историю, — подтвердил Ян. — Просто она каждый раз новая, люблю следить за метаморфозами.

— Вот поэтому на часах без пяти одиннадцать, — сказал Ойген. — А также, потому что это как бы лёгкий левый уклон. Обеими стрелками. Чуть-чуть такой, без экстремизма.

¹ В русскоязычной Германии — шутивное прозвище казахских немцев

— А с двух сторон герба — колосья, — добавил Вальдемар. — Чтобы всё по-настоящему.

— Наш ниспровергатель основ, — покосился на него Ойген, — поставил тут себе на звонок гимн Советского Союза. Полифония, конечно, так себе, но всё равно — узнаваемо. Во Франкфурте мало кто врубается, зато в Берлине — видел бы ты, как старушки шарахались!

— Хочешь послушать? — обрадовался Вальдемар, ища по карманам телефон.

— Давай, — согласился Ян.

— Вов, — Ойген аккуратно разлил по половинке.

— М? — отозвался тот, погрузившись в меню.

— А мне одному кажется, что нашего гостя гнетёт тяжкая кручина?

— Ага, в смысле, нет, не одному. Вот он сидит весь такой улыбочивый, а сам себе тихонько только и думает, как бы нас ненароком своими хлопотами не опечалить.

— Рассказывай давай, — велел Ойген.

Тут уж было не отказаться!

А потом остыла текила и доварился борщ, и комбинация этих компонентов превзошла все ожидания. И начало вечереть, и благодаря стараниям друзей Яну стало казаться, что горе — не беда. Уговаривать себя в таком ключе он мог бы и сам, а вот чтобы в это поверить — тут, конечно, понадобилась серьёзная дружеская поддержка.

Обсудили ситуацию так и эдак, прокрутили возможные варианты развития событий. Выходило, что надо просто подождать, пока Виталий даст зелёный свет на возвращение. Ну не в казённый дом же Яна определяют за его страшные прегрешения! Подумаешь, собрал конверты! Все так делают, и никого ещё не расстреляли, что уж там. Вроде, Ян и сам всё это знал, однако стало ощутимо легче.

Потом Ойген поведал трагическую историю «про Наташу» — Ян и Вальдемар единогласно постановили, что всё к лучшему.

Тем более, что на горизонте появилась загадочная Грета из Ганновера, без пяти минут психотерапевт, вопреки имени вообще не немка, а вполне наша, и, кстати, симпатичная на грани безупречной красоты! Ойген, что называется, считал часы и минуты до её завтрашнего приезда.

— Он даже всё пропылесосил! — сообщил страшную тайну Вальдемар. — А у нас интернет накрылся, так из Женькиного телефона эсэмэски уже на ковёр сыплются.

— Завтра будем лепить пельмени! — безапелляционно заявил Ойген. — Нужно произвести впечатление, что мы не пьянь какая-нибудь, а домовитые домохозяева с серьёзным подходом к домоводству.

— Какая ещё пьянь, скажешь тоже! — бодро завозмущались остальные.

— Мне сон был, — сообщил Ойген. — Про Ганновер!

— Ого, — оценил Вальдемар.

— А мне тоже снился город сегодня, — сказал Ян. — Только не знаю, какой. Зато я звонил по телефону в Кёльн.

— Почему в Кёльн?

— Потому что номер запомнил.

Друзья потрясённо замолчали.

— Я правда запомнил! Все цифры!

— Гонишь, — сказал Вальдемар. — А номер знакомый? Или похож на что-то?

— Первый раз вижу.

— Ян! — Ойген с трудом выдернул себя из дивана и поднялся в рост, крепко держась за рюмку. — Ты соприкоснулся с матрицей своего подсознания! Это очень ответственный момент! За новую веху в жизни!

И махнул в одиночку, присоединиться никто не успел.

— Что за матрица подсознания? — спросил Ян, собирая корочкой хлеба свекольный осадок со стенок пустой тарелки.

— Не торопись! Сейчас объясню. У меня есть хобби. Я собираю не туда попавших. Понимаешь?

— Не-а, — честно признался Ян.

— Наоборот, — подсказал Вальдемар.

— Да. Не так. Наоборот, — длинные фразы давались Ойгену уже через силу. — Когда звонят. Позовите — кого там? — Ганса, к примеру. А Ганса тут нет. А я всегда спрашиваю: вы какой... номер набираете? Нету Ганса тут. Просто ошибка. Лишняя цифра. Или кнопка не нажалась какая-нибудь. Или запала и два раза набралась. Там разные варианты. Можно цифры местами перепутать. Можно промахнуться. По-всякому.

— Отдохни, — поощаил Ойгена Вальдемар, — я дальше расскажу. В общем, Женька стал собирать все такие звонки — записывать номера. В одной-двух цифрах от нас чего и кого только нету. Набери вместо первой тройки четвёрку — попадёшь в морг!

— Замечательно, — согласился Ян.

— Меняем последние две цифры — там живёт Лейла, ей полгорода звонит. Устали отбиваться. А если семёрку случайно нажать два раза, то можно послушать прикольный автоответчик: «Сунешься ещё раз, мерзавец — скажу брату, он тебе мозги вышибет!» Круто, а? Наш Женька, как человек творчески-технический, стал все результаты заносить в «матрицу присутствия». Вариантов ошибки, конечно, огромное количество, но так даже интереснее — коллекция никогда не заполнится до конца! Теперь мы знаем уже полсотни соседей по цифрам. Пойдём, покажу!

Путь до двери в спальню стал ощутимо длиннее, но они успешно преодолели штормящее пространство и заглянули внутрь. Всю стену в изголовье двуспальной кровати заполняла сложная паутиная схема, узлы которой были размечены цифрами и не всегда разборчивыми надписями.

— Преклоняюсь перед техническим гением! — сказал Ян.

Бессмысленные и глобальные проекты всегда его впечатляли.

— А ты позвонил уже? — спросил Вальдемар.

— Куда?

— В Кёльн, куда ещё?

— Зачем?

— У меня нет слов! — Вальдемар отлучился в коридор и притащил треснутый аппарат на длинном перемотанном изолированной шнуре. — Твоё подсознание выдало тебе важную информацию! На блюдечке с котомочкой... с койоточкой... короче, бери и звони!

Ян подумал, что наверняка забыл эти цифры. Усталость, алкоголь... Как бы не так! Комбинация так и стояла у него перед глазами. Вот Ян-не-Ян снимает трубку, протягивает палец...

— Не томи уже! — захныкал Вальдемар.

Ян прижал динамик к уху. Вслушался в писклявый гудок. Невинная затея почему-то вызывала беспокойство. Ему не хотелось набирать этот номер.

— Забыл всё-таки? — огорчился Вальдемар.

Ойген расползся по дивану и спал с открытым ртом.

— Ничего я не забыл, — немножко сердито ответил Ян, быстро нажимая кнопки.

И вздрогнул, когда на том конце сняли трубку...

ГЛАВА 3

ФЛЭШ-РОЯЛЬ

*Довиль, Франция
2 февраля 1999 года*

А не слишком ли ты заигрался, Огюст? Не слишком ли доверился золотозубому доброхоту непонятного роду-племени? Пить и гулять задарма — это, конечно, дело прекрасное, но на сколько хватит терпения попутчиков?

Немолодой человек слегка потрёпанной наружности, какую приобретают одинокие европейские интеллектуалы на подходе к полувековой отметке персонального календаря, покачивался туда-сюда с пяток на носки — словно повторяя мерное движение плещущейся под пирсом воды. Нужно было идти внутрь — по шаткому корабельному трапу, в мертвящую кондиционированную свежесть «оффшорного» казино. Но лишний глоток целебного морского воздуха никому не повредит, и минута-другая ничего не решит. Если Везунчик там — значит, там. Если нет, вечер пройдёт как обычно, пика к бубне, цифры в ряд. Коли пойдёт масть — то промелькнёт в лихорадке ставок и блефа, а не заладится... нечего думать про «не заладится», сегодня должно повезти.

Огюст оглянулся на берег. Солнце уже село. В сиренево-фиолетовом небе меркли последние кружева багровой облачной бахромы. На тонких мачтах фонарей покачивались гроздьи света. Цепочка огней бежала по набережной в туман горизонта, повторяя плавный контур залива. Огюст втянул носом стылую

солёную морось. Когда он в последний раз рисовал с натуры? И не вспомнить.

Деревянные плашки вместо ступеней, всхлип воды откуда-то снизу, набалдашник поручня. Пригибайте головы, господа, а то расшибёте свои плешивые макушки. Мазутный запашок грохочущих трапов, втиснутый в простенок гардероб, белые перчатки выхватили пальто из рук, номерок — сорок шесть, бесхребетное числишко! — нырнул в карман.

Игровой зал обернул Огюста мягким ватным шумом, ярким, но нежным освещением, отголосками сигарного дыма и дорогих духов. Лампы дробились на искры в украшениях дам, зелёные поля столов казались аэродромами фортуны. Откуда-то в руке возник бокал шампанского. Сухопарый бретонец за стеклом кассы паучьими лапками сплёл из ничего лоток с разноцветными фишками. Приятного вечера, месье!

В зале было на удивление многолюдно для середины недели и мёртвого сезона. Наверное, эти люди просто не знали, куда спрятаться от бесконечной непогоды — а потому нарядно оделись и отправились греться азартом.

Два стола с рулеткой — врата этого мира. Узкий салон, не обойдёшь ни на входе, ни на выходе. За одним, как и положено, — Пьер, лениво ставит на чёт-нечет. Уж точно не святой с ключами, да, вероятно, и не Пьер — скорее уж, Ибрагим, или какие там ещё могут быть имена?.. Поэтому — просто Пьер. Рослый, самоуверенный и, что немаловажно, способный носить костюм и галстук так, чтобы не походить на телохранителя или страхового агента. Главное, не улыбайся, Пьер — блеск золота во рту затмит твой лоск в один момент.

Огюст прошёл мимо. Короткий кивок в никуда — здравствуйте, господин наниматель, ваш специалист прибыл на рабочее место. Шампанское в правой, фишки в левой — весь инвентарь тут как тут. Рокочущий шарик, отплясав последние па, упокоился в лунке. Девятнадцать, чёрное. Никакое число, если задуматься. Не даёт подсказок. Увидит ли сегодня публика

неуловимого гастролёра Везунчика, мастера большой торговли и хладнокровного блефа?

Пока что Везунчика не наблюдалось. В дальнем углу зала на блэк-джеке пустовало несколько мест, и Огюст занял свободное — лицом к залу. Приступим! Фишки пощёлкивали в лотке как спящие кастаньеты. Первая пара карт прилетела из рук крупье, клетчатые паруса фортуны.

В стародавние времена, когда Алжир уже перестал быть Францией, но Франция ещё не стала Алжиром, когда Сорбонна строила баррикады, а не бизнес-планы, когда любовь висела в воздухе сочными прозрачными пластами — режь от души, когда казалось, что острый карандаш в точной руке — это пропуск в мир волшебства и чудес, Огюст рисовал всё, что успевал поймать взглядом. Семнадцатилетний, дерзкий, самоуверенный — теперь таких и не делают, наверное... Сколько он тут нахватал бы картин! Даже в этой дурацкой кают-компании, раскрашенной под фешенебельность, обшитой кожей поверх кованых заклёпок, сплюснутой зашторенными иллюминаторами и навесным потолком. В тесной железной коробке тоже полно интересного — для опытного наблюдателя.

Вот соседка напротив — отшатывается от каждой приходящей карты: руки кольцом, приподнимает лист, заглядывает под низ, и тут же пытается отстраниться, отодвинуться от собственных рук, ключицы над щедрым вырезом открытого платья проступают на секунду и тотчас тонут вновь под тонкой кожей. Крупье: в начале каждой раздачи чуть сутулитесь — словно принимая боксёрскую стойку — и полетели-полетели, неслышно ложась на сукно, тузы-короли. Краснолицый толстяк за соседним столом, молитвенно сложив ладони, разговаривает с кубиками — такими лёгкими, маленькими, непоседливыми — тянет губы трубочкой, от непослушных костяшек можно чего-то добиться только лаской и уговором. За рулеткой шум и ажиотаж — золотозубый Пьер, оскалив-таки своё богатство, по-хозяйски подгребает к себе разноцветье выигрыша.

Дега задохнулся бы от зависти вместе со своими балеринами, сделай Огюст дюжину эскизов из того, что проистекало вокруг. Нервы, алчность, безрассудство, ирония, расчёт верный и расчёт ошибочный, флюиды игры, всплывающие к потолку как пузырьки шампанского — бери эту экспрессию голыми руками и клади на холст или на картон...

Но семнадцатилетнего мальчика здесь и в помине не было, а тот Огюст, что только что прикупил к семнадцати восемь, уже не очень годился для подобных грандиозных планов. Жизнь кипела вокруг — кипела и выкипала. Никем не пойманная и не запечатлённая.

Огюст пододвинул к крупье фишку на размен, и в этот момент у окошка кассы мелькнуло лицо. Неприметное, глазу зацепиться не за что: узкий подбородок, неубедительная седоватая бородка, очки без оправы на маленьком прямом носу. За годы игры Огюст перевидал столько народу, такой бесконечной карнавальная лента мелькала перед ним игроки всех возрастов и цветов кожи, что в первые секунды он даже не осознал, что искомый объект перед ним. Клерк-госслужащий или не слишком даровитый бухгалтер, винтик мирового человекооборота без особых примет. Везунчик.

Ну, полный флэш-рояль! До сих пор Огюст оценивал вероятность данного события как микроскопическую — сколько казино от Гибралтара до Праги? От Генуи до Копенгагена? Застать гастролёра в довильской дыре — это как пятой картой получить туза в масть!

Это как ночной стук в дверь номера дрянного гаагского клоповника, а ты выхолощен и выжат, весь вечер не шла карта, в карманах одна паутина, и вообще непонятно, стоит ли в таком гадюшнике открывать невесту кому, потому что кроме шлюхи или пушера стучаться сюда решительно некому, но ты плетёшься вокруг несвежей постели, шаркая бумажными тапками, и предусмотрительно накидываешь цепочку, а из тёмной щели

тебе в руку вползает пыльная радуга — тонкая стопка купюр по десять и двадцать пять гильденов...

И вот ты уже цедишь кюрасо в задрипанном баре отеля, кресельная пружина норовит ввинтиться тебе в задницу, и так трудно понять, что говорит развалившийся напротив качек с бульдожьей челюстью и соответствующим бульдожьим акцентом. Не потому, что в телевизоре над стойкой громко плещется дешёвый германский силикон — «ахт, ахт, зибен, драй», позвони мне, тебе одиноко, сколько там пфеннигов в минуту? — ага, «фир унд цванцихь», и без налогов, какая щедрость — и не потому, что ночной гость путает французские и немецкие слова, и даже не потому, что хруст купюр за пазухой отвлекает от разговора — нет, всё дело в абсурдности излагаемого предложения.

Да, Огюст был в предрождественскую ночь на Мирадо в частном покер-клубе. Да, такой проигрыш быстро не забывается.

Будто на четвереньках ползёшь против хода на детскую горку, и вот уже остаётся только ухватиться за поручень —

а значит, встать из-за стола и сгрести фишки, —

но тут что-то щёлкает в голове, ты забываешь о гравитации, отпускаешь сразу обе руки —

пожалуй, ещё пару раздач, господа! —

и подошвы начинают скользить по холодному, накатанному детскими штанами металлу, у-ух! —

неуверенно поднимаешь ставку, у тебя каре на девятках, а делаешь вид, что от силы две пары, и сразу трое втягиваются в торговлю, ты ведёшь их вверх и вверх, сдвигая к центру стола разноцветные башенки из кружков, —

а на самом деле уже катишься с горы на пузе, башмаками вперёд, не уцепиться! —

и пора вскрыть неопределённость, вас осталось двое, он буравит тебя взглядом через стол, но вместо глаз — отблески чуть затемнённых стёкол, два светящихся штриха, и ты выкладываешь своих красоток, четыре буквы «Н», составленные из волшебных фруктов, красно-чёрное совершенство... —

и вылетаешь коленками в пыль и мелкий гравий у подножия горки. Нервно усмехаешься — вот надо было лезть, а? —

потому что соперник поправляет очки и начинает выкладывать по одной. Первой идёт десятка, за ней валет, дальше только хуже, ты уже знаешь это, дама прячется под королём, и конец! — жирная точка туза. Флэш-рояль!

Вы когда-нибудь вскрывались с флэш-роялем на руке, Пьер?

Что? Как вы сказали? Лицо? Его лицо? Да, конечно. В общих чертах, но в целом — да. Хотя больше запомнились очки. А он сам как-то потерялся за ними, что ли.

Визитёр неожиданно нагнулся вперёд и вдруг улыбнулся, испустив зубами пару золотых бликов. Не желает ли херр Огюст... Не желает ли месье Огюст покататься по игровым заведениям? Не в смысле — сейчас, сегодня и здесь, а, скажем, начиная с завтрашнего вечера? Это как будто прямо работа такая — покататься. Поиграть за счёт нанимателя. В разумных пределах, конечно. Просто чтобы не выделяться. И выигрыш, если таковой случится, можно оставлять себе, возвращать деньги не нужно. Дорожные расходы, еда, питьё, ночлег — об этом не надо беспокоиться, всё будет включено. Цель одна — найти того самого, в очках. Для начала — узнать и показать, вот и вся работа.

Тут-то и показалось непонятно. Когда один человек хочет найти другого человека до такой степени, что готов платить за это деньги, то не стоит вставать между ними. Огюст прислушивался к себе, разглядывая нежданного работодателя: что у того на руках? В какую игру предстоит играть? Огюст блефовал почти инстинктивно: он мог бы за пять минут сделать по памяти карандашный набросок, изобразив потерявшегося обладателя флэш-рояля с фотографической точностью. Высшая школа изящных искусств, *diploma cum laude*.

Но пора было выбираться — и из Гааги и вообще из этого гнилого года, с самого начала пошедшего не в масть, из громоздящихся друг на друга долгов за парижскую ипотечную клетушку,

разбитый «пежо», просроченную медицинскую страховку, напоминающую о себе острым покалыванием в правом боку...

Огюсту очень хотелось задать неудобный, но такой естественный вопрос: а зачем вам сдался этот тип? Но внешность потенциального работодателя начисто отбивала желание что-либо спрашивать. Ведь чтоб изображать из себя крутого парня, начинать стоило чуть раньше: вот он говорит на своём неподражаемом бульдожьим французском: «Зовите меня Пьером», — а тут бы в ответ: «Что, мама так же звала?» — или: «А что у вас за акцент такой необычный?» — или: «Да как вы вообще узнали, что я в тот чёртов день играл за этим столом?» — но ведь не спросил же! Да и не притворялся Огюст героем никогда, даже наедине с собой перед зеркалом. Хочет зваться Пьером — пусть будет Пьер. Жаждет найти Везунчика — видно, есть на то свои причины. Уж лучше обсудить детали договора. Ну да, устного, разумеется.

И ещё одну вещь Огюст, безусловно, упустил. Узнать и показать — для начала. Так сказал Пьер, а подобные ему ребята лишними дополнениями и обстоятельствами не разбрасываются, их ораторские способности и так всегда на пределе. Обрисовано начало — должно быть и продолжение. И конец, кстати. Стоило бы сразу этот смысловой заусенец устранить. Но когда пружина колет в мягкое, кюрасо вдруг будит изжогу, а нумерологические стенания заэкранных блудниц смешиваются с цифрами возможного гонорара — как тут всё упомнишь?

Много позже, то ли в Мадриде, то ли в Лиссабоне, под чёрно-белым ночным небом Иберии, Пьер разоткровенничался. Даже стал похож на человека — обычно это случалось после трудных разговоров с неведомым боссом. В те короткие минуты перед обратным превращением в боевого робота Пьер успел устранить хотя бы один из имевшихся у Огюста вопросов. Девка, сказал он грустно. Все палятся на девках. Везунчик твой таскал её за собой почти неделю, а тебя она видела в Мирадо и раньше, вот и запомнила. Огюст, говорила, — вот кого мы в тот вечер «расчекрыжили».

Южный ветер сирокко принёс ледяной холод из далёкой зимней Сахары. Конец января — «дни ворона», самое промозглое время. Огюст поёжился: просто представил себе, как вкрадчивый распорядитель зала Миrado кивает и хмурит брови в ответ на вопросы простодушного Пьера. И вместо того, чтобы послать того прочь, прислушивается к аргументам — веским, видимо. Иначе чем объяснить, что этот Пьер потом нарисовался в Гааге?

А неделей позже, в тёплом и уютном Висбадене, где летом всходит пристойный виноград, а зелёные попугаи распугали всех ворон у казино, шофёр Лека приоткрыл Огюсту ещё один уголок мозаики.

Мы так думаем, присоединил себя к руководителям поиска шофёр Лека, что у твоего Везунчика есть приборчик какой-то. Жулик твой Везунчик, точно тебе говорю. Шулер, нечестный игрок. Лека был парнем попроще, с жилистыми цепкими руками, обветренной рожей, и ещё более жёстким акцентом, усугублённым дырой на месте передних зубов. Огюст предполагал, что если Везунчика удастся найти, то хотя бы на железные зубы шофёру премиальных хватит.

Их маленькая компания колесила по Европе на стареньком минивэне с немецкими номерами. Лека прямо в нём и жил — гостеприимство Пьера на помощника не распространялось. Шофёр курил дрянные папиросы, периодически медитировал над раскрытым капотом, иногда что-то бормотал на незнакомом языке. Сколько Огюст ни вслушивался, знакомых созвучий не попадалось: не арабский, не турецкий, то какая-то адская каша из звуко-сочетаний — то вдруг промелькнёт знакомое латинское слово...

На границах их тормозили крайне редко, немецкие паспорта работодателей у полиции интереса не вызывали. Маршрут прокладывал Пьер, основываясь на ему одному известных расчётах. Видимо, что-то та девка рассказала ему — помимо эпической истории о том, как «расчекрыжили» Огюста.

Каждый вечер перед игрой Огюсту выдавалась на руки сумма — полторы тысячи франков в местной валюте. Иногда

к рассвету не оставалось ничего, но порой удавалось сохранить больше половины. А в Генте и Марселе повезло по-крупному. Пьер на выигрыш прав не предъявлял. Когда представилась свободная минутка, Огюст нашёл отделение «Сосьете Женераль» и положил на счёт почти тридцать тысяч франков. Сразу стало спокойнее, а то деньги жгли карман.

Надолго ли хватит радушия нанимателя, спрашивал себя Огюст каждую ночь, выходя из казино или клуба. Но сегодня и этот вопрос отпал. Привет, Везунчик!

Огюст бросил карты и направился через зал к Пьеру. Тот оторвал взгляд от вращающихся лопастей рулетки — и сразу всё понял.

Везунчик прошёл к покерным столам. Уселся, поёрзал, огляделся. Перекинулся с соседями парой слов. За столом пустовало одно место, игра пока не начиналась.

— Вон тот? — спросил Пьер, оказавшись у Огюста за спиной. — Подойди, сядь рядышком и шепни тихонько: «Я всё знаю!» — С везением у него всё в порядке — посмотрим, как с нервами.

То есть, так? Вассалы с трещотками и хлопушками ломаются развёрнутой цепью в дикую чашу, а по другую сторону — рыцарь Пьер с опущенным забралом и нацеленным копьём? Старая добрая охота на Везунчика? Где же их-то дорожки пересеклись? Зачем им сдался этот канцелярский червь? Пора спросить, пора, другого случая уже не будет...

— Да не волнуйся, — добавил Пьер, видя, как Огюст переминается с ноги на ногу. — Просто вспомни, как он раздел тебя в Мирадо. Сколько там было? Полста? А теперь ты начинаешь догадываться, почему так получилось. Пойди и скажи ему об этом.

Непослушные ноги превратились в вялые пружины, проседающие на каждом ходу. Огюст доковылял до свободного места рядом с Везунчиком, приветственно кивнул присутствующим, опустился на стул. Сухопарая крашенная старуха в тяжёлом бархатном пиджаке словно из панциря тянула маленькую остроклювую

голову на черепашьей шее. Широколобый мужчина средних лет энергично потёр руки и придвинулся ближе к столу.

— Добрый вечер, — сказал Огюст Везунчику.

— Начнём, пожалуй? — ответил тот, придвигая к себе колоду.

— Я всё знаю, — замогильным голосом произнёс Огюст.

Везунчик удивлённо шевельнул бровями, чуть сощурился, разглядывая нового соседа:

— А, так это вы, голубчик! — блекло улыбнулся, и мелкие, будто молочные, зубы повторили дугу улыбки. — Раз вы теперь всё знаете, то, может, сыграетесь слегка, а? И игра поживей пойдёт. Знание — оно штука полезная! — Теперь он уже обращался к остальным. — Люблю, представьте, играть со знакомыми. Меньше случайности, больше психологии. Вообразите, уважаемые, мы с господином... э-э... — пауза повисла и разрослась, потому что Огюст не собирался представляться — ведь и он не знал имени Везунчика, — э-э... мы с коллегой имели отличную торговлю прямо под Рождество. Каре против флэш-рояля, не чудо ли, а?

И игриво ткнул Огюста кулаком в локоть.

Пятьдесят тысяч франков — вот столько и ушло в ту последнюю раздачу. «Полста», как говорят у нас в минивэне. Огюст никогда не сокрушался по игровым деньгам — пришли-ушли, дело случая. Но не в тот раз.

Везунчик продолжал доброжелательно и снисходительно скалиться. За чуть затемнёнными стёклами лишь угадывались глаза. Наглые, холодные кружочки. Цифры в таксометре, а не глаза.

Те пятьдесят тысяч Огюст уже успел пристроить — минут за пять, прямо перед тем, как покатился с горки азарта к своему закономерному фиаско. В полукруглую сумму смогли уместиться: лисьи, колонковые и барсучьи кисти двенадцати типов; акварель, гуашь, пастель, масло — на Монмартре таких не найдёшь, не фабричная дешёвка, надо ехать в Руан в мастерские Бризеля; мольберт ручной работы, беззаботный двадцать пятый год, — из антикварной лавки у моста Севр; бумага и холст — от

самого мэтра Манси из Академии, на такой каждая капля подкрашенной воды разбежится тысячами смыслов и образов, на такой нужно рисовать туман, и ветер, и зарницы ночной грозы... И даже после подобных внушительных трат ещё оставалось сполна на комнатку в деревушке под Бордо — целый месяц в частном пансионе вдали от городской суеты и пыли. Туда ездят только за вином и покоем, а как там ложится свет... И всё это, всё без остатка подгрёб к своему брюху крысолицый фигляр!

Огюст зажмурился на секунду — и увидел фейерверки, бензиновые пятна на воде, цветные хула-хупы, флюоресцирующие и тающие в полутьме. Нет, он не опустится до того, чтобы пугать Везунчика Пьером. Это дело их двоих, личная раздача, бульдогам здесь места нет.

А когда Огюст открыл глаза, что-то изменилось.

— Только дотронься до карт, — совсем тихо сказал он, — и охрана уволочёт тебя в служебное помещение. Если будет надо — разденет донага, но найдёт твой мудрёный приборчик. Не сомневайся, я здесь тридцать лет играю. Пшёл вон из-за стола, шулер!

Самоуверенность Везунчика дала такую трещину, от которой вековые дубы разваливаются пополам. Улыбка слезла с губ прошлогодней рекламой. Взгляд потерял хамский лоск.

— Прошу извинения! — Везунчик поднялся и примирительно поднял руки в сторону онемевших соседей по столу. — Некоторым любителям покера... как вы сами видите... старые проигрыши не дают приступить к новой партии. Был бы рад разделить с вами удовольствие, господа, но, увы! Возможно, в другой раз и в другой компании. Мадам... Месье...

Обходя Огюста, он чуть пригнулся и язвительно добавил:

— Тридцать лет! Ах-ах!

И неспешно направился к кассе.

Черепаша и головастик молча смотрели на Огюста — безо всяких эмоций, как на полено. Он встал и, ни слова не говоря, просто отошёл от стола.

На чуть вогнутой стене через каждые два шага висели крошечные пурпурные шторы, закрывающие иллюминаторы. Огюст отодвинул ткань в сторону. Смежил пылающие веки, прижался лбом к ледяной черноте ночи.

Дурак! Простак! Неумёха! Вместо того, чтобы забить мерзавца в пол по самую шляпку, только выставил себя на посмеище. Да, он впервые в этом эрзац-казино, и Везунчик походя ткнул его носом в собственное враньё. Ведь раскрытый блеф — просто враньё и ничего больше!

Огюст открыл глаза — и отшатнулся. По ту сторону мутноватого иллюминаторного стекла словно зависло прозрачное отражение его самого — карикатурно вытянутое лицо, болтающиеся в воздухе ноги, парящее над волнами тело. Секунда, и блики луны развеяли морок без следа. Теперь в окне отражались фишки на ближайшем столе, чья-то рука и стакан виски.

Везунчик в пальто нараспашку уже выбрался из гроба гардероба, пошарил взглядом по залу, и, — Огюст готов был в этом поклясться! — отыскал не его, а Пьера! Клерк тут же опустил глаза, ссутулился и быстро вышел на палубу. Пружинистой походкой рыцарь с копьём поспешил следом. В дверях обернулся — и безо всякой конспирации показал Огюсту пальцами: тип-топ! Уходим!

Предусмотрительный и закалённый Пьер пришёл в казино налегке, а Огюсту пришлось потоптаться в ожидании пальто, и потом он трижды промахнулся мимо рукава, и сунул монетку мимо пальцев белой перчатки, и больно стукнулся коленом, споткнувшись о ступеньку, и прищемил кожу на указательном пальце, открывая непослушную дверь на палубу, и каждая такая мелочь отдаляла его и от Пьера, и от Везунчика, словно от чего-то самого главного в жизни — но почему-то Огюсту не пришло в голову потратить ещё одну секунду и спокойно подумать: а куда это он так спешит?

Нет, иррациональная жажда мщения, возбуждённое любопытство зеваки, столь легко выработавшаяся привычка всегда

возвращаться к минивэну — всё это гнало его вперёд куда эффективнее любого приказа.

Когда Огюст шагнул на пирс, ни Пьера ни Везунчика не было видно. Только трое забулдыг брели далеко впереди — самый пьяный обхватил за плечи двух приятелей, и так, втроём, пошатываясь, они перемещались в сторону парковки.

Да это же они, понял вдруг Огюст. Элегантный костюм Пьера, безвкусный меховой воротник Леки, болтающаяся голова Везунчика... Огюсту расхотелось, совсем расхотелось воссоединиться с коллективом, но ноги сегодня весь день подчинялись кому-то постороннему — и тащили его следом за нелепой троицей.

Уже садясь в минивэн, — не на задний ряд, где кособоко привалился к окну спящий клерк, а в середину — дверь, Огюст! Неужели так сложно чуть сильнее хлопнуть дверью! — он неожиданно понял одну важную, но очень сложную для усвоения вещь.

Пока ты кружишься в рулеточном колесе жизни, жужжишь, катишься, подставляешь блестящие стальные бока взглядам извне, красуешься своими безупречными формами, перед тобой открыт весь мир — ну, в разумных пределах весь, от нуля и до тридцати шести, прочее — несбыточные фантазии. Но в какой-то момент время начинает замедляться, весь мир вокруг тебя притормаживает, и тебя начинает бросать из стороны в сторону, лупить о борта, переворачивать с ног на голову, скидывать с привычного маршрута — «Тридцать лет! Ах-ах!» — и вот ты уже растерял скорость, еле вихляешь по дороге. И рано или поздно бьёшься о выступ — клапс! — и в последнем судорожном прыжке всё ещё пытаешься доказать себе, что выбор есть, что он существует, что за твоим передвижением не следило бы столько алчных взоров, если б можно было заранее предугадать, в какую лунку ведёт тебя неумолимая механика рулеточного колеса... Но фокус в том, что как раз к этому-то времени весь якобы твой выбор сводится всего к паре-другой лунок. Из которых ты по итогу оказываешься лишь в какой-то одной. И почему-то это

не уютная веранда в Бордо с видом на закат, а потёртое промятое кресло минивэна с немецкими номерами, и за твоей спиной подозрительно крепко спит человек, излучавший энергию и деловитость ещё пять минут назад, а посмотреть на пять минут вперёд не хочется и страшно.

— Что приуныл, дружище? — вполоборота, бульдожий оскал и бульдожий акцент. — Работа, считай, сделана. Осталось съесть вишенку с торта. Ты же поможешь нам закончить эту историю, Огюст?

Минивэн бодро взбирался в долгие подъёмы и весело скатывался по извилистым спускам — автострада давно осталась позади, и на пустынной двухполосной дороге, выющейся по склонам дряхлых Юрских гор, почти не попадалось машин — ни попутных, ни встречных. Где-то по левую руку пряталась за хребтом граница Люксембурга. Неряшливые окраинные посёлки досыпали последний час перед рассветом. Лесопилки, цементные заводи, ремонтные мастерские — всё здесь носило отпечаток заброшенности, ненужности, необязательности.

Огюст то дремал как спящая рыба, то вглядывался в заоконную муть. Кое-где белел снег — длинными полосками вдоль обочин, круглыми пятнами на заледеневших лужах, рассыпанной мукой на пожухшей траве. Везунчик совсем сполз на сиденье, запрокинул голову и резкими всхрапами заглушал шум мотора.

Лека сбавил ход, пригнулся к рулю, включил дальний свет фар. Между двумя ржавыми ельниками нашёл съезд на грунтовку. Мелькнул жёлтый указатель, но фары засветили его, и Огюст не смог разобрать ни буквы. Минивэн закачало на ухабах, цепкие лапы деревьев заскребли по крыше и стёклам, скидывая иссохшую хвою.

Машина упёрлась в гофрированные ворота, разрывающие бесконечный забор из толстой сетки с колючей проволокой поверху. Сигналить не пришлось — одна створка сразу подалась внутрь. Кто-то из темноты махнул рукой.

Минивэн втиснулся в приоткрывшуюся брешь. Фары выхватили большую изрытую траками грузовиков площадку, стенки нескольких сорокафутовых морских контейнеров с выцветшими знаками опасности, остов грейдера. Лека объехал первый контейнер. Взгляду открылась целая улица из таких же железных коробок, уходящая вперёд на несколько сот метров и упирающаяся в отвесную скалу. Железные двери закрыты тяжёлыми скобами, вместо табличек с фамилиями жильцов — ромбики с оскаленными черепами и переплетёнными серпами биологической опасности.

Створки одного контейнера были открыты. Из стального чрева лился белёсый электрический свет.

— Приехали, — удовлетворённо сообщил Пьер.

Вслед за ним Огюст вылез из уютного тепла машины в предутренний холод. Лека забрался на заднее сиденье и склонился над Везунчиком. С далёких холмов донёсся тоскливый собачий вой.

— Проходи, Огюст, — крепкие пальцы чуть подтолкнули Огюста в спину, он шагнул вперёд и замер напротив входа в контейнер. — Оцени! Постарались всё устроить, как положено.

— А ты, красавчик, вообще когда-нибудь слышал про дантистов?.. — послышалась из минивэна чуть заплетающаяся речь Везунчика.

В ярком свете двух промышленных ламп посреди контейнера стоял белый пластиковый стол и четыре стула, обычная уличная мебель из дешёвого кафе. Стол покрывала зелёная скатерть из толстой ворсистой ткани. На ней цветными столбиками выстроились фишки: чёрные, красные, синие, зелёные. Рядом лежало несколько нераспечатанных колод.

Огюст хотел промолчать, но вырвалось само:

— Ну, полный флэш-рояль!

ГЛАВА 4

ВОЛКА НОГИ

*Франкфурт, Германия
2 марта 1999 года*

— Левицкий: шум-шурум-джум-джум.

— Разорившийся лавочник: эча-мач. Чеба-чеба-мач.

— Левицкий: шам-шам-чападапам, в ваши-то годы!

Не открывая глаз, Ян вслушивался в окружающую действительность, осторожно восстанавливая общие контуры мироздания. Получалось пока не очень.

За стеной шуршала вода — кто-то успел занять душ. В соседней комнате громогласный Вальдемар вполсилы озвучивал реплики персонажей пьесы, пока не знакомой широкой публике. Имена действующих лиц он выделял сухим тоном диктора центрального телевидения, а собственно их текст произносил высокохудожественно и с интонационным рисунком, отчего через закрытую дверь его было почти не слышно. Из этого расклада получалось, что в душе — Грета, а Ойген попал под утреннюю читку.

— Роза (легкомысленно): так пойдёт — назад уедем!

Ян приоткрыл глаз. Угол двух стен и потолка над головой сначала сошёлся, образовав первичную координатную сетку, но тут же начал заваливаться в сторону. Ян зажмурился, останавливая вертолётное головокружение. А какое сегодня число? Вчера было двадцать восьмое... Но сегодня, кажется, уже не первое. Так. Двадцать восьмое — текила-борщ, первое — пельмени-виски. Всё сходится: второе.

Ян дотянулся до одежды, осмысленно скомканной на спинке дивана. Влез в майку и штаны, повернул тело на девяносто градусов, что привело его в сидячее положение. Снова открыл глаза и стойчески дождался, пока картинка мира успокоится и замрёт в статичном положении. На журнальном столике нашёлся чей-то стакан с остатками сока. Апельсиновый, что может быть лучше? Раскладушка Вальдемара, гостеприимно уступившего Яну диван, уже сложенная, стояла в углу. Кто-то добрый и заботливый даже унёс наполненную окурками пепельницу и приоткрыл окно, что создавало хорошие шансы на меньшие последствия вчерашних посиделок. Ян сгрёб из-под себя одеяло и простыню, кое-как умял непослушную ткань и вместе с подушкой отложил на стоящий рядом с диваном стул. Из окна по полу ощутимо тянуло холодом, пришлось нашаривать спрятавшиеся под столик тапочки.

— Эй, — позвал Ян. — Живой кто есть?

Дверь спальни стремительно распахнулась. Вальдемар выглядел молодцом. Ну, разве что красноватые белки глаз и чересчур торжественное выражение лица выдавали, что всё не так просто, как кажется. В обеих руках он держал по стопке листов, и Ян задумался, чем в таких обстоятельствах переворачивают страницы.

— Всё гораздо лучше, — сказал Вальдемар, — чем, если бы нам до одиннадцати хватило пороха подорваться за пополнением этилового резерва.

— Судя по длине фразы и беглости речи, — сделал вывод Ян, — у тебя всё хорошо.

— Чего и вам желаю! — Вальдемар, пританцовывая и помахивая черновиками как крыльями, на бреющем улетел в сторону кухни.

Помятое существо, мало напоминающее прежнего Ойгена, выползло из спальни следом. Прищурившись, изучило обстановку, одобрительно кивнуло.

— Как перформанс? — спросил Ян. — Это у тебя такой новый будильник?

Ойген скорчил печальную мину:

— Изверг рода человеческого опять взялся за правку диалогов. Там у него всё по-взрослому, каждая реплика — решающая. «Кушать подано!» с утра до вечера переделывает.

Прошлёпал через комнату и как аквалангист, спиной вперёд, рядом с Яном нырнул в кожаные объятия дивана. Пошли волны.

— Уже читал, что ли, Вовкин опус?

— Смеёшься? — Ойген гневно выпучил глаза. — Я его слушал! Восемь раз, не считая декламации коротких сцен.

— И как?

— Сплошной сексизм, шовинизм и дискриминация по половому признаку. Отличная пьеса!

— Есть шансы поставить?

— Никаких!

— А что так?

— Сексизм, шовинизм, и дискриминация по половому признаку. Здесь такое не поймут. Точнее, поймут, но не так, как задумывалось автором.

— Замысел автора, — донёсся из кухни апокалипсический похмельный бас Вальдемара, — вам, смертным, понять не по силам!

— Замысел ты в суде рассказывать будешь, — громко отозвался Ойген. — В последнем слове перед оглашением приговора. Невиноватая, мол, я, оно само так написалось!

Вальдемар вернулся с кухни удручённый.

— Ну как там? — осторожно поинтересовался Ян.

— Мрачно. Но не безнадежно. Нужна бригада добровольцев. А лучше женские руки, — Вальдемар покосился на Ойгена.

— Но-но! — воспротивился тот. — Вот со мной о посредничестве договариваться точно не стоит. Я же вхожу в круг заинтересованных лиц, моё мнение по вопросу не может быть объективным.

— С пониманием, — не стал возражать Вальдемар. — Эмоцию взяло верх над рацией. Это очень по-нашему, по-гуманитарному. Видишь, Ян, этот сухарь понемногу встаёт на путь размягчения!

А то я начал впадать в отчаяние — читаю ему пьесу, практически чистовик уже, а отклика в зале — ноль. То ли слушает, то ли программу в уме пишет, то ли банально спит с открытыми глазами. Даже не понимаю, воспринял он главную идею или нет. Глянь на этого сына степей, это же истукан, а не человек. Слушай, а давай я лучше тебе почитаю?

— Мне скоро ехать пора, не успеем, — вежливо отказался Ян. — Хочешь — давай тезисно, фабулу на блюдечке. Гарантирую шквал аплодисментов и немножко здоровой критики.

— Да дело не в фабуле, — отмахнулся Вальдемар, устраиваясь поудобнее на подлокотнике дивана. — Понимаешь, я придумал пьесу с отсутствующим главным героем! Не без героя — он как бы есть, и как бы где-то рядом, но не на сцене. Может быть, даже слышен его голос, я ещё не решил. Или кто-то с ним говорит по телефону. Однако сам он так и не появляется — и присутствует лишь как объект разговоров и мыслей остальных персонажей.

Ян старательно кивнул. Голова пока варила плохо, и он боялся отстать восприятием от разгоняющегося локомотива авторского изложения.

— К концу спектакля зритель должен сопереживать герою больше, чем любому присутствующему персонажу. И ждать до последнего, что тот всё-таки явит себя залу. Но — нет! В результате: зритель уносит моего героя с собой! Как кусочек вакуума, как отпечаток в душе. Читал наверняка: археологи иногда находят не какой-нибудь скелет или панцирь, а лишь след от него. Перламутровый оттиск на доисторическом битуме, характерные полости в известняковом массиве. Отсутствие может рассказать о предмете не меньше присутствия!

Ойген, вероятно, слышавший подобные рассуждения далеко не в первый раз, начал впадать в спячку — но всхрапнул и тут же оживлённо заозирался, демонстрируя нарочитую бодрость.

— Красиво говоришь, — подбодрил Вальдемара Ян. — Я слежу за ходом твоей мысли. В тему: знакомые свердловские пацаны решили в Екатеринбурге поставить памятник

человеку-невидимке. Элементарно: постамент пустой, но на нём вмятины от подошв. Классно же! Твой непроявившийся персонаж — в том же духе.

— Тут и закрутится самое интересное: на жизнь вчерашнего зрителя начнёт оказывать воздействие мой отсутствовавший герой. Ничто, пустота — породит изменение в человеке, а значит и во всём мире. Ну что, будоражит масштаб задачи?

И строго посмотрел на полупогруженных в диван Яна и Ойгена. Грета что-то весело напевала под душем, тонкая стенка позволяла даже разобрать мелодию.

— Ну, — Ян задумчиво уставился в потолок, — думаю, что отсутствующая в конкретный исторический момент на данном диване Грета — девушка Ойгена, кстати! — оказывает на режиссёра то самое воздействие пустоты, которого он пытается добиться в постановке. Греты — нету, а ваш, Вальдемар, павлиний хвост всё равно развёрнут на сто восемьдесят воображаемых градусов. Не чудесное ли это подтверждение правильности выбранного курса?

— Обыграть можно красиво, — перехватил инициативу Ойген. — Спектакль называем по имени героя, в афишке его указываем первым — в исполнении совсем неизвестного актёра, Глюкмана какого-нибудь. Никто этого Глюкмана в помине не знает, все морщат лбы, цокают языками, наперегонки пытаются вспомнить, кто такой, ждут его появления — первым же заявлен! И вдруг — бац! Занавес, поклоны, «кина» не будет, валите все домой. Выходит народ из зала в полных непонятках. Кто-то соображает: тут же в фойе на стене фото всех актёров — давайте искать Глюкмана! Может, мы чего не поняли! Тогда зрители, ну не все, конечно, а самые любознательные — проходят вдоль всех-всех фотографий, а театр о-очень большой и знаменитый, человек двести в рамочках на стене, и все улыбаются. Вдруг один любознательный театрал кричит: «Все сюда! Нашёл я, кажется, нашего Глюкмана!» Неуверенно как-то кричит, но все спешат к нему, любознательность — это ж страшная сила.

Кресла там роняют, фикусы опрокидывают. А потом стоят напротив фотографии Глюкмана и молчат потрясённо. Потому что там в рамочке — только вырезанный силуэт человека. Понимаете, как АЧТ!

— Как что? — хором спросили Ян и Вальдемар.

— Ну, абсолютно чёрное тело. Квинтэссенция пустоты, но не пустота. То есть, тело есть, но увидеть его невозможно. Как героя Глюкмана в спектакле. Круг замкнулся!

— Женя, ты жжёшь! — мокрая Грета, частично обёрнутая полотенцем, высунулась из-за дверного косяка. — Ребят, а у вас фен есть?

— Понимаешь... — хором сказали Вальдемар и Ойген.

— Они могут подуть, — пояснил Ян. — Они ж спортсмены, лёгкие по шесть литров, им тебя высушить — раз дунуть. Тем более, с такой спиртовой отдушкой.

— Значит, нету, — опечалилась Грета. — Тогда варите кофе — на электричку я всё равно опоздала.

Она снова щёлкнула задвижкой на двери ванной. Ойген и Вальдемар молча и не сговариваясь сжали кулаки, встряхнули три раза, «ножницы» разрезали «бумагу», проигравший Вальдемар поплёлся в сторону кухни.

— Во-первых, — на пороге комнаты он полуобернулся, — для оценки вашего поведения процитирую из «Сибирского цирюльника» несравненную Надю Михалкову: «Дураки какие-то!» А во-вторых, Глюкман — хорошая фамилия. Говорящая. Забираю.

— За «спортсменов» ответишь! — вяло пригрозил Яну Ойген.

— Тетрис — тоже физкультура.

Ян размечтался, как окажется здесь вместе с Ингой. Ей бы тут было интересно. Не самая тихая, но очень дружественная гавань на Остендштрассе посреди тревожного Германского моря. Тортуга-на-Майне. Отсюда можно совершать пиратские набеги, а потом возвращаться с добычей. Греться у костра, перебирать сокровища, слагать легенды о прошедших походах... И Инга бы ребятам понравилась — она же солнечная...

Ойген уселся к компьютеру. Судя по решительному и немного зверскому выражению лица, он намеревался всерьёз пободаться с настройками провайдера, чтобы восстановить утерянное интернет-соединение.

Из кухни приплыл запах кофе, потом раздалось ядовитое шипение и невнятное чертыханье Вальдемара.

— Плиту бы тоже помыть, — флегматично заметил Ойген.

Появилась преобразившаяся офисно-деловая Грета, чмокнула его в макушку и принялась расчищать место на журнальном столике. Ян помог ей отнести на кухню стаканы и блюдца. Вальдемар прошествовал навстречу с видом дворецкого английской королевы, неся на подносе четыре наскоро ополоснутых чашки и перепачканный убежавшим содержимым медный кофейник. Хорошая чеканка, ручная работа — со слов Ойгена, одна из вещей, напоминавших ему об оставленном в Казахстане доме.

Понемножку на столике образовался вполне пристойный «похмельный завтрак», собранный из всего, что уцелело вчера — засохшего сыра, зачерствевших горбушек багета, случайной коллекции йогуртов и нескольких шоколадных конфет из привезённого Яном набора с «Красного октября». Вальдемар сообщил, что по утрам его организм пищу не принимает, и ограничился кофе. Остальные не капризничали.

— А интернет-кафе где-нибудь поблизости есть? — спросил Ян.

— Я уже почти разобрался! — возмутился Ойген.

— Я так, на всякий случай.

— У югославов есть компьютер с модемом, — подсказал Вальдемар. — Тут такой душевный кафар на углу! Попросил их как-то, позарез нужно было, без проблем пустили.

— Кафар? — засмеялась Грета. — Вы знаете, что такое «кафар» вообще?

— Или не кафар, — засомневался Вальдемар, — кофейня, в общем. По-моему, они её кафаром называют.

— Кафар, — назидательно объяснила Грета, — это аффективное расстройство психики, наступающее вдали от родины.

Вызывается отторжением от дома, лишением привычной деятельности, изоляцией. Ну и у кого тут кафар?

— Да ладно! — заинтересовался Ойген.

— Да не «да ладно» — у меня же экзамен через два месяца! Я тебе по психиатрии всё что хочешь расскажу — лови момент. Термин, между прочим, ввели во французском Иностранном легионе в конце Первой мировой. Вот так вот, студенты!

— Может, не «кафар», а «кафан»? — предположил Вальдемар. — Точно как-то так!

— Наверное, это у меня кафар намечается, — рассмеялся Ян. — Все предпосылки уже в наличии.

— Точно не «кафан», — опроверг вторую попытку Вальдемара Ойген. — Кафан — это типа савана у мусульман. Незачёт, думай ещё!

— Спрошу при случае.

Грета поднялась, посмотрела на часы:

— Благотворительная акция! Подтаскивайте всё, что найдёте, до поезда успею помыть.

И упорхнула на кухню.

Ойген улыбнулся, победоносно оглядев друзей. Вот так, мол.

— Русская девочка Грета в нашем кибуце живёт, — негромко, нараспев продекламировал Вальдемар. — Вкусно готовит котлеты...

— Ойген других не зовёт! — мгновенно подобрал рифму Ян и покосился на старшего арендатора жилплощади.

Ойген невозмутимо пожал плечами:

— Да, и чо?

Бай, настоящий бай.

— А ты спрашиваешь, с кого я пишу характеры! — сказал Вальдемар, хотя Ян и не спрашивал. — Далеко ходить не надо, тут полный комплект.

Утро развивалось так хорошо и спокойно. Мелькнула мысль, не поменять ли планы, не сдвинуть ли отъезд до позднего вечера, но Ян сказал решительное «нет» оппортунистским идеям и нашёл

в себе силы собраться в путь. Как говорится, «Волка ноги К^о». Сумка, ботинки, шарф, куртка...

— К ужину ждать? — крикнул Ойген, не отлипая от компьютера.

— Быстро лето пролетело! Я уже с вещами.

Вальдемар тоже выдвигался по своим делам — обулся первым, а теперь прыгал на месте, чтобы рука пролезла в запутавшийся рукав куртки. Шаркая шлёпанцами, Ойген вышел провожать.

— Если вдруг не пустят в самолёт, или ещё что — подгребай!

Обратный билет у Яна был на воскресенье, ведь понедельник — восьмое, и в этот день он планировал преодолеть злокозненные барьеры, выстроенные ингиными предками, и устроить праздник. Но теперь вылет оказался под вопросом. Если Виталий не подтвердит, что можно возвращаться, останется только предаваться кафару на Остендштрассе. На другие варианты проживания денег уже точно не хватит...

— Спасибо, старик! Если вдруг — позвоню заранее. Как пойдёт.

На улице было по-весеннему ветрено и влажно.

— Кафана! — Вальдемар торжествующе показал пальцем на увитое искусственным плющом крылечко кафе в торце жилого дома. — Хорошее место, кстати: из серии «Забудь, что ты в Германии!» — меню на сербском, вино в мензурках, сливовица привозная. Все серьёзные и с усами.

— Что ж мы туда ни разу не ходили?

— Приезжай чаще, всё поправим!

— Подожди, надоем ещё!

У входа в У-Бан попрощались.

— А тебя вчера здорово приплющило, — заметил Вальдемар напоследок. — Я думал, с текилы — лучшие глюки, а выходит, и вискарь не уступает! Когда ты стал про стеклянных людей рассказывать, Грета едва конспектировать не начала!

Посмеялись. Разбежались. Только было совсем не смешно. Что же я вчера им наболтал, попытался вспомнить Ян. Что я вообще вчера делал? Нельзя же так расслабляться. Даже для профилактики кафара, ха-ха.

Ян дождался поезда в сторону Зюдбанхофа, зашёл в вагон. Сел, расставив коленки, сверху плюхнул бесформенную дорожную сумку. Сколько он ни откладывал этот момент, но пора было поразмыслить о том, как выпутаться из создавшегося положения.

Жизнь Яна в последние год-полтора приобрела устойчивые очертания. Он не «работал», если говорить о регулярном присутствии в каком-то месте и исполнении заранее известных функций. Второй родной язык, доставшийся ему от бабушки, диплом о высшем техническом, плюс хорошая обучаемость, плюс прочный сплав интеллигентности и дворовой закалки — с таким набором стартовых навыков он легко пустился в свободное плавание со стапелей института. Слово тут, слово там, и цепочка знакомых привела его в туристическое агентство «Эйртранс», где холерический импульсивный директор — «просто Виталий, и на «ты», в нашем цейтноте отчества и «тёканье» — излишняя роскошь!» — предложил ему свозить важных клиентов на выставку в Дюссельдорф.

Стояло душное лето, мухи промахивались мимо окон, девочки-менеджеры, обложенные глянцевыми каталогами, полными пальм и прибороев, млели от жары и украдкой промокали лбы платочками. Вентилятор гонял по офису пласты концентрированного тепла.

— А тебе не проще будет найти человека на месте? — спросил Ян, прекрасно понимая, что рискует: ему хотелось сбежать из плавящейся Москвы хоть куда-нибудь, тем более, если это позволит ещё и подзаработать. — В Германии пять миллионов русских — ну, в смысле, русскоязычных. Зачем тратить на лишнюю визу с билетом?

Виталий выслушал эти альтруистические рассуждения, чуть приподняв брови.

— Мне понравился твой вопрос, — сказал он, — а тебе должен понравиться мой ответ. «Кадры решают всё», слышал такую максиму?

Ян не был уверен, что изречение подходило под определение максимы, но кивнул.

— Когда эти туристы вернутся в Москву, то придут ко мне и либо скажут «спасибо» за оказанный сервис, либо выключат мой размягчённый жарой мозг. Я стараюсь управлять процессами, которые запускаю, а учить жизни какого-нибудь расслабленного эмигранта, тем более по телефону, мне совсем не улыбается. Ехать же туда, чтоб его вдохновить на производительный труд — да лучше я тебя отправлю, правда?

Ян не возражал. Накануне первой поездки Виталий лично натаскивал его, обучая простейшим — но ведь фиг сам догадаться! — приёмам манипулирования клиентом и обеспечением тому качественного и дружелюбного сервиса.

— Вы — как нитка с иголкой, — говорил он. — Иголка, разумеется, это ты. Старайся не отпускать его от себя. Не прячься от него, не бросай на произвол судьбы в чужой стране. Клиент аморфен, о собственных нуждах и желаниях он догадывается только в общих чертах. Иногда он заранее видит ясную картинку того, что ему требуется, но практика показывает, что это не совсем так. Сколько бы у него не было пунктов обязательной программы, всё равно остаётся здоровенный кусок свободного времени, об использовании которого клиент не задумывался. И здесь от тебя должна исходить мягкая ненавязчивая инициатива. Конечно, он может ответить, что предпочтёт поваляться в номере под кондиционером или зависнуть в торговом центре, но чаще почти любое неожиданное предложение интригует. Сделай крюк и покажи ему красивый вид с перевала, затащи его на какое-нибудь «этно»-мероприятие, дай растрясси жиры на дискотеке, своди в бассейн. От чего-то он откажется, с чем-то согласится, но по итогу он будет благодарен тебе за инициативу, и, возможно, какое-то ваше совместное похождение останется самым ярким воспоминанием обо всей поездке.

В Дюссельдорфе, куда они прилетели вместе с клиентами — двумя мрачными типами из известной сталелитейной

корпорации, их встретил водитель-сопровождающий со сказочным именем Римус, оказавшийся впоследствии сказочным разгильдеем.

Первый блин испёкся с комками, но провала не случилось. Римус терялся — Ян его находил. Туристы путались во времени — Ян помогал нагнать упущенное. Переговоры на металлургическом комбинате прошли без задоринки — ценой бессонной ночи накануне со словарём и кратким справочником инженера-литейщика. Ежедневно Ян исправлял огрехи нерадивого Римуса, поражаясь, какой разрушительный эффект может оказать присутствие в рабочей схеме всего одного лентяя. Потом он научился играть на упреждение, и к концу поездки управление процессом оказалось в руках Яна. Всё это напоминало объездку дикой лошади — по крайней мере, как Ян себе это представлял по фильмам про ковбоев. Причём объезжать пришлось и Римуса и туристов.

Вернувшись в Москву, Ян попросил Виталия в другой раз не давать ему в нагрузку водителя — если что, права есть, можно обойтись без шофёра. Директор был только рад, разом сократив целую статью расходов. Ян не попросил за это дополнительных денег, что укрепило его рейтинг ещё на пару пунктов.

Ближе к осени вдруг позвонил один из сталелитейных туристов. Был дружелюбен, попросил об одолжении: при случае захватить в антикварный магазин рядом с тем отелем, где они жили летом, и купить макет дирижабля, если тот ещё чудесным образом остался среди выставленных в витрине экспонатов. У шефа намечался юбилей, он угорал по цеппелинам, а в России такую красивую штуку вряд ли найдёшь. Ян согласился, предупредив, что не так уж часто бывает в тех краях. Но звёзды встали в счастливую конфигурацию: не прошло и недели, как Виталий известил его о новом выезде в Дюссель.

Купить дирижабль труда не составило — убедившись, что тот не продан, Ян просто позвонил заказчику, а на следующее утро ему на карточку упала крупная сумма, существенно

превышающая цену товара. Ян уточнил, нет ли ошибки, на что ему ответили: ещё же до Москвы довести! — это на возможные расходы, сдачи не надо.

Дирижабль был нереально красив, хотя и вряд ли взлетел бы в такой комплектации. Гондола из тиснёной кожи, деревянная оснастка, позолоченные украшения по корпусу, парусиновая сигара баллона, натянутая на проволоочный каркас. Почти метр в длину — и пятнадцать килограммов весом с учётом мраморной подставки. Цена перевалила за четыре тысячи долларов. Ян задумался, а не будет ли проблем на таможне, и как он вообще повезёт такую громоздкую и хрупкую штуку. Очень вовремя задумался — когда вот она, растопырилась на весь стол гостиничного номера!

Упаковка из антикварного не выдерживала критики. Странно, что по дороге до отеля не развалилась — однослойный картон весь перекосялся и надорвался по углам под весом «лед-зеппелина». В последний день Ян нашёл на задворках «Сатурна»¹ огромную коробку из-под телевизора. Преодолев сопротивление возмущённого портё, затащил её в номер и адаптировал под груз. Опустив дирижабль на дно коробки, подрезал её по высоте, закрепил подставку как мог с помощью пары стоптанных кроссовок и излишков картона, неплотно обложил хрупкую сигару ношеной одеждой, убедился, что ничего никуда не сползает, заклеил верх скотчем, им же укрепил углы, сделал удобную ручку. Пририсовал предусмотрительно купленным маркером стрелки ориентации и разбитую рюмку, по длинным бортам написал «Fragile!» — теперь он, по крайней мере, сделал всё, что мог. Думать о последствиях повреждения дирижабля совсем не хотелось — лично для Яна это было бы равносильно крушению «Гинденбурга».

В аэропорту пришлось применить все запасы красноречия, убеждая толстого недружелюбного хмыря на стойке регистрации, что, несмотря на размер, коробку никак нельзя сдавать в багаж. Кажется, пришлось цитировать Шиллера, группу «Чингисхан» и ссылаться на Варшавскую конвенцию.

¹ Сеть супермаркетов бытовой техники

А вот в Шереметьево всё прошло на удивление гладко. Ян нервничал, даже заболела голова: пытался заранее выстроить разговор с таможенником. Взяток Яну давать ещё не приходилось, и он предпочёл бы отодвинуть первый прецедент в неопределённо далёкое будущее. В аэропорту шло очередное усиление борьбы с челноками, хищники в зелёной форме заранее выглядывали в толпе потенциальных жертв, но всех без разбора гнали с чемоданами на «просветку».

У входа в «зелёный коридор» собралась толпа. Ян в медленном ползущем потоке по шажочку придвигался к зеву рентгеновского аппарата, который, сомневаться не стоило, покажет и золочёные завитушки на корме гондолы, и серебряные нити такелажа... Когда очередь Яна приблизилась, он едва сдерживался — голову словно залили свинцом. Уже стало всё равно, чем кончится дело, лишь бы выйти из этой толчеи, вдохнуть свежего уличного воздуха. Ну, кому он тут нужен? Подумаешь, дирижабль...

Шедшая перед Яном пергидролевая тётка затеяла бесперспективный спор с молоденьким лейтенантом. На противоположной стойке капитан погрузился в чтение целого пучка чеков, предъявленного хозяином безразмерного клетчатого баула. Толпа встала.

А почему я, собственно, должен ждать? — мысль была абсурдная, но простая. Ян закинул сумку на плечо, поднял коробку, свободной рукой стиснул в кармане ключи с брелком, и пошёл вперёд. Вряд ли я кому-то нужен. Миллион человек, одним больше — одним меньше... Как в каком-то фантастическом фильме — или в финальной сцене «Ревизора»: все вокруг замерли, и только Ян как ни в чём не бывало прошёл между Сциллой-капитаном и Харибдой-лейтенантом.

Просочившись в зал прилёта сквозь строй приставучих как репей таксистов, он осознал, что приключение позади — и остаётся только сдать трофей. Из кордона встречающих протолкался шустрый плюгавый водитель заказчика. Неприятно лебезя, попытался помочь в переноске вещей, но Ян не хотел никому

доверять дирижабль раньше времени, доволоч до стоянки сам. В багажнике машины он вскрыл коробку и под удивлёнными взглядами шофёра извлёк прокладочный материал — кроссовки, футболки, джинсы, носки, снова забив свою дорожную сумку. Его подбросили до метро. Заказчик утром сбросил короткую благодарственную эсэмэску. Mission accomplished.

Постепенно заработало сарафанное радио. Круг лиц, заинтересованных в услугах «парня, который найдёт и привезёт», постепенно расширялся. Теперь, собираясь в командировку, Ян составлял коротенькие списки — откуда, кому, что. Почтовые марки. Ноты с автографом никому не известного пианиста. Мейсеновский чайный сервиз. Офицерская каска кайзеровской армии со шпилем как от новогодней ёлки. Шестьдесят бритвенных лезвий «Матадор», каждое в своей обёртке — и ни одной повторяющейся.

Сколько же всего есть на свете! Чем только люди не увлекаются! Яну нравилось рассматривать попадающие ему в руки диковины, но начать что-то собирать самому — даже не приходило в голову. Вещи проходили через его руки мимолётно — от точки икс в Германии до «шереметьевского» зала прилёта или московского адреса.

Заказчики встречались разовые и постоянные, на первые роли как-то незаметно выдвинулся некий Арсен Давидович, немолодой коллекционер, сосредоточившийся на первом десятилетии уходящего века. Он жил в Доме на Набережной, окнами на Москву-реку. Из московских адресов заказчиков этот стал для Яна самым привычным.

Иногда к нему обращались с предложениями криминального свойства, но быстро понимали, что с таким — не сюда.

Когда побочные занятия стали мешать основному, Ян приехал к Виталию и изложил ситуацию. Предложил взять на себя часть расходов на перелёт, проживание, прокат машины, бензин. Виталий не возражал — туристы ценили Яна, и некоторые уже начали заранее запрашивать именно его сопровождение.

Отныне билеты покупались по согласованию с Яном на более долгий срок: с запасом в два-три дня, чтобы он успевал провести сбор заказов.

Спроси кто-нибудь Яна, есть ли во всей этой деятельности какая-то перспектива, возможность развития, расширения, постановки процесса на более серьёзную основу, он бы, наверное, просто пожал плечами. Дела шли в гору, с каждым месяцем заказов прирастало, но времени пока хватало, да и сил было хоть отбавляй — если бы только не головные боли, которые сопровождали каждое возвращение.

Ни разу за полтора года его багаж не был проверен таможей. Ни разу он не испортил вещь, попавшую ему в руки для перевозки. Ни разу, приняв предоплату, не срывал поставку. Хотелось надеяться, что так будет и дальше.

На эту поездку заказов было совсем немного, не то что перед Новым годом, когда пришлось даже платить за сверхнормативный багаж. Но конверт с наличными деньгами глупо остался в реквизированной милицией папке. Удастся ли Виталию спасти его — самый животрепещущий вопрос, но звонить директору турагентства Ян пока не решался.

На сбор всяких мелочей Яну хватало собственных средств, какой-никакой остаток на карточке имелся. А вот на основной, самый важный заказ — некий медальон для Арсена Давидовича, — денег не было категорически!

Память ленилась и не спешила делиться информацией о вчерашнем дне. Нужно было от чего-то оттолкнуться. Точкой опоры стали пельмени. Анонсированная Ойгеном в воскресенье лепка состоялась в понедельник в строгом соответствии с планом.

И случилась она часа в четыре. Что же было до?

Вальдемар с утра умотал на прогон, Ойген вообще ни свет, ни заря уехал на «паучий промысел» — прокладывать переехавшему заказчику сети в новом офисе. Боялся застрять надолго и пропустить приезд Греты. А Ян отсыпался...

Ему показалось, что он и теперь задремал — буквально на секунду, и сразу же вскинулся, но за кратчайший отрезок времени успел увидеть за окном поезда на фоне тёмной стены тоннеля... Что это было? Ряды светлых пятен, уходящие вдаль. Как будто картинку не навели на резкость. Ян зажмурился, размял пальцами виски. Так совсем можно с катушек съехать! Осмотрелся. Скучные лица пассажиров, каждый замкнулся в себе. Кто с газетой, кто с плеером, кто так.

Бесконечные кабели за окном змеятся вслед поезду. Окно... Окно — стекло — пыль. Вот оно! Пыльное стекло витрины, а за ним — серебристые фигурки на стеклянных полках. Что это? Где я это видел? Я ли это видел? Сон, снова сон глазами чужака — забытый вчера, всплыл сегодня, сейчас!

В отличие от видения о прогулке и телефонном звонке, чём-то и ярком, это новое воспоминание едва удавалось ухватить за самый кончик, оно выскальзывало, терялось, растворялось в действительности плывущего по тоннелю У-Бана поезда. Ян смог восстановить только этот отрывок: несколько шагов и короткий взгляд — на фигурки за стеклом. Всё.

Вот отчего он вчера проснулся. Проснулся — и не вспомнил. Выбрался в зябкое пространство чересчур проветренной комнаты, торопливо оделся, чтобы не растерять остатки тепла, сориентировался, что дома никого. Умылся, дождался, пока нагреется вода, влез под душ.

Первым вернулся Вальдемар, Ойген сразу за ним — но это было уже ближе к четырём, а поднялся Ян без чего-то два. Осталось реконструировать относительно небольшой двухчасовой отрезок времени. Завтракал? Да. Что ел? Там было нечего есть. Нашёл просроченный йогурт, пакетик чая, а в хлебнице — сахар. Домашнего приготовления, делается из куска обычного хлеба по рецепту: забыть на столе.

Я, наверное, должен был вчера кому-то звонить, сообразил Ян. И едва не хлопнул себя по лбу — вот идиот: в памяти есть все набранные номера. Вытащил телефон, открыл меню.

Пять звонков. Два франкфуртских номера. Да, помню, понимаю, куда. Остальное — разочарование. Сохранились только цифры скидочной карты для международных звонков: набираешь местный номер, вводишь пароль, потом конечный номер телефона, тебя соединяют, а платишь раз в пять меньше, чем если бы звонил напрямую. То есть, звонил я наверняка в Москву, но кому? Арсену Давидовичу? Да? Нет? Виталию? Инге? Кому-то из заказчиков? Что же со мной творится?

Ян подхватил сумку, вышел на платформу «Франкенштейнер Плац». Это всё сны, подумал он. Вокруг них всё будто рябит, расплывается. Надо было Грете подробнее рассказать... Или уже рассказал?! Чёрт! — Ян вспомнил, что сказал Вальдемар про Стекляша.

Но о прозрачном человеке Ян рассказал явно позже, вчера вечером, когда уже приехала Грета, а сначала была лепка пельменей.

Ойген, то и дело сверяясь с выписанным в тетрадку рецептом — мама продиктовала! — замесил тесто. Вальдемар вымыл мясо, Ян приладил к табуретке мясорубку. Вытянули на спичках, кому резать лук. Втроём на маленькой кухне, сталкиваясь, стучаясь локтями, радостно переругиваясь, преодолевая одну фазу производства за другой, неуклонно продвигались к сборке. Выяснилось, что в доме нет скалки. Да и откуда бы ей тут взяться, если подумать. Стали искать бутылку. Нашли квадратную из-под текилы, поржали. С водочной долго не отмывалась этикетка. А кто-нибудь посолил фарш? Я посолил! Я тоже! Попробуйте кто-нибудь! Сыроеды в строю есть? Там сырой лук, фу! Сам ты «фу», французы тартар едят и не морщатся! Мы не французы, раскатывай давай! Что значит «липнет к бутылке»? Мукой посыпай, чтоб не липло. Да ты нафиг столько насыпал?! Пылесос тащите, а то сейчас по квартире разнесём! Входит Грета, а весь пол в белом порошке... Ага, и пельмени по углам прячутся. Осторожно, занавеска! Эй, а как из вашего пылесоса занавеску вынуть? Оставь так висеть, само отвалится. Так, а чем будем

вырезать кусочки из теста? Женя, дай ему лобзик! Женя, дай ему в глаз! Вы мне лучше скажите, почему у вас пылесос в фарше? Да куда понёс... всё, швабру неси. У меня тоже руки в муке. Блин, мясорубку с плиты уберите, а? Жень, а у нас есть кастрюля? Вова говорит, там борщ. Греем — едим — моем — ставим. Блин, мясорубку с плиты уберите, кто огонь зажёт? Сметана? Думаю, нет! Посмотри в холодильнике. О, а тут виски! Э, стоять, это к пельменям. Ай, выньте швабру из спины! Пробничек? Вова, как считаешь? Уйя-а, кто поставил пылесос в коридоре? стакан не трогай, это чтоб кружки вырезать! Интересно, а количество фарша и площадь теста как-то интерферируют? Тьфу ты, технари, уши бы мои вас не слышали! Руку вытри. Держи! Ну, давайте!.. Да вы что здесь, вискарём полы моете? Так, мне за Гретой пора! Нормально, а лепить кто будет? Унесите, пожалуйста, кто-нибудь, швабру, мы же покалечимся! Осторожно, там пылесос! Блин-ин!..

Улыбаясь во весь рот, Ян бойко взбежал по ступеням подземного перехода и вышел на улицу. Пельмени удались, конечно.

Франкфурт не мог похвастаться серьёзным историческим центром. Но по эту сторону реки всё-таки имелось несколько кварталов старинной застройки. Ян быстро дошёл до угла Кляйне и Гроссе Риттергассе, откуда свернул в переулки.

В небольшом антикварном магазине неразговорчивый хозяин узнал Яна, достал из-под прилавка перевязанный бечёвкой пакет.

— Смотреть будете?

Ян кивнул.

Плоская коробка в бархате, в каких бывают наборы ложек-вилочек, запиралась красивой защёлкой в форме скрещенных мечей. Внутри маршировали солдаты. Развевалось на ветру знамя, барабанщик вскинул палочки, готовясь отбивать ритм, горнист трубил атаку, фузилёр выцеливал невидимую мишень.

Продавец протянул Яну раскладную лупу. Пришлось нагнуться над прилавком, тщательно осмотреть элементы мундиров

и оружия, не ободрана ли где краска, нет ли дефектов. Освоение премудростей в гостях у московского заказчика, помнится, затянулось почти на целый день.

Короткий звонок, подтверждение: всё проверил, состояние отличное. Снятые заранее с карточки дойчмарки скрылись в ящике кассы, солдатики вернулись в пакет. Дело сделано, движемся дальше.

Встречу на блошином рынке Ян перенёс на воскресенье — старик, обещавший достать родные запчасти к аккордеону довоенного производства, приболел — лишь бы поправился до выходных.

Ещё две посылки должны были прийти на адрес отеля в Майнце, куда Яну предстояло добраться сегодня к вечеру. Но сначала он намеревался нанести визит родственникам — захватить к дяде Мише Вахину, двоюродному брату отца. Просто познакомиться, а может быть, и попросить о помощи.

Доехав до центрального вокзала и слегка заплутав в подземных переходах, он оплатил с карточки билет до Кирхберга, крошечного городка неподалёку от аэропорта Хан, что в полутора часах езды от Франкфурта.

Двухэтажной электричке Ян очень обрадовался — забрался наверх, забился в уютный тихий угол, рядом на сиденье бросил сумку. За окном моросил редкий дождик, расчерчивая изогнутое между стенкой и крышей стекло аккуратными пунктирами. Франкфуртские небоскрёбы поплыли назад, поезд медленно взобрался на мост над серой рекой, а потом словно с горки, с горки — разогнался и помчал через предместья, унося Яна на запад.

Дядю Мишу Ян увидел, едва вошёл во двор. Тот сидел на лавочке перед подъездом невзрачной трёхэтажной бетонной коробки, переминал в пальцах похожую на «беломорину» папиросу, рядом с ним стояла открытая банка пива с незнакомым рисунком. Дядя Миша был в тёплой куртке, перемазанной у карманов машинным маслом.

На газонах лежал тонкий слой снега. Мощёная фигурными плитками дорожка к подъезду была сухой. По веткам живой ограды прыгали суетливые воробьи, объедая сморщенные ягоды.

По тротуару туда-сюда носились трое смуглых мальчишек лет шести-семи. Один стучал перед собой баскетбольным мячом, который двое других с визгом и криками пытались отобрать. Дриблинг с обводкой закончился закономерно — мяч стукнулся о бампер видавшего виды «опель-кадетта» и отскочил в клумбу.

— Узакта арабадан!¹ — крикнул дядя Миша, встал, сурово пригрозил пальцем. — Вот отца вашего сейчас позову, если озорвать будете!

Прищурившись, посмотрел на Яна, поначалу не узнал, но потом как-то по-бабьи взмахнул руками:

— Яшка! Племяш!

Крепко обнялись, Ян поцеловал дядькину колючую щёку.

— Ишь, птица перелётная! Как занесло в нашу дырень-то? Хорошо, дома мы! Ох, оголтелый ты, Яшка! Ну, удивил!

Дядька обнял племянника за плечо, отнял сумку, повёл к подъезду.

— Клав! Клава! — закричал он. — Грибы доставай! Селёдку доставай!

В окошке первого этажа отдёргнулась занавеска, тётя Клава, уже совсем седенькая, прислонилась к стеклу, сощурилась, и, тоже всплеснув руками, исчезла в глубине кухни. «А я ещё думал: ехать — не ехать», — устыдился Ян.

В подъезде под лестницей выстроились разномастные велосипеды. Кто-то порезал старый вытертый до основы ковёр и застелил пол и ступени до площадки первого этажа. Под секцией почтовых ящиков стояла коробка под макулатуру. Щёлкнул замок, скрипнули петли, тётя Клава осторожно перешагнула порог, вышла встретить племянника.

— Совсем большой стал! Здравствуй, Янушка!

¹ Отойдите от машины! (тур.)

— Здравствуй, тетя Клав!

Ведь не виделись больше семи лет, подумал Ян, — с тех пор как собирались в Саратове у Гроссфатера, дедова старшего брата, на девяностолетие.

Вспомнились золотые деньки тёплого сухого сентября, шумная суэта, уют застолий, родные и полужнакомые лица. По удивительному стечению обстоятельств на «большой сбор» приехали все-все-все, никто не заболел, никто не застрял дома из-за работы, даже ташкентская ветвь прибыла в полном составе, несмотря на то, что мелюзге уже полагалось бы присутствовать в школе, а не продлевать каникулы.

Дня три, а то и четыре слились в один праздник. Кто-то съездил за грибами, кому-то повезло покататься на моторке по бескрайнему Саратовскому морю. Но когда темнело, все снова собирались вместе, то заводили патефон, то хором пели «Вечер на рейде» и «Der Rote Wedding», «Под крылом самолёта» и «Du, du liegst mir im Herzen»...¹ Гроссфатер степенно поправлял пышные усы, за столом сидел прямо и торжественно, время от времени подмигивая то одному, то другому правнуку. Награды, прицепленные на пиджак вместо обычных орденских планок в честь праздника, отбрасывали блики на крахмальную скатерть: «Красной звезды» и «Красного знамени», серебристый «Суворов» и целая гирлянда медалей, из которых Ян сразу узнавал только «За взятие Берлина».

В последний вечер, выпавший собственно на круглую дату, он встал и долго оглядывал всех собравшихся за двумя составленными столами. Разбросанные по стране — а теперь уже по разделённым новыми границами странам — потомки, их жёны, дети, внуки, все смотрели на строгого старика, держащего за тонкую ножку рюмку с красным вином.

— Дорогие мои, — сказал Гроссфатер. — Не каждому выпадает такое счастье — видеть, как обильно разрослась его семья,

¹ «Der Rote Wedding» — марш «Рот Фронта», «Du, du liegst mir im Herzen» — немецкая народная песня

как новые Вахины и Ваны, — шутливый кивок в сторону Яна с отцом, — шагнули в этот мир, выросли и стали приличными людьми. С каждым годом центрифуга жизни разбрасывает нас всё дальше, но прошу вас, не забывайте и не теряйте друг друга! Blut ist dicker als Wasser. Denken sie daran, dass die Brüder und Schwestern auch in allen Ecken der Erde verwandt bleiben!¹

Ташкентские правнуки захихикали — совсем не понимали по-немецки. А взрослые за столом посерьёзтели, насупились. Потому что дядя Миша с тётей Клавой к тому времени уже получили визы, и до их отъезда оставались считанные недели. Гроссфатер сам уговорил сына перебираться в Германию — и уверенно кивал при любых разговорах, что как только всё устроится, то его сразу заберут туда, на историческую.

Никуда Гроссфатер, конечно, не поехал. Тихо зачах, не прошло и трёх месяцев. А дядя Миша даже не смог приехать на похороны — виза, чёртова виза не предполагала выезда в первые полгода: уж переселился, так переселился, будь добр соблюдать законы новой родины. После поминок Ян забился на кухню в чужой опустевшей квартире, чтобы не слышать, как отец яростно и отчаянно что-то доказывает по телефону дяде Мише. С тех пор и не виделись, и даже не разговаривали — так, по открытке на Новый год да на день рождения.

Поэтому и Ян, хоть и зачастил во Франкфурт, сюда до сих пор не показывался — с духом собирался, что ли. Планировал, конечно, навестить — и именно в этот приезд, тут важно было самому себе об этом напомнить. Уже сев в поезд до Кирхберга, Ян некоторое время раздумывал, не получится ли перехватить у дяди Миши хоть немного денег, чтобы выкупить уже этот треклятый медальон — не такой уж заоблачной суммы не хватало. А теперь его начала подглаживать совесть: совсем не тянуло всё, что наблюдалось вокруг, на устроенную «заграничную» жизнь, к которой родственники рванули семь лет назад из сосущего лапу Саратова.

¹ Кровь гуще воды. Помните, что братья и сёстры остаются родными даже на разных краях Земли (нем.)

— Ну, рассказывай! — разместились на кухне, Яну досталось удобное место в углу, дядя Миша сел напротив, спиной к двери, а тётя Клава засуетилась у плиты. — Как ты после института, кем устроился? Отец-то твой толком не пишет ничего...

Из холодильника появились холодные жестянки пива. Ян пшикнул крышкой, пригубил, тётя Клава тут же подсунула керамическую кружку с гербом Райнланда¹.

— Я... не то чтобы где-то в одном месте. Работы достаточно, путешествую много, интересно, в общем.

— Как так «не в одном месте»? — не понял дядя Миша. — Как организация-то называется? Должность какая?

— Ну, в Штатах это называется «фриланс». Значит, свободный найм.

— Это кто ж от кого свободный? Страховку на тебя завели? В пенсионный фонд отчисляют всё как надо? Что за фирма-то хоть? Чем занимается?

Дядя Миша не унимался. Этого Ян и боялся, но — куда деваться! — пришлось вдаваться в подробности:

— Дядь Миш, это значит, что постоянной работы у меня нет.

У плиты огорчённо ахнула тётя Клава.

— Я выполняю поручения нескольких компаний по разовым контрактам... — Может, так для них будет понятнее? — Большей частью всякие туристические дела: езжу гидом, сопровождающим, переводчиком. Вызывают меня часто, подолгу дома не сижу. И ещё всякая другая работа попадается — по Германии ищем всякие редкости, старые предметы. Есть такие клубы любителей военной реконструкции, собирают старинную военную форму, каски, оружие. По Первой мировой, по Веймарской республике что-то найти — довольно непросто. Ко мне обращаются — я помогаю.

— Значит, в Германии бываешь, — протянула тётя Клава, поставив перед ним и перед дядей Мишей по тарелке с пюре и котлетами. — Ешь, Янушка! Что ж не заглядывал-то никогда?

¹ Райнланд-Пфальц — земля на юго-западе Германии, главный город — Майнц

— Да обычно в Берлин прилетаю, — смалодушничал Ян. — Вот — приехал.

— Молодец, молодец, — дядя Миша слегка насупился, что-то обдумывая. — Ты вот мне что объясни: что это у тебя за странная работа такая? День там — день сям! Попросят — поработаешь, а не попросят — тогда что? Как-то это странно, шатко!

— Не беспокойтесь, дядь Миш, просят.

— Ты же башковитый парень, учился хорошо, и чем вдруг занимаешься? Как так вышло?

Ох-ох, можно было это предвидеть... Такой же разговор с отцом у Яна состоялся больше года назад. Позиционная война тянулась пару месяцев, но потом удалось доказать, что так люди тоже живут, и что такая жизнь может нравиться, и подтвердить свою платёжеспособность — тогда только отец успокоился, отстал, закрылся в раковину своего библиотечного фонда, где и пребывал поныне.

— Понимаете, дядь Миш, у меня тема диплома — акустическая дефектоскопия. По такой тематике работы нет — ну совсем! А если искать другую — то чем моя нынешняя хуже остальных. Я сам себе хозяин, располагаю своим временем, путешествую, много повидал всего, много, где побывал. У меня хорошая работа! Уж точно лучше, чем менеджером в какой-нибудь супер-пупер-корпорации штаны просиживать. Не хочется быть винтиком, понимаете?

— Винтиком?! — вдруг повысил голос дядя Миша. — Быть винтиком — это ещё надо заслужить! В механизме, Яшка, каждая деталь уникальна, даже если деталей таких миллион. Винт фиксирует соединение, а если где выпадет — там люфт, расцепление, поломка — а то и выход из строя всего механизма. Так-то! «Винтики» ДнепроГЭС построили, человека в космос запустили! Так что не «винтиком» надо бояться стать, а «кирпичом»!

— Каким «кирпичом», дядь Миш?

— А таким, — он отхлебнул из кружки, нацепил на вилку изворотливый гриб, вкусно его проглотил, утихомирился. — Один

кирпич из стенки можно вынуть. И два можно, и три. Никто и не заметит. И один от другого не отличит. Если человек не старается стать мастером в своём деле, то превращается в кирпич. Из кирпичей — только стены строить, на другое не пригодны. Бестолковых неумёх, Яшка, везде хватает. Тут их, знаешь, сколько? Э-э...

— Ми-иш, ну неужели Яну интересно про твою работу слушать? — встряла тётя Клава.

— Интересно! — вмешался Ян. — Вы же в аэропорту, да?

Поздравительные открытки всегда скупы на информацию. Живы-здоровы, всех обнимаем, а как у вас? — вот и все новости.

— Ну, не так тут у них всё просто, — замялся дядя Миша. — Ехали-то мы, вроде, не на пустое место. Я ж шестого разряда механик, особым списком шёл: мастерам и с жильём помогали, и трудоустраивали сразу. Это колхозников сначала в лагерь, а потом уже расселяют помаленьку, а мы сразу в эту вот квартиру, по программе...

— Ещё котлетку? — тётя Клава погладила Яна по плечу.

— Не, спасибо, тётя Клав! Честное слово, наелся!

— Аэропорта-то тогда толком и не было. Военный аэродром натовский да пара грузовых ангаров — частные компании запчасти для «бундесвера» таскали, гуманитарку, всё такое. Понятия у них странные — у нас бы такого переселенца, как я, к военному объекту на пушечный выстрел бы не подпустили: вдруг шпион? А тут как-то попроще: почти все работы выполняют штатские, вот мы и ремонтировали технику. Не самолёты, конечно, а погрузчики, кары, трапы — на аэродроме всякого добра хватает, и ломается оно — будьте-нате!

Дядя Миша прервался на внушительный глоток, утёр с губы пену.

— Только недолго музыка играла! Как в девяносто третьем «наты» ушли, начался кавардак. Ведь целый городок жил этой базой: парикмахеры, продавцы, уборщицы, все тут работали. Конечно, как военные уехали, быстренько гражданский аэропорт

обустроили, но это ж дело такое, нескорое: аэропорт есть, а рейсов в нём — с гулькин нос. Первое время вообще в неделю раз из Африки таратайка пропеллерная прилетала, со свежей рыбой для ресторанов. А одним рейсом в неделю город не прокормишь. Кто мог — поразъехались, остальные на пособие сели.

«Ну куда, ну с чем я к ним обращаюсь!» Яну стало совсем стыдно. По сравнению с осевшими в Германии Вахиными он был вольным ветром, человеком мира, и проблемы у него были такие же — нереальные. Свои проблемы решай сам.

— И как сейчас? — осторожно спросил он.

— На пособии! — хитро улыбнулся дядя Миша. — Формально — безработные мы.

— Но? — догадался Ян.

— Но механики шестого разряда на дороге не валяются, племян!

Дядя выудил из холодильника ещё по банке, отставил пустую тарелку в мойку, похлопал себя по гулкому животу.

— Здесь же народ вокруг почти весь наш, беженцы да переселенцы. Двое братьев из Одессы ввязались в бизнес: почту развозить. Это в Союзе письмо за копейки отправить можно было, а в Европе всё совсем по-другому! Скорость, конечно, уникальная, по почтальонам часы сверять можно. Так кроме государственной ещё и частных компаний полно, курьерских. Одесситы купили один фургон, ещё несколько в лизинг взяли. Да и подрядились от борта самолёта доставлять почту по всему Райнланду. Конкурентов полно, конечно — и во Франкфурте, и в Люксембурге, но наши экономят как могут, цены пониже держат, вот и растут понемногу. А как договорились ещё и с другими такими же перевозчиками, маленькими да удаленькими, так вообще дело пошло. Каждый день уходит машина на север, к казахам, «Рapid» называются. На юг — к «Аллес Гуту», эти — румыны, что ли. Большие курьерские службы только зубами щёлкают, а сделать ничего не могут. Такие вот у нас дела!

Дядя Миша воодушевился, сразу было видно, что ему приятно рассказывать об успехах бойких одесситов.

— Так, а вы там кем у них?

— Я-то? У меня, племяш, двенадцать машин под присмотром и трое хлопцев под началом. Работать надо на упреждение, каждая поломка в пути — это задержка в доставке почты, допустить никак нельзя!

— Сотрудники — тоже безработные?

— А как же! Такие же наши ребята: Гиви, Азамат да Петруха. Отличные хлопцы, особенно когда глаз с них не спускаешь. А с немцем бы я как управлялся? Его ж ни матюгнуть, ни похвалить! Как обед или конец дня — всё, цигель-цигель, кончай работу. Да у нас в окрестностях немцам вообще тяжело приходится. Без языка никто не принимает, а они русский учить что-то не особо рвутся. Наши командиры решили, правда, одного взять на пробу, в контору — на отчётность, немцы ж — народ дотошный. Не знаю уж, как справится, бедолага! Ну как, ещё по пивку — или чаю сразу?

Ян спохватился — привёз ведь гостинцы, а так быстро за стол усадили, что забыл достать. Сходил в коридор, вернулся с коробкой конфет для тёти Клавы и — куда без неё? — литровой бутылью. Дядя Миша порывался сразу усугубить, но совместными усилиями жены и племянника драгоценный сосуд был убран в шкаф «к ближайшему празднику».

Потом пили чай, ели домашнее варенье, вспоминали родню, и всё было легко и естественно, как будто не виделись они от силы месяц, а не целых семь лет. Blut ist dicker als Wasser. Ян весь вечер нет-нет, да и вспоминал Гроссфатера. Вот он, тот самый Глюкман¹, отсутствующий персонаж: его давно уже не стало на сцене, а по нам по-прежнему видно, что он всё-таки где-то есть.

Неярко освещённый вагон электрички, еле ползущей в сторону Майнца, казалось, был специально предназначен для одиноких людей. Те немногие, кто припозднился до полуночи с работы, из гостей или неведомо откуда, сидели порознь, каждый

¹Gluck — счастье (нем.)

у своего окна, не обращая друг на друга внимания. Дождь не переставал, и свет уличных фонарей рассыпался по стеклу бисером.

У Яна в кармане ожил телефон. Немецкий номер был известен очень немногим.

— Здравствуй, Ян!

Размеренная речь, суховатый голос, красивый тембр: низкий, чуть надтреснутый — сразу представляешь себе образованного и решительного человека, обладающего властью, расслабленно откинувшегося в кресле и ведущего светскую беседу. Или же визиты в Дом на Набережной скорректировали фантазию, максимально приближая её к реальности.

— Добрый вечер, Арсен Давидович!

— Я подумал над твоей проблемой, Ян.

Так, значит, я ему, как минимум, звонил.

— Слушаю внимательно, Арсен Давидович!

— Да, мой дорогой, ты уж постарайся слушать внимательно. Про твой вчерашний лепет давай забудем, чтоб никому не было стыдно. Медальон нужен мне в Москве в срок. Иначе ты *очень* меня подведёшь. Но есть для тебя и хорошие новости.

Ян затаил дыхание.

— Один уважаемый мной человек собирает миниатюрные статуэтки. Они сделаны из лёгкого сплава, металл не драгоценный. Фигурки птиц, рыб, животных. Довольно редкая техника исполнения, вполне возможно, что все работы выполнены одним мастером или узким кругом учеников его школы. Запомнишь?

— Да, Арсен Давидович!

— Коллекция ограниченная, поэтому интересующиеся этой серией обычно не контактируют друг с другом, пытаются найти разрозненных владельцев самостоятельно и выкупить их экземпляры по естественной разумной цене. Но недавно появился немецкий коллекционер, открыто обозначивший своё желание приобрести новые работы. Человек, который ко мне обратился,

редко выезжает из Москвы, а техническим средствам связи не очень доверяет. Он хотел бы, чтобы кто-то лично посетил этого коллекционера и передал на словах предложение. Ручка есть под рукой?

Ян скособочился, прижал телефон к уху плечом — вот бы когда-нибудь изобрели беспроводной наушник! — достал из сумки блокнот и карандаш, приготовился записывать.

— Сделать это надо в ближайшие день-два, дорогой, иначе наш заказчик найдёт кого-то ещё, понимаешь? А благодарность его может быть достаточной, чтобы вопрос с медальоном перестал тебя тяготить. Но запомни: завтра или послезавтра, не позже! Пиши координаты.

«У меня в ближайшие дни другая работа!» — хотел сказать Ян, но благоразумно промолчал — придётся как-то выкручиваться.

Продиктовав адрес, дав дополнительные инструкции и пожелав успешной встречи, Арсен Давидович отключился.

Статуэтки... Металлические фигурки. Выстроенные рядами за пыльным стеклом... Яна начала бить дрожь, такая, что зуб на зуб не попадал. Он тупо смотрел на строчки адреса. Интересное место для коллекционера: здание при бензоколонке! На автобане, в десяти минутах езды от Цвайбрюккена... Волшебные фигуры...

Внезапно он переставил сумку себе на колени, расстегнул все её карманы и начал торопливо в них рыться. Неужели не выбросил? Нет, вот она! Расправил смятый листок, исписанный по краям корявым почерком. Листовка из аэропорта, девочка с брекетами, Quo Vadis, автобусы на Гиссен... «Музей волшебных фигур Гюнтера Фальца».

Пийезжайте, не пожалеете!

ГЛАВА 5

ПРОЦЕДУРА

*Хранилище токсичных отходов недалеко
от границы Франции и Люксембурга
3 марта 1999 года*

Петер пребывал в несвойственной ему растерянности. Счёт шёл на секунды, и посоветоваться было решительно не с кем.

Есть такая достаточно простая штука — техника безопасности. Жаришь ты яичницу или бежишь стометровку, валишь лес или дырявишь лист железа на сверлильном станке — всюду есть немудрёные правила, придуманные задолго до тебя. Соблюдай их — и останутся целы пальцы, руки-ноги, голова. Забудь о них — и рано или поздно монетка упадёт не той стороной, а тогда что-то менять будет поздно.

Что, собственно, и случилось сегодня.

Очертания контейнеров начали проступать на фоне светлеющего неба. Железные гробы, хранящие за тяжёлыми засовами немало страшных тайн.

— А ты, красавчик, вообще когда-нибудь слышал про дантистов? — Везунчик понемножку приходил в себя, и первым после укола заработал его поганый язык.

...Не рот, а помойка, жаловалась Петеру пьяненькая Гертруда, разбитная любительница приключений и красивой жизни. На открытой верхней веранде ночного клуба было не так шумно, как внутри. Стоило Петеру подняться подышать, как у локтя

нарисовалась эта раскрашенная кукла. Сначала напрашивалась на шампанское, но удовлетворилась предложенным martini.

Петера её присутствие не особенно тяготило — не больше, чем шум улицы или урчание холодильника. Вечерний воздух быстро остывал, стремясь к обещанной метеопрогнозом нулевой отметке.

Петеру было велено выгулять двух гонцов от Харадиная. Одицавшие от лесной жизни бойцы пошли в отрыв, как только убедились, что всё оплачено принимающей стороной: оккупировали большой полукруглый диван в партере стрип-подиума, их тут же облепили местные феи, рекой полилась выпивка, захрустел хворост купюр. Организовав процесс и убедившись, что все всем довольны, Петер незаметно ретировался. Сквозь плотные двери на веранду пробивался только размазанный басовый «умц-умц», в прорехах рваных зимних туч проглядывали обломки созвездий. В дальнем углу балкона целовалась парочка, смешанным разгорячённым дыханием выпуская облачка пара.

Гертруда что-то там рассказывала, то и дело дёргая Петера за рукав, когда он уж слишком отвлекался. Неуклюже намекала на свою малобюджетную доступность. А потом, чувствуя, что внимание собеседника совсем ускользает, решила блеснуть коронной историей.

— А ты в покер играешь? — Строго спросила, требовательно. — Все крутые мужики играют в покер! Это типа как проверка нервов и всё такое. Был у меня один ухажёр — вот круть так круть! Даром что задохлик, а сядет за стол — только держись! Рожа кислая, будто капуста объелся. Как в карты посмотрит — того гляди задремлет. Глаза прикроет — ну, думаю, уснул! Раз проиграл, другой, спасует, фишки — как песок сквозь пальцы. Потом злиться начинает, губы кусает, пальцами по краю стола барабанит. Жилы на лбу вспухают — торопится, ошибается, деньги тают. Кто рядом сидит, наверно, радуется, караулит дурачка, как на леске водит. А мой дружок совсем в раж впадает, ставит всё больше, от фишек уже и половины не остаётся. И вдруг — как клинит его, понимаешь? Поднимает и поднимает ставку, как будто наобум,

наудачу. Другие и рады ему помочь с деньгами расстаться. Тащат его вверх, раскручивают, посреди стола — гора, а тут мой Везунчик — ва-банк! Как карты открываются, тут впору всем остальным губы покусать — что бы у них у всех на руках не сложилось, а у него поболее будет. Сгребёт он всё к себе, улыбается, будто счастью своему не верит, простак простачком — вот, мол, повезло!

— Да, повезло твоему другу, — подтвердил Петер. — Новичкам вообще часто везёт.

— Ну да, ну да! — Гертруда язвительно рассмеялась. — Я это везение семь дней подряд наблюдала. От стола к столу. Мы с ним за эту неделю и во Франции, и в Испании, и в Бельгии побывали. Запал он на меня, веришь?

Не верю, подумал Петер. На таких не западают.

— И что же, — спросил он, — все семь дней в плюсе? Каждый день кому-то облегчал кошелек?

— А ты не смейся! — Гертруда крепче ухватила его за локоть, дыхнула в лицо. Мартини, кариес, тепло. — Он не просто так выигрывал — я подсмотрела. Какому-то божку молился, статуэтку таскал с собой, не расставался с ней никогда! А как в клуб или в казино ехать собирался, так эластичным бинтом её к ноге приматывал, давай покажу куда!

— Не надо, я понял, — Петер вывернулся из её порывистого объятия. — Так что за статуэтка-то была? Красивая?

Гертруда равнодушно отвернулась, опершись на перила, разглядывая светящийся окнами пригород. Петер потрепал её по плечу. Подозвал официанта, показав на её пустой стакан.

— Ты, наверное, сильно ему понравилась. Он, небось, до сих пор за тобой ухлёстывает, а?

Лесть не слишком, но подействовала. Гертруда порылась в сумочке, выудила оттуда сигарету, сунула Петеру в руки зажигалку, подождала, пока он даст ей прикурить.

— Вот, — сказала, раскрыв ладонь, — вся память о моём Везунчике.

Фишка-соточка, радужные цифры в полосатой шестерёнке.

— Сунул напоследок: на тебе, Гертруда, на большую удачу. Соврал, конечно. Ему вообще соврать — как плюнуть. Такой. Не рот, а помойка. Знаешь, как он другой раз из себя людей выводил? Играет, всё спокойно, чинно, все вежливые, ни крика ни звука. И вроде беседуют по-светски, о том да об этом. Вот Везунчик и скажет что-то — обычное, простое. А глядишь, кто-то из игроков вдруг трепыхнётся как рыба, задёргается ни с тогони с сего. Я его спросила как-то, а что там этот разволновался-то так? А Везунчик мне ответил: «Видно, я ему случайно на мозоль какую-то наступил». Только этих «случайно» по пять штук за вечер не бывает. Вроде за стол мирно садились, а тут волками глядят, друг на друга зыркают. И каждому по словцу от Везунчика досталось, а то и по два. Понимаешь?

— Не-а, — признался Петер. — Откуда ему их знать, если вы каждый день в новый город приезжали? И что такое можно незнакомому человеку сказать, чтобы того из себя вывести? Ведь ты говоришь, без грубостей. Значит, что-то личное задето — там грубость не требуется, нахамить можно и шёпотом.

— В общем, не выдержала я с ним. — Гертруда выдувала дым тонкой струйкой, целясь в низкую звезду. — Такой злой, что рядом тяжело долго. Никого не любит, ни о ком не заботится, сам по себе. Поездила я с ним неделю, а потом домой вернулась. Хотя он щедрый был, не жмот. Вроде даже огорчился, хотя и не особенно. Злой потому что. Не такой, как ты.

— А я какой?

Петер обдумывал рассказ Гертруды. Все люди Джака Уштира давно усвоили, что любые истории про амулеты, талисманы, тотемы нельзя пропускать мимо ушей. Петер по себе знал, что иногда эти байки могут оказаться правдой, и что шеф не поскупится, если дать ему ниточку для поиска новой фигурки. Опасной, и от того более желанной. Петер почувствовал во рту горечь, как будто только что выпил противоядие, защищающее от воздействия амулета. Запил, по-свойски вынув стакан из пальцев Гертруды. Она с интересом рассматривала его лицо.

— А ты... — Гертруда щелчком отправила окурок в раскинувшуюся под балконом тьму. — Ты — незлой. Не добрый, конечно, но и от гадостей удовольствия не получаешь.

Провела пальцами по его рукаву от плеча вниз.

— Жалко, не нравлюсь тебе. Дура потому что, да?

— Слушай, — ушёл от вопроса он, — а продай мне этот жетон? На кой он тебе, ты же всё равно не игрок. А мне, может, пригодится. Что скажешь?

— Предлагаешь свою удачу за деньги продать?

Она облокотилась на перила, встряхнула крашеной чёлкой.

— За хорошие деньги, — ответил он. — Вот, смотри!

Крахмальные, новенькие — из полученных от шефа на выгул гонцов — купюры по сто марок. Десять, одна за одной, прямо перед носом боящейся продешевить Гертруды:

— Десять к одному — это хороший выигрыш. Удача. Реальная удача.

Фишка перекочевала в его карман. Официант ненавязчиво пополнил Гертруде стакан. Мир пах холодом и мартини.

Петер ещё попытался узнать хоть что-то о везучем игроке, но натолкнулся на непреодолимое препятствие. Как звали? Везунчик. А имя у него было? Не знаю. Я звала Везунчиком. А что, ему нравилось!

А как выглядел? Хорошо выглядел. Часы у него были «Картье». Галстуки хорошие.

Да, Гертруда. Потому что дура.

Петер вытряс из неё столько, сколько смог: куда ездили, с кем играли, где останавливались, — после чего отправился присматривать за дорогими гостями.

— А ты, красавчик, вообще когда-нибудь слышал про дантистов?

Лека выволок шулера из минивэна и долго ставил на ноги. Словно выравнивал новогоднюю ёлку. Везунчика качало. Дерево деревом.

Шулер — человек, ведущий нечестную игру. Подмешивающий карты, подглядывающий в чужую руку. Копающийся в чужой голове.

— Зубки-то в детстве не выросли, или мама отняла? — не унимался Везунчик.

Петер вздрогнул, потому что помнил, как Лека потерял зубы. В тринадцать лет тот повадился курить гашиш. Мать, когда узнала, отходила сына по спине черенком от лопаты. Пытаясь увернуться от очередного замаха, он неудачно повернулся и получил по лицу.

Не думать, подумал Петер. Ни о чём не думать. Вот контейнер, вот стол, вот фишки. Всего лишь сыграть партию. Но другие мысли теснились и лезли наружу, словно тесто из-под гнёта.

Французик застыл перед входом в контейнер как загипнотизированный. Огюст был не тем человеком, с кем стоило иметь дело — себе на уме, трусоватый, ненадёжный, но при этом кажущийся кусочком другого, совсем незнакомого мира. Петер даже немного огорчился, что их долгое совместное путешествие подошло к концу.

Шесть недель метаний по Европе пролетели незаметно. Февраль стал месяцем растянутой охоты, медленной погони. В каком-то смысле, и отдыха — ведь никаких сторонних дел, просто иди по следу!

...Когда Петер положил «счастливую» фишку на стол перед Джаком Уштаром, он и предположить не мог, какое путешествие ему предстоит. Пересказ истории Гертруды не занял и двух минут, люди Уштара были приучены ценить его время.

— Я хочу посмотреть на талисман этого Везунчика, — негромко сказал Джак.

Одноглазый доктор Руай, положив ногу на ногу и сплетя руки на груди, пауком устроился в углу. Фишка лежала посреди стола, Джак до неё не дотронулся.

— Если хотя бы часть истории — правда, — предположил доктор, — то фигурка может оказаться настоящей. А ты знаешь, Петер, как опасны такие талисманы, правда?

О да, Петер знал! Уже четырежды ему приходилось искать потерявшихся или спрятавшихся людей по заданию Джака. Ты готов, Гончий? Хватит тебе в этот раз сил, чтобы удержать в повиновении металлическую статуэтку Пса?

Руай принёс блюдечко с двумя пилюлями. Белой и красной. Давай, Гончий, покажи нам класс ещё разок. Две пилюли — и ты в игре. Просто открой стоящую на столе коробку и достань талисман.

Пара-тройка дней, думал тогда Петер. Пёс не ошибается, он любого Везунчика из-под земли достанет.

Джак смотрел пристально, а доктор — с интересом, как Петер берёт Пса в руку. Но со стороны никак не увидеть, каково это — владеть фигуркой. И не их это дело. Петер перетерпел первую волну дрожи, когда Пёс ожил в ладони. Каждый нерв встретил приход Пса испуганным импульсом. Свет сразу стал острым и колючим, засвербело в уголках глаз. Как сквозь пелену потекла вкрадчивая речь доктора Руая:

— Ты у нас настоящий ветеран, Петер! Вроде и лишние они, советы. Но ты будешь далеко, и я не смогу помочь тебе, если забудешь главное: Пёс убивает. Каждое утро, Петер, каждое утро как откроешь глаза, ты первым делом выпьешь противоядие. Вот здесь в пузырьке тридцать капсул — это на целый месяц, вряд ли столько понадобится. Остаток привезёшь назад, по счёту. Это очень дорогое лекарство, оно — твой единственный шанс не отправиться на тот свет. Поэтому всё, что останется, нужно будет вернуть. Джак щедр, он тратит на тебя много денег, но не разбрасывается ими. Не огорчай его!

Всё это Петер слышал уже многократно. Он периодически кивал — просто чтобы показать, что слушает. Как в самолёте: пристегните ремни, и всё такое. Каким образом дышать в маску, и где аварийные выходы. Доктор выполнял роль стюардессы перед полётом Гончего в мир, захваченный Псом.

Джак Уштар развалился в кресле, тоже дожидаясь конца «предполётного инструктажа».

— Стоит пропустить один приём, — не унимался дотошный доктор, — и увидишь, как сначала поменяют цвет твои глаза. Не пройдёт и дня, как ты начнёшь гореть изнутри. И это будет не изжога, не кислотность какая-нибудь — всё нутро затлеет, уже не погасишь! Никакой врач, никакие уколы не помогут. Раскалишься изнутри как сковородка, кровь свернётся, и что не выдержит раньше — сердце или мозг? Лучше не проверять, Петер. Лучше не проверять. Возвращайся целым и невредимым! Мы в тебя верим, ты же лучший, ты настоящий Гончий! Удачи тебе.

Доктор потрепал Петера по плечу и отошёл в сторону.

— Ну, — Джак нетерпеливо навалился на стол. — Попробуй её!

Пластмассовый кругляш лежал перед Гончим. Фишка из французского казино, выкупленная за десятерную цену.

Петер осторожно взял её кончиками пальцев. Его снова забила дрожь. Он закрыл глаза, прижал локти к бокам, согнулся, будто группируясь перед прыжком.

— Тебе нехорошо, Гончий? — откуда-то издалека участливо спросил добрый доктор Руай.

— Тихо, Медждим, не мешай! — Джак даже пригнулся к столу, пытаясь заглянуть Петеру в лицо. — Ну? Ты видишь его? Чуешь его, Гончий?

В тёмном пространстве за закрытыми веками Петера фишка расцвела радужной хризантемой. Тысячи лепестков-нитей потянулись из неё во все стороны, колыхаясь, закручиваясь, сплетаясь между собой. Петер наугад ухватил один изгибающийся лучик, впустил в себя — и тут же почувствовал прохладный аромат свежееубранного гостиничного номера. Лёгкую душистую свежесть недавно постеленного белья, успокаивающий запах выделанной телячьей кожи, влажный сквозняк из приоткрытого окна. Тонкий и хищный парфюм, исходящий от спящего женского тела.

Петер замотал головой. Где-то рядом должен быть тот, кто держал эту фишку в руках. Тот, кто подарил её Гертруде. Или это

Гертруда — среди белого дня беспечно задремала в «Хилтоне», загостившись у очередного дружка? Знание влияло в голову само собой, стоило лишь чуть сильнее потянуть за радужную светящуюся нить. Нет, конечно же, нет! Запах Гертруды Петер запомнил и без помощи Пса. Там, в номере-люкс полупустого эдинбургского «Хилтона», спала совсем не она. И рядом не ощущалось присутствия никого, кто мог бы оказаться Везунчиком, владельцем таинственного талисмана.

Петер отпустил нить и снова сосредоточился на переливающейся светом хризантеме. Он перебирал лепесток за лепестком, ускользя по сияющим тропинкам в другие города и незнакомые страны, где ехали в машинах и шли пешком, сидели за столиками ресторанов и стояли в душных очередях, говорили по телефону и молчали в одиночестве, жили своей жизнью десятки, сотни, а может быть тысячи человек, мужчин и женщин, пожилых и юных, здоровых и больных...

— Что-то не так, Гончий? — как сквозь вату, еле слышно, бессмысленно.

Петер с трудом открыл глаза, щурясь на свет. Лицо Джака на фоне окна — чёрная тень. Прозрачный блекло-голубой глаз Медждима Руая совсем рядом — обеспокоенный и пристальный взгляд. Пиратская повязка на втором глазу — так неподходяще для доброго доктора.

— Будет сложно, — сказал Петер. — Эта фишка меняла хозяина не один год. И похоже, я чувю каждого, кто хоть раз подержал её в руках. Не могу угадать, за кем идти. Если перебирать по одному, то и жизни не хватит.

Джак негромко выругался. Заветная фигурка, уже почти найденная, вдруг выскользнула из рук. С минуту все трое молчали, переваривая новость.

Самым сообразительным оказался доктор Руай.

— Француз, — сказал он. — По крайней мере, ты знаешь его имя и место, где он точно был не так давно. Найди француза и расспроси о Везунчике.

Так всё и вышло. Париж, «Мирадо», надменный распорядитель. Звонок от Джака парижским друзьям — и вот уже распорядитель стелется перед золотоzubым гостем как перед каким-нибудь виконтом. Да, месье, конечно, месье, с превеликим удовольствием, месье! Затёртая визитка члена клуба Огюста. Конечно, месье! Пусть побудет у вас!

А Пёс от любой вещи может узнать многое о её хозяине — и охотно проводит к нему. Например, в Гаагу, в убогую гостиницу, не отмеченную в путеводителях. Да ты поиздержался, Огюст! Что же, приятель, есть хороший шанс поправить дела!

Однако и француз не стал ключом к поиску Везунчика. Опять разочарование. Этот бестолковый Огюст гарантировал единственное: что узнает Везунчика в лицо, если увидит. Поиск снова затягивался.

И завертелись как в калейдоскопе: Малага, Лион, Турин, Люцерн, Грац, Росток — Лека крутил баранку, Огюст бездельничал, дожидаясь ежевечерних «игровых» денег и возможности за чужой счёт подёргать фортуна за хвост, а Петер слушал Пса и намечал маршрут.

Гончий тянул нить за нитью, понемногу обрывая лепестки радужной хризантемы. Охота упростилась: разыскивались только игроки, и только подходящего возраста. Если талисман не выдуман пьяной фантазией Гертруды, то Везунчик не мог не играть. К фигурке быстро привыкаешь, она меняет твою жизнь куда быстрее, чем успеваешь заметить.

Петер не унывал. Когда пузырёк с лекарством опустел, приехал добрый доктор Руай и пополнил запас. Главное, что пилюли действуют, и Пёс не в силах повредить Гончему, сказал он Петеру. И передал привет из дома. Джак Уштар мудр и терпелив, сказал Руай, и готов ещё подождать результата.

И пускай раз за разом французик проходил мимо кандидатов на роль Везунчика, не устаивая даже взглядом — Петер-то знал, что выбор сужается с каждым днём. Генуя, Фару, Вадуц, Люксембург, Довиль...

И вот — как на блюдечке: виновник переполоха собственной персоной! Едва стоит на ногах после снотворного из личной коллекции доктора Руая. Приехали, Везунчик!

Всё продумано, всё учтено Процедурой. Найдётся дело и для Огюста — нужное и важное дело! Вот он — ошалевший от смены декораций капризный мальчик пятидесяти лет отроду, пялится на игровой стол в грузовом контейнере как на волшебную карусель.

Всё к лучшему, всё к лучшему. Петер подошёл к французу, чуть подтолкнул в спину:

— Проходи, Огюст! Оцени! Постарались всё устроить, как положено.

Издаലെка приплыл протяжный, отчаянный собачий вой.

— Пойдём-пойдём, — монотонно и успокаивающе повторял Лека, подталкивая спутника вперёд. — Сыграем разок-другой, дело привычное!

Направляемый им Везунчик, ошалело озираясь, неровными шагами поднялся на порог контейнера. Сощурился от яркого света.

— Что за шапито? Мы вообще где — в бюджетном казино для лесорубов? Пять щепок на красное? Вы что тут устроили, парни, а?

В контейнере было почти тепло, исходили жаром два масляных обогревателя.

Лека сопровождал шулера, пока тот не упёрся в шаткий пластиковый стол. Один столбик фишек с сухим треском разъехался лесенкой. Шофёр провёл Везунчика вокруг стола и усадил на самый дальний стул, лицом ко входу и спиной к торцевой стенке контейнера. Сам сел рядом. Третье место за столом занял заметно нервничающий Огюст. Характер такой, тонкая натура.

Петер встал за четвёртым стулом напротив Везунчика, слегка оперся на спинку. Теперь он загораживал собой выход из контейнера. Нависал. Везунчик заёрзал. Петер смотрел на него, не мигая, держал паузу. С каждой секундой этой намеренной тишины воздух как будто густел. Собравшиеся за столом вязли в прозрачном желе ожидания.

— Господа, — прервал молчание Везунчик, сверкнув дымчатыми стёклами очков. Из-под прядки на лбу бриллиантом выкатилась одинокая капля пота. — Мы с вами незнакомы, не представлены. Похоже, здесь имеет место какое-то недоразумение...

Сменил тон, перестал хорохориться.

— Штаны снимай, — прервал его тираду равнодушный Лека.

Везунчик возмущённо открыл рот, но так ничего и не сформулировал.

— Лучше сам, — добавил Лека, — и быстро.

— Похоже, месье, — внезапно встрял Огюст, — вы попали в не очень комфортную ситуацию, и вас ждёт не самая приятная процедура. Но если вы порядочный человек, то скрывать вам должно быть нечего — а если нечестны на руку... то вы всё равно уже здесь, а этих ребят лучше слушаться.

— Так это ты всё подстроил! — злоба Везунчика снова нашла выход. — Чёртов ты псих, ничтожество, плюгавка бездарная! Небось размышлял тогда, как обуешь меня, да как потом кутить будешь? Ты же у нас сибарит небось? Рассветы-закаты? Месячок в Бордо, а?!

Лека свистнул, будто подзывая собаку. Везунчик перевёл на него взгляд, и тогда шофёр повторил:

— Штаны.

— Хренов извращенец! — с отвращением процедил Везунчик.

Поднялся, расстегнул ремень. Вжикнул молнией и приспустил брюки до колен. Петер беззастенчиво разглядывал мятые трусы пленённого картёжника. Француз, состроив кислую мину, отвернулся.

Ноги Везунчика от колен до бёдер были в несколько слоёв обмотаны широкими полосами эластичной ткани. Как у штангиста на тренировке, мимолётно подумалось Петеру.

— Что за бинты? — спросил он.

— Больные вены, — почти спокойно сказал Везунчик. — Жизнь, знаете ли, сидячая. И нервы. А где нервы, там давление. Иногда часов по десять кряду за столом, не поднимаясь. Флеболог советовал бинтовать.

— Разматывай, — сказал Лека.

Петер почувствовал азарт, настоящий, щекочущий ноздри азарт. Везунчик начал медленно скручивать бинт с левой ноги. На правой под тугими полосами ткани явно проступало подозрительное утолщение. Давай же, мотай, кулёма!

Теперь уже и щепетильный Огюст во все глаза следил за унижением своего обидчика. Иссиня-белые ноги под бинтами покрывал нездоровый узор из тончайших прожилок.

— И что это такое, компресс? — поинтересовался Петер, когда под вторым бинтом показался край сложенной в несколько слоёв фланелевой тряпки.

На Везунчика было больно смотреть.

— Не знаю, что тебе наплела эта дура, — глухим низким голосом сказал он Петеру, и тот сразу вспомнил крашенные лохмы Гертруды в свете уличных ламп. — Врач велел носить амулет около самой проблемной вены. Тебе такая вещь без толку.

— На стол, — сказал Лека.

Везунчик осторожно положил тряпку на сукно между собой и Лекой, под ней что-то звонкое ударило о столешницу. Огюст в нетерпении подался вперёд.

— Давай, покажи уже, — сказал Петер Везунчику.

Тот, потеряв всякую волю к сопротивлению, потянул ткань на себя. Все собравшиеся в контейнере не могли отвести глаз от стола.

Небольшая серебристая фигурка. Толстобокая, вся из себя округлая свинка. Отвисшее брюхо, короткие ноги с аккуратными копытцами. Свинья что-то ищет — пятак повёрнут к земле.

Стараясь казаться бесстрастным, Петер обратился к Везунчику спокойно и по-деловому:

— Вот и молодец. Осталась пара формальностей — и наше randevu закончится. Кому-то пришлось в голову, что эта штука как-то там помогает тебе подглядывать в карты. Это правда?

Везунчик быстро-быстро замотал головой из стороны в сторону, едва очки с носа не слетели.

— Не слышу ответа, — сказал Петер.

— Это для вен! — убеждённо выпалил Везунчик. — Тибетская медицина, народное средство. Какие карты, что за выдумки?!

— Вот и замечательно. Тогда давай быстро в этом убедимся, и дело с концом.

— Что вы хотите проверять? И как?!

Лека молча переложил колоду поближе к Везунчику.

— Да проще простого, — сказал Петер. — Чтобы всё было честно, разреши любому из нас взять эту безделушку. Сыграем пару кругов. Думаю, этого хватит.

Везунчик, неловко подтянув штаны, обессилено плюхнулся на стул.

— Разрешаю, — вяло сказал он.

— Не так. «Разрешаю любому из вас взять фигурку».

Везунчик стянул с носа очки, тщательно протёр тряпкой оба стекла. Посмотрел на Петера. Глаза его без очков казались беззащитными. И слегка отличались друг от друга. Между голубым и зелёным — тысяча оттенков, и вот где-то в этих безымянных соотношениях цвет одного глаза был чуть ближе к зелёному, другого — к голубому.

— Разрешаю любому из вас взять фигурку.

— Спасибо, — сказал Петер, — очень мудро с твоей стороны. Огюст, давай-ка, возьми свинку на время. Ты же у нас самый сведущий в игре.

Француз, пожав плечами, придвинулся к столу и потянулся к Свинье. Лека, сидевший ближе к фигурке, передал её Огюсту в руку. Тот повертел талисман в руках, поставил на ладонь, заглянул Свинье в морду, сжал её в кулаке.

— Сдавай, — кивнул Лека Везунчику.

Зашуршали карты. Петер занял последнее пустующее место и молча наблюдал, как разлетаются клетчатые листы. Только что случилось непредвиденное, возникла ситуация, не предусмотренная рассчитанной на самые разные случаи Процедурой. И нужно было что-то быстро, очень быстро решать.

Лека бросил на кон пару младших фишек. Петер невидящим взглядом упёрся в карты. Если Свинья действует, и если она примет Огюста, сколько ему понадобится времени, чтобы приспособиться к ней?

Петер поддержал ставку Леки. Какой смысл пасовать — в такой-то игре?

Француз немного расслабился, облокотился о стол. По лицу ничего не прочитаешь. А по глазам? Но Огюст смотрел вниз, опустив веки. Петеру очень хотелось взглянуть на его радужки, увидеть, как расплывается зелёное в голубом или голубое в зелёном. Или же Свинья отторгнет француза, не станет ему повиноваться? И что тогда делать?

Главное — не думать, напомнил Петер себе. Точнее, думать только о картах. О раздаче, о возможном раскладе, о мастях, о глумливых улыбках лощёных валетов и презрительных усмешках стареющих королей...

Прочь мысли о конце игры! Это будет совсем другая история, как будто бы совсем с другими людьми, не стоит даже заглядывать так далеко...

Сам того не чувствуя, Петер сжал зубы так, что под коронками заняли дёсны.

И едва не упустил Огюста.

Отчаянным прыжком французик ринулся в зазор между стулом Петера и ржавой стенкой контейнера. Наверное, понадеялся, что такие вещи изредка кому-то удаются. В любом случае, в число «кого-то» Огюст не попадал — Петер ухватил его левой рукой за отворот пальто и швырнул назад к столу. Французик завыл. Правая рука Петера тем временем уже возвращалась из-под полы, утяжелённая тупорылым «Глоком». Скоба предохранителя отщёлкнулась мягко как по маслу.

Первая пуля вошла Огюсту в шею. Полсекунды спустя вторая отбросила Везунчика от игрового стола. Звуки выстрелов — литавры! гонг! набат! — раздробились и умножились в резонаторе-контейнере, словно Петер выпустил не меньше полного магазина.

Ноги Везунчика торчали стёртыми подошвами над белым днищем опрокинутого стула. Огюст раскинулся в кресле, запрокинув голову. Кровь затихающими фонтанчиками выталкивалась из раздробленного кадыка. Лека склонился над Везунчиком, приложил пальцы к сонной артерии. Недовольно качнул головой. Не глядя протянул Петеру ладонь, прося пистолет.

Петер пребывал в несвойственной ему нерешительности. Счёт шёл на секунды, и посоветоваться было не с кем.

Есть такая достаточно простая штука — техника безопасности. Чинишь ты электрическую розетку или косишь триммером унылую бюргерскую лужайку, разбираешь взрывное устройство или точишь нож на оселке — соблюдай установленную процедуру. Ты не самый умный и не самый смекалистый, тысячи и тысячи людей до тебя делали то же самое и суммировали свой опыт, утрясали и высушивали его до предельно простых и однозначно трактуемых формулировок. Следуй процедуре — и всё с тобой будет хорошо. Пренебреги процедурой — и ты пропал.

Лека был единственным близким родственником Петера в Германии. Остальные братья, дядья, племянники не спешили уезжать из Козмета¹ так далеко, худо-бедно обустроили дела дома или подались в Албанию. Бестолковый простоватый шофёр три года как перебрался в Цвайбрюккен под крыло Джака Уштира. Лека стал для Петера нитью, вновь связавшей его с оставленной давно и без сожаления, полузабытой, но всё-таки родиной.

Лека так и замер с поднятой рукой, удивлённо глядя на острую мушку направленного ему в грудь пистолетного ствола.

— Не надо было тебе трогать эту Свинью, кузен, — сказал Петер и спустил курок.

Лека вздрогнул. Накрыл ладонью незаметное отверстие на уровне сердца, как будто выражая признательность. Озадаченно посмотрел на Петера, и вдруг, словно лишившись разом всех костей, осел на пол бесформенным кулем.

¹ Косово (алб.)

— Вот так, — сказал Петер устало.

Обойдя стол и переступив тело Леки, он заглянул в лицо Везунчику. Тот еле заметно дышал, быстро и мелко, как мышь на лабораторном столе. Петер выстрелил ему в лоб, скалясь от ярости. Из-за этого червяка, из-за его ядовитых речей, из-за дурацкого талисмана погиб Лека.

Француз мёртвой хваткой зажал в кулаке серебристую тушку Свиньи. Петер дошёл до тумбочки и достал оттуда плотный бархатный мешочек, небольшую жестяную коробочку и пассатижи. Минуты две ушло на то, чтобы инструментом выковырять из непослушных пальцев француза блестящую фигурку.

Ни при каких обстоятельствах не дотрагиваться до талисмана, неужели так трудно было запомнить главное правило Процедуры, Лека? Что же ты наделал, кузен?

Растянув завязки мешочка, Петер положил в него пассатижами Свинью. Стянул витой шнурок, обмотал его тугим узлом вокруг горловины. Мешочек идеально вошёл в жестянку. Яркий узор на крышке и по стенкам, изысканная надпись: «Музей волшебных фигур Гюнтера Фальца». Поверх декоративного замка-защёлки Петер наклеил цветную полоску скотча с той же надписью. Процедура предусматривала все мелочи. Лека-Лека, надо было просто следовать Процедуре, и мы уехали бы отсюда вместе...

Половину тумбочки занимали пишущий видеомэгнитофон и устройство слежения, объединяющее в одну картинку и шифрующее запись с четырёх камер, развешанных по углам контейнера. Петер нажал на кнопку «Стоп» и включил обратную перемотку. Зашуршала лента, противно задребезжала пластмассовая скобка, закрывающая кассетный отсек.

Дохнуло ветром — будто кто-то прошёл за спиной. Некому тут быть, напомнил себе Петер, борясь с желанием развернуться и проверить. Некому. Местным платят достаточно, чтобы свет не застили, а больше некому. Наваждение, морок от проклятых фигурок.

Лента с глухим ударом доматалась до упора. Кассета выехала Петеру в ладонь. «Титаник». С новомодными голограммами, никаких неаполитанских подделок. Случись кому проверить, он найдёт там ровно то, что написано: эпическую драму о тонущем пароходе и гибели людей из-за отсутствия правильной процедуры спасения. Лишь в конце, после финальных титров, обнаружится лишний кусок ленты длиной около часа, но там ничего не будет — только рябь и шуршание.

В другом отделении тумбочки топорщилась жёсткими складками кожаная одежда, и стоял собранный мотоциклетный рюкзак, набитый всяким хламом, вполне соответствующим стандартному дорожному набору «ночного волка». В основном отделении нашлось место и для талисмана, и для кассеты. Прятать никогда ничего не надо.

Петер переоделся, превратившись из лощёного импозантного здоровяка в недружелюбного громилу. Беспечный ездук, каких тысячи колесят туда-сюда по скоростным автобанам.

Выйдя из контейнера, Петер вытянул за собой толстый провод питания и отсоединил провода. Лампы дневного света потухли, и ещё несколько секунд гниlostное сиреневое свечение позволяло разглядеть контуры стола, стульев и лежащих тел.

И вот тогда-то Петер увидел своими глазами белёсое привидение, угрожающей коброй поднявшееся над распростёртым в кресле Огюстом. Сгусток тумана, уплотнение воздуха, мутный негатив человекоподобной тени с колышущимися парусами рук, округлым облаком лица.

Там ничего нет! Петер отступил назад, споткнувшись о порог, не в силах отвести взгляд от нацеленных прямо на него тёмных провалов глаз.

Ухватился за тяжёлую створку двери, закрыл её, зафиксировал запоры, потом захлопнул вторую — до последнего глядя в пустое нутро контейнера. Туманная тень так и реяла над мёртвым французом. Только когда тяжёлый засов окончательно запер контейнер со всем содержимым, Петер разжал зубы.

Дрожащими пальцами нашарил в кармане ключи и телефон. Мучительно захотелось чего-то крепкого — запить страх.

У боковой стенки контейнера стоял поблескивающий хромом мотоцикл «БМВ» с немецкими номерами.

Петер набрал короткий местный номер.

— Можно закрывать, — сказал он.

Пояснений не потребовалось — Процедура была согласована заранее.

Через пару минут на коптящем дизелем подъёмничке подъехал неразговорчивый пожилой сторож. Петер отдал ему ключи от минивэна. Сторож привёз сварочный аппарат.

Пока Петер выкатывал мотоцикл и обустраивал рюкзак в седельном ящике, зашипел и заискрил плавящийся металл. Полчаса — и контейнер будет герметично заварен. Затем маркирован таким образом, чтобы веки вечные никто не заинтересовался его судьбой.

Наверное, от пережитого испуга Петеру вдруг захотелось сказать старикашке что-то злое, пригрозить, чтоб держал язык за зубами, но он, конечно удержался. Здесь все и так знали, что как делать, и умели молчать.

— Спокойного пути, — единственное, что произнёс сторож. По-албански, с отвратительным французским акцентом.

Петер махнул в ответ перчаткой. Мотоцикл басовито рыкнул и покатиł сѣдока к воротам хранилища.

Выйдя на основную дорогу и отѣхав километров двадцать, Петер притормозил, вынул из телефона сим-карту, сломал её пополам и утопил в придорожной канаве.

Вставив другую, набрал Бюро. Джак Уштар называл головной офис на немецкий манер и приучил к этому подчинѣнных.

Несмотря на раннее время, — до шести утра оставалось минут двадцать, — трубку сняли почти сразу.

— «Аллес Гут Логистик», чем можем быть вам полезны? — безукоризненно немецкий женский тенор на том конце провода был дружелюбно вежлив.

— Это Петер. Пронар¹ на месте?

Заиграла-забаюкала электронная мелодия.

— Руай у телефона.

— Доктор? А Джак у себя?

— Он занят. Не в Бюро, — голос у доктора Руая был запоминающийся, надтреснутый, словно поскрипывало сломанное сливовое дерево. — Как дела, гуляка?

Петер огорчился — хотелось доложить об успехе пронару лично, а тут посредник нашёлся. Петер рассердился — не любил, когда кто-то ставит себя выше других и допускает такие вольности. Гуляка!

Но Руай и стоял выше — правая рука пронара, особый человек, советник и помощник. Ему не нагрубишь — себе дороже. Не стоит забывать, из чьих рук пилюли принимаешь.

— Где я могу его найти?

— Он занят. Не в Бюро, — бесстрастная констатация факта: у пронара дела, и не стоит по телефону трепаться о его местонахождении.

— Спасибо, доктор! — Петер представил себе, как с размаху засаживает кулак Руаю под дых, и сразу полегчало. — Увидите Джака — скажите, скоро буду!

И, не дослушав удивлённого восклицания доктора, нажал на сброс.

Через сорок километров извилистая дорога влилась в широкое шоссе с разделённым движением. Дальнобойщики уже проснулись, и с каждого въезда на трассу вползали гружёные фуры. Постепенно нарастал поток легковушек: спешили к местам службы менеджеры, инженеры, банкиры, повара, госслужащие — целая прорва людей, намертво привязанных к своему ежедневному расписанию. Одинокий мотоциклист затерялся среди них маленькой чужеродной пылинкой.

На объездной Метца Петер остановился на заправке, пополнил бак и выпил чашку «бочкового» немецкого кофе со свежим

¹Хозяин (алб.)

хрустящим сэндвичем. Стоило разобраться, куда ехать — Процедура не предусматривала отсутствия Джака на момент возвращения Петера. Только лично, только в Бюро, с глазу на глаз. Можно бы и подождать возвращения Джака, но груз в рюкзаке тяготил Петера, как будто это была тикающая бомба. «Промедление смерти подобно», всплыла откуда-то напыщенная книжная фраза.

Решившись, из тесного кармашка потрёпанного бумажника Петер мизинцем выудил маленькую костяную пуговицу. Пуговицу с пиджака пронара, оброненную вечность назад на какой-то вечеринке и поднятую заботливым помощником. Тогда наутро Петер позабыл о ней, а, наткнувшись пару месяцев спустя, так и оставил у себя. Теперь он крутил её в пальцах, собираясь с духом.

Дорожный люд сновал вокруг, торопясь, торопясь, торопясь — у мельтешащих человечков была спокойная ночь, они выспались и набрались сил, чтобы целый длинный день спешить и суетиться, решать свои никчёмные проблемки и выполнять никому не нужные обязательства. Петер с отстранённым любопытством разглядывал их бодрое броуновское движение между прилавком, кассой, свободными столиками, стойками с утренними газетами, жвачкой и шоколадками.

Наконец, он засунул руку на дно рюкзака и нащупал прохладную фигурку Пса. Чуть покачнулся, полуприкрыв глаза, откинувшись на спинку шаткого кафешного стульчика. Пуговица запульсировала в пальцах, набухла искрами, растворилась сама и растворила его руку.

Петер задрожал, чувствуя, как сквозь его плоть ползут навстречу друг другу две силы, две противоположные сущности, Алчный Вопрос и Достоверный Ответ, торопясь слиться в обжигающем удовлетворении.

Его нос уловил тысячу запахов и миллион скрытых за ними историй. Люди пахли проведённой ночью, еда — мыслями грузчиков, кофе — шелестом коста-риканских пальм и раскалённым

асфальтом. Петер стал Псом, а Пёс стал Петером. Пуговица, маленькая костяная пуговица, частичка искомого. Петер поднёс её к носу, делая вид, что прикрывает ладонью зевок.

Оборвавшаяся нитка, не удержавшая пуговицу — спёртый воздух полуподвальной мастерской, протечки по стенам, осенний шотландский сквозняк из приоткрытой фрамуги. Кашемир — тяжёлый и лёгкий одновременно воздух гималайских предгорий. Шёлковая подкладка — пряный и шальной ветер кантонских провинций. Волоски на запястье, смуглая холёная кожа, сильные тренированные мышцы, ладонь, готовая пожимать руки и держать оружие. Пронар.

Подлокотник. Металлический. Раскладной стул или кресло. Вода. Много воды вокруг. Пресной, прохладной, не затхлой. Река. Пол чуть ходит под ногами. Гулкий железный настил. Палуба судна.

Тонкие нити запахов оплели всё вокруг, скрутились в невидимый шнур, и Петер дёрнул за него, как за верёвку колокола. Картинка распалась без следа, но шнур остался в руке, и потянулся, завился — по белому пунктиру автострады, мимо мелькающих дорожных знаков, где-то налево, а где-то направо, выбирая кратчайшую и быстреешую траекторию, пока не замедлил свой полёт в ржавых камышах у борта низко посаженного сухогруза. Пронар был здесь — лишь взойди на борт.

Разжав пальцы и выпустив Пса, Петер ещё минуту сидел, опустив голову, тяжело дыша, борясь с тошнотой. Пилюля, вспомнил он. Пилюля от доброго доктора Руая. Одна в день, по утрам. Сейчас ведь уже вполне утро? Волшебная пилюля, позволяющая общаться с фигуркой и оставаться живым. Средство, помогающее приручить Пса.

Сверхчувствительность к запахам уже отступила, и теперь Петер мог учуять только бодрящий аромат последнего глотка кофе в чашке да резкую химическую отдушку от недавно мытого пола. Двухсантиметровая белая капсула из пузырька — сегодня и ежедневно, пока Пёс рядом, пока есть нужда в его умении.

Закинув рюкзак на одно плечо, Петер вышел на парковку к мотоциклу. Усталость сменилась пьянящей лихорадочной бодростью. Он Гончий, бегущий по следу. Стрела, летящая к цели. Стрела, по собственной воле подстраивающаяся под дуновение ветра, выбирающая отклонение, видящая чёрный зрачок «яблочка». Абсолютное оружие, не предполагающее промаха.

Обогнув Метц, он не ушёл на Саарбрюккен, а продолжил движение на юг в сторону Страсбурга. Мотоцикл разрывал пространство, наматывал километры на счётчик, таранил время — закончик стрелы, почувшшей цель.

Проезжая границу с Германией, проходящую по мосту через Рейн, Петер сбавил газ и со скоростью пешехода миновал зашпанного безучастного полицейского.

Чёрный мотоцикл, чёрный всадник, точка, скользящая по карте. Проехав Кель, небольшой городок на правом берегу Рейна, Петер свернул с шоссе. В долине реки лежали плотные пласты тумана, скрывая обширные заводы и полноводные протоки. Великая германская река здесь лишь набирала силу, но уже была судоходной.

Невидимый шнур, стократ прочней, чем нить Ариадны, тянул Петера за собой, подсказывая ему правильные повороты и натягиваясь всё сильнее.

Пустынная второстепенная дорога, не ведущая ни к какому городу, прижалась к широкому затону, наполовину заросшему осокой и тростником. Петер издали увидел надстройку рубки. На берегу, напротив сухогруза, пришвартованного у низкого покосившегося причала, стояли три внедорожника и два грузовичка. «Аллес гут!» — привычный слоган на бортах безошибочно читался с полукилометра.

Навстречу приближающемуся мотоциклу от одной из машин направился вразвалочку рослый парень, телосложением не уступающий Петеру. Свои.

Петер предусмотрительно снял шлем.

— Привет, Сала! На рыбалку приехали?

— Гончий? Ты откуда тут?

Отчитываться перед кем попало Петер не собирался, поэтому тоже ответил вопросом на вопрос:

— Пронар не уехал ещё?

Сала сощурился, что-то соображая, потом достал рацию и пробурчал в неё коротко и неразборчиво. Ответили ему так же невнятно, но этого хватило — Сала махнул рукой в сторону судна:

— На берег не выезжай, песок сырой, сядешь. Проходи, тебя ждут.

С борта на причал были спущены грубые не оструганные сходни. Поднимаясь на палубу, Петер посмотрел на воду в щель между причалом и бортом. С того момента, как он вошёл в казино на атлантическом побережье в Довиле, не прошло и двенадцати часов.

На судне кипела работа. Большая часть палубы была заставлена ящиками и тюками. Обилие красных крестов не оставляло сомнений: перевозится гуманитарная помощь. Куда — такого вопроса Петеру в голову не пришло: в благополучной Европе лишь одно место постоянно нуждалось в поддержке — родной Козмет.

Люди Уштар вскрывали ящик за ящиком. Каждая ёмкость была заполнена не доверху, и на свободное место размещались плоские коробки зелёного армейского цвета. Тут же ящик закрывался вновь и пломбировался. Работа явно шла к концу — зелёных коробов на палубе оставалось не больше дюжины. Среди занятых переупаковкой бойцов Петер узнал гонцов Харатина, с визита которых в январе начался его долгий поход за Свиньей.

— Возитесь, как прелые мухи! Живей! — голос пронара перекрывал и треск вскрываемых крышек, и стук молотков, и гул корабельной машины.

Джак Уштар как на троне восседал посреди палубы на раскладном металлическом кресле. Невидимый шнур, подаренный Петеру Псом, расплёлся на зыбкие нити и истаял.

— Джак! — Петер шагнул к пронару, но близко подходить не стал. — Я вернулся.

Уштар удивлённо оглянулся. Ничего докторишка ему не передал, взъярился Петер.

Даже в повадках пронара сквозило что-то царственное. Поговаривали, что он — внебрачный сын самого Ахмета Зогу, последнего албанского короля. Сорокапятилетний, матёрый, уверенный в себе Джак Уштар держал в Райнланде несколько компаний, легальная и криминальная деятельность которых были сбалансированы так тщательно, что полиция проявляла к нему скорее формальный, чем реальный интерес, — не больше, чем к любому другому иммигранту с Балкан. Он никогда не отказывал в помощи ни албанцам ни косоварам, но отбирал к себе в команду лишь самых толковых, остальным просто помогал приткнуться там-сям, чтобы хватило на кусок хлеба. Попасть «под крыло Уштара» среди иммигрантов считалось за счастье, потому что каждый приглашённый под это крыло ощущал, что вся мощь, сосредоточенная в руках пронара, при необходимости может быть направлена на защиту интересов даже самого никчёмного и рядового члена команды.

Джак поднялся из кресла и жестом пригласил Петера подойти. С любопытством рассмотрел его глаза. Вопросительно поднял подбородок: ну, мол?

Петер похлопал ладонью по рюкзаку.

— Ты молодец, Гончий, — пронар потрепал его по плечу. — А кузен твой где?

Будто знал, будто насквозь читал.

— Лека умер, — коротко ответил Петер.

— Досадно, — сказал Джак.

Оглянулся на заканчивающих работу бойцов.

— Поедем, пожалуй?

Петер пожал плечами, кивнул: как пронару будет удобнее.

— Оставь ключи Сале, сядешь ко мне.

До Цвайбрюккена ехали в молчании. Водитель Уштара, немой ветеран Иностранного легиона Джафер, похожий на каменное

изваяние, ни разу не повернул к ним головы. Всю дорогу Петер крепко держал рюкзак, словно кто-то мог его отнять. Когда он начинал дремать, ему мерещилось, что в глубине рюкзака Пёс прокапывает себе ход к Свинье и перегрызает ей горло.

Бюро — небольшое современное офисное здание — располагалось чуть в стороне от города, на склоне лесистой горы, блестящей скальными проплешинами. Рядом разместилась автобаза для четырёх десятков «аллес-гутовских» грузовиков и пикапов, небольшая гостиничка «Приют странника», албанский придорожный ресторан «Дядя Рахим». Скромный малый бизнес добросовестного налогоплательщика.

Джак провёл Петера в свой кабинет на втором этаже, окнами на живописную долину реки Шварцбах. Пасмурный рассвет преобразился в солнечное утро. Плотные алебастровые облака выстроились в ровные колонны, словно для атаки на Франкфурт.

Петер, щурясь от яркого света, извлёк из рюкзака кассету «Титаник» и подарочную упаковку со Свиньёй. Затем рядом поставил Пса и свой пузырёк с пилюлями.

Вопреки его ожиданиям, Джак не стал заглядывать в коробочку с трофеем. Он открыл сейф и достал оттуда ещё одну, точно такую же упаковку.

— Как умер Лека? — спросил Джак.

Петер убрал Пса в мешочек, стянул завязки, положил мешочек в коробку.

— От пули, — ответил он. — Лека нарушил Процедуру.

— Досадно, — повторил Джак.

— Передаю тебе Пса и Свинью, — произнёс Петер последнее, что требовалось.

Джак аккуратно придвинул к себе обе коробки с фигурками, пузырёк и кассету, всё аккуратно переложил в сейф. Дверца захлопнулась с громким щелчком.

— Тебе надо отдохнуть, Гончий, — сказал пронар. — Пёс здорово тебя потрепал.

Налил Петеру стакан воды из графина, придвинул пластиковую коробку с двумя капсулами, белой и голубой.

— В «Приюте» есть свободные номера. Располагайся.

Белая и голубая. Как всегда при расставании с Псом. Пятый раз. Пилюли не хотели проваливаться в горло, но Петер заглатывал воду, пока поток не унёс их в пищевод. Сонное расслабление накатывало волнами. Свободен! От задачи, от работы, от злобного Пса! Расположиться прямо здесь, а не плестись в город до пустой и неудобной съёмной квартиры — отличная мысль.

— Спасибо, Джак!

Уже вытягивая ноги под прохладным свежим бельём гостиничной постели, Петер вдруг подумал: всё, что делал пронар — как он спрашивал про Леку, как убирал фигурки, — тоже очень похоже на некую процедуру. Как будто из четырёх углов целятся ничего не упускающие камеры, каждое слово и каждое движение будут зафиксированы, рассмотрены и оценены.

Петер последним усилием выключил мобильный телефон и прыгнул навстречу накрывающему его сну. Когда Пёс, прорвав и проломав подарочные упаковки, всё-таки пробрался к Свинье в тёмной пещере сейфа, она обернулась вепрем — и одним стремительным движением вспорола ему брюхо.

ГЛАВА 6

ЗООПАРК

*Майнц, Германия
3 марта 1999 года*

Электричка выпустила пассажиров на перрон Майнца и погасила огни.

С вокзала до отеля Ян решил отправиться пешком. Опций, собственно, было немного: городской транспорт крепко спал в стойлах — час ночи! — а брать такси показалось глупо. Тоже мне, мегаполис. Город, конечно, с историей, но практически без географии. Тысяч двести человек. На наш формат — Химки.

Найдя информационную тумбу и внимательно рассмотрев карту, Ян рассмеялся: мог бы и догадаться, что отель специально выбирали рядом с вокзалом.

Он перешёл пустынную площадь, заложил изрядный крюк, чтобы обойти пучок хитроумных автомобильных развязок, и оказался на тихой улочке Рёмервалль. Она петляла по склону холма, с одной стороны начался парк, и Ян подумал, что надо будет заглянуть сюда днём — проверить, правда ли тут есть заявленная в названии Римская стена. В Майнце ему до этого бывать не приходилось.

Стеклянная дверь отеля была заперта. В тёмном холле горела уютная лампочка над пустой стойкой. Неподалёку угадывались контуры макушки ночного портье, дремлющего в кресле. Ян нашёл невзрачный звонок, вежливо нажал кнопку один раз, коротко. Потом ещё разок. И ещё. Может, кто из постояльцев уже

спустится и откроет, предположил Ян, начиная считать звонки. Портье сломался на двенадцатом. Завертел головой, вскочил, поправил бабочку, пригладил волосы, и тогда только — величавой походкой — подошёл к дверям и зазвенел ключами.

— Извините, припозднился, — сказал Ян.

— Что вы, что вы, я не сплю. Херр Ван, как я понимаю?

Ваучер, паспорт, отельная карточка, ключ, прицепленный к деревянному бочонку с номером, обязательные слова о месте и времени завтрака.

— Лифт за углом, — напутствовал Яна портье, когда тот забросил сумку на плечо и отправился заселяться.

— А вот эта лестница, — Ян показал на ступени прямо перед собой, — тоже ведёт на второй этаж?

— Безусловно!

— Ей и воспользуюсь. Доброй ночи!

— Доброй ночи, херр Ван.

Интересно, подумал Ян, проходя по коридору между спящими дверьми, мои туристы где-то рядом или на третьем? Формулируя вопрос таким образом, он, конечно, немножко хитрил с собой — местонахождение Константина Эдуардовича вовсе его не занимало, зато мысль о том, что Наталья Андреевна где-то поблизости, возможно, прямо за одной из этих дверей, была неопределённо приятной.

Коридор упёрся прямо в дверь его номера. Удобное расположение. Словно во главе стола. Не зажигая света, Ян прошёл в комнату, швырнул сумку на кровать, не нагибаясь, каблук о каблук, стянул ботинки, куртку уронил на стул.

Сквозняк шевелил плотную белую штору, прохладным дыханием сквозил по полу. Такие непрозрачные занавеси обычно вешают там, где слишком яркий уличный свет. Но Ян терпеть не мог задёрнутые шторы. Он подошёл к окну, нащупал зазор в полотнищах ткани, потянул их в разные стороны.

На расстоянии вытянутой руки к окну снаружи приник Стекляш. И сколько бы Ян не успокаивал себя тем, что в появлениях

прозрачного существа нет ничего страшного — ну разве что с психиатрической точки зрения — он всё равно отпрянул, шагнул назад, больно стукнувшись пяткой о ножку кровати. Подскочил пульс, между лопатками выступил пот.

— Тебе не надоело за мной шлаться, дружище? — нарочито громко, но всё-таки дрожащим голосом спросил Ян. — Зачем там висишь? Ты Карслон, что ли? У меня и так проблем полон рот! Погулял бы уже где-нибудь в другом месте, а, Стекляш?

Существо едва заметно дрейфовало вдоль стекла, контуры его тела расплывались и преломляли свет редких уличных фонарей. И вот там, у основания ближайшего фонаря, стоящего на обочине тихой улицы Рёмервалль, Ян увидел ещё одного прозрачного. Это было уже слишком! Второй прозрачный, словно уставший путник, опёрся спиной о бетонную колонну, спрятал руки в карманах. Вот это и есть Стекляш, как-то сразу догадался Ян. А то колышущееся и пульсирующее здесь, рядом...

Отступая вокруг кровати к двери, он увидел, что парящее существо придвинулось к окну. Стекло словно помутнело, пошло волнами — прозрачный сквозь него просачивался в комнату! Как в сказках Гоголя, срочно требовался крик петуха! Ян нащупал выключатель, щёлкнул клавишей, свет ударил по глазам...

Тщательный осмотр номера — включая шкаф, тумбочки, щель под кроватью, ванную комнату, душевую кабину и пространство под крышкой унитаза с бумажной полоской контроля чистоты, — не показал постороннего присутствия. Если не считать того, что с оконного стекла медленно испарялось круглое пятно — стеклопакет неестественно запотел со стороны комнаты.

Спокойной ночи, херр Ван, приятных снов! Да что же со мной такое?! Залез в минибар, почитал прайс-лист, секунд десять повздыхал в нерешительности. Потом достал первую попавшуюся бутылочку, свернул крышку, вылил содержимое в стакан. Подошёл к окну. Никого. И у фонаря никого. Только в башке у меня чехарда какая-то. Привидения с мотором и люди-невидимки. Вон — и руки дрожат, и сердце колошматится.

Сфокусировал взгляд на отражении комнаты в стекле. Хорошая гостиница. Симпатичный удобный номер. Картинки на стенах. И чёрный контур стоящего у окна человека со стаканом. Давай выпьем, отсутствующий герой! У меня есть отличный тост, господин Глюкман! Ян звякнул стаканом о стекло. За реальность!

А утром было как-то не до ночных переживаний. Прокатная контора на вокзале открывалась в семь тридцать. Ян пришёл чуть раньше и сонно подпирал стенку, пока усатый добродушный дядька не начал поднимать роль-ставни и зажигать рекламные панно.

Новенький серебристый «Опель-Вектра», дизельный универсал, с низким тембром мотора, обтекаемыми зеркалами, басовыми колонками в дверцах, ждал Яна на стоянке. Настроение сразу улучшилось: заказать конкретную марку машины нельзя, только класс, и то, что ему досталась «Вектра», Ян воспринял как добрый знак. Прошлой осенью ему пришлось поколесить по Германии в поисках одной библиографической редкости, и эта марка показала себя во всей красе. Как Ян потом рассказывал друзьям, техника безопасности состоит из единственного правила: на мокрой горной дороге сбрасывай скорость до ста девяноста. С остальным машинка справится сама.

Кое-как раскрутившись на эстакаде, Ян вырулил на улицу Рёмервалль и ровно в восемь вошёл в ресторан.

Разумеется, первым, за что зацепился взгляд, оказались золотистые волосы Натальи Андреевны. Она сидела у окна одна и задумчиво цепляла на вилку кусочек ананаса.

— С добрым утром!

Ян почему-то рад был её видеть, хотя они ещё даже толком не познакомились. Есть такой тип людей, что вызывает доверие по умолчанию.

— Слава богу! Вы тут! Доброе утро! Соберёте завтрак — приходите сюда!

Все фразы шли с интервалом, не предполагающим диалога.

— А куда бы я делся, — улыбнулся Ян.

— Ну, Костя вот делся же куда-то!

Ян повесил куртку на спинку стула, обошёл зал, изучил содержимое «шведского стола», в два подхода набрал всякой вкуснятины.

— Надо спланировать нашу программу, — сказал он, усаживаясь напротив Натальи Андреевны, — но, наверное, подождём Константина Эдуардовича?

— Бесперспективно!

— Почему?

— Долго ждать придётся, ничего не успеем. Костя в Штутгарте. Переговоры затянулись, из него там уже всю душу вынули. Немцы же дотошные... Да что я вам рассказываю! Он им уже говорит: я согласен, да, хорошо! А они: подождите! Давайте разберёмся, с чем именно вы согласны. Ужас!

— Ужас, — подтвердил Ян. — Значит, все полномочия в ваших руках.

На самом деле, конечно, он собирался поучаствовать в разработке маршрута и деликатно подкорректировать идеи туристки таким образом, чтобы как-то выбраться в обещанный Арсену Давидовичу музей. Но тут вмешался всемогущий Случай. Ян прямо-таки распознал его электризующее дыхание.

Наталья Андреевна протянула ему через стол потрёпанный, затёртый на углах буклет. Видимо, как карта капитана Флинта, он переходил из рук в руки и хранился наравне с сокровищами. «Лучший аутлет Западной Германии! Сто пятьдесят брендов! Ежесезонные распродажи! Скидки до семидесяти процентов!» Судя по фотографии на обложке, храм потребления был спроектирован с размахом — на огромном зелёном поле выстроились бесконечные ряды однотипных ангаров.

— Были там? — уточнила туристка.

— Кажется, нет... — Ян перевернул буклет, чтобы посмотреть адрес, и чуть не охнул от приятной неожиданности. — Но это не так далеко, километров сто пятьдесят от Майнца.

— Тогда давайте оттуда и начнём, — подвела итог Наталья Андреевна. — Всегда лучше отстреляться с покупками, а высокие материи оставить на потом. Вы не расслабляйтесь, ещё поведёте меня по картинным галереям и рыцарским замкам!

— Не возражаю по всем пунктам, — важно ответил Ян.

Ещё бы ему было возражать, если — бинго! — аутлет находился в Цвайбрюккене!

Всю дорогу они проболтали. В основном пересказывали забавные случаи из жизни, дорожные истории. Ян подумал, что будь с ними в машине Константин Эдуардович, такой лёгкой беседы наверняка не получилось бы — уж очень серьёзный дядя.

Через два часа они проехали под аркой, приветствующей ценителей высокой моды, эпатажного стиля и раскрученных брендов.

— Ян, — строго спросила Наталья Андреевна, коснувшись пальцами его запястья, — вы пойдёте со мной, и будете помогать мне в нелёгком процессе выбора? Или собираетесь прикинуться ветошью и спать в машине?

Есть же такая порода людей, которые всех трогают! Им как будто жизненно важно при общении обязательно пощупать собеседника. Зачем? Чтобы получить тактильное свидетельство его существования? Гладят по плечу, придерживают за локоть, пожимают пальцы, шутливо толкают в бок, дружески хлопают по спине, а то и треплют за щёку или берутся пальцами за подбородок, бр-р-р! Ян не очень любил подобную манеру общения. Однако от прикосновения Натальи Андреевны он не испытал никакого дискомфорта, скорее наоборот. Просто знак внимания, невербальная приправа к беседе.

— Имитация ветоши — не наша парадигма! — уверенно ответил он. — А что, были прецеденты?

— О да! Ленивейший итальянский прецедент в центнер весом! В прошлом году в Милане взялся меня покатасть. Импозантный такой, в шарфике, волосы уложены, бородёнка пострижена. Аполлон Бельведерский! Синьорина! Я покажу вам всё!

— Показал? — усмехнулся Ян.

— Самым впечатляющим был храп за рулём. Только подъедем куда-нибудь, он: проходите в магазин, я здесь подожду. Ещё только до дверей дойдёшь, обернёшься — а уже машина аж вибрирует. Так храпел, что мотор глох!

Яна кольнуло, что ещё год назад его пассажирка числилась в синьоринах. Константин Эдуардович показался ему таким гранитным и основополагающим, каким-то вечным, что ли. Трудно было представить, что, возможно, ещё совсем недавно они с Натальей Андреевной могли быть даже не знакомы...

— Думаю, начнём отсюда! — она снова инстинктивно дотронулась до руки Яна, кивнула в сторону одного из магазинов. — Чутьё велит мне не пренебрегать этой заезженной маркой.

Дальше начался «процесс выбора». Медленно, но неуклонно обрастая яркими фирменными пакетами, они перебирались из двери в дверь, проходили ряд за рядом, шерстили бесконечной длины вешалá.

Ян, подёржите? Ой, и вот это подержите! Спросите её, а нет без тесьмы? А это точно цена, а не размер? Досадно! Нет, триста марок — это грабёж. Переведите ему: «Нет!» — Переведите ему: «Это меня полнит!» — Переведите ему: «Натуральный совхоз!» — Вот, посмотрите своим незамутнённым взглядом: берём? Берём! И кардиганчик? А он в спине не фалдит? Ян, вы взрослый мужчина, не говорите мне, что не знаете смысл слова «фалдит»! А выточки на месте? Ян, вы издеваетесь?! Не уходите, это у меня шутки злые. Потому что думала о себе в другом размере. А я, оказывается, как немка! Ну, хорошо мне такая штучка? Пошли бы со мной в театр в такой? Да не вы, а я! Я в штучке, а вы пошли — что вы мне голову морочите?

Первую порцию трофеев сгрузили в машину. Пакеты как-то потерялись в просторном багажнике «Вектры». В сутках двадцать четыре часа, напоминал себе Ян. Любое стихийное бедствие рано или поздно заканчивается. Утешал он себя скорее по инерции, потому что всегда был равнодушен к шоппингу, однако

сегодня не в шоппинге было дело. Яну нравилось наблюдать за Натальей Андреевной, её порывистыми движениями, искромётным проявлением эмоций, неутомимым азартом. Детская игра в куклы на взрослый лад — сняли-надели, сняли-надели сто одёжек, а можно ещё и чуть-чуть управлять ходом событий: своими оценками в стиле «да — нет — не уверен», советами, какой цвет лучше, и предложениями «а, кстати, видели вот это?» — Ничего такого, ничего предосудительного, просто это было забавно. Даже не забавно — мило. А ещё точнее — легкомысленно и приятно.

— А вот сюда я, пожалуй, зайду без сопровождения, — хитро улыбнулась Наталья Андреевна перед очередным магазином, — не возражаете?

Ян поднял глаза на вывеску, потом уставился в витрину и почувствовал, что щёки предательски зарделись. Даже на манекены смотреть было неловко, такое на них всё было воздушное и кружевное, обтягивающее и подчёркивающее, скорее обнажающее, чем прикрывающее.

— Да, здесь уж вы сами! Я и линеек размеров таких не знаю, и с выточками могу напутать...

Наталья Андреевна совсем по-девчоночьи прыснула:

— Зато тут ничего не фалдит!

Надо было использовать момент и рвать когти.

— Это насколько по времени, как вы думаете? — спросил Ян.

Наталья Андреевна скосила глаза на витрину, вынесла вердикт:

— Минимум — час. Не заскучаете?

— Нет! Буду болеть за вас издалека. Я, с вашего позволения, тогда ненадолго отъеду, хорошо? Если выйдете, а меня ещё здесь не будет, позвоните. Но я думаю, что вернусь быстрее.

— Ну и замечательно! У меня тут тоже дела ответственные, спешка не нужна.

Она строит мне глазки, или померещилось? Ян не был уверен. Чур, меня, чур!

Огляделся, не сразу сообразив, в каких краях бросил машину. Посмотрел на часы. Без пяти два. Супер! Ян любил, когда всё совпадает и сходится, когда задачи помогают решить одна другую. Нужно было спешить в музей.

Зацепив Цвайбрюккен по самому краю, Ян выехал на автобан, уходящий на юг. Не разгоняясь, не перестраиваясь в левую полосу, проплёлся с километр за швейцарским грузовиком и свернул на нужную бензоколонку. На всё про всё ушло пятнадцать минут. Значит, есть целых полчаса на разговор.

Как и везде в Европе, а особенно в Германии, продажу топлива владельцы заправочных станций всячески пытались совместить с другими услугами, чтобы одним выстрелом убивать максимальное количество зайцев. На бензоколонках открывались магазины, кафе, рестораны, гостиницы. Но вот музей на автозаправке Ян видел впервые.

Длинное двухэтажное здание прижималось к пологому склону высокого каменистого холма. Неимоверных размеров рекламный щит музея указывал прямо на вход, и захочешь — не ошибёшься.

Дверь вела в общий тамбур: справа располагался магазин запчастей, лестница, уходящая на второй этаж, вела в парикмахерскую и цветочный магазин, а слева, собственно, и был вход в музей. Латунная табличка с часами работы известила Яна об обеденном перерыве с двух до трёх. Вот же засада, огорчился он, но на всякий случай толкнул дверь. Она приоткрылась.

Свет внутри был выключен, а окна имелись только в дальнем конце зала. Ян сделал пару шагов в полутьме, прошёл между высоких стеллажей. Справа на стене угадывались контуры какой-то карты. В глубине стоял письменный стол, за ним сидела немолодая женщина, склонившись над бумагами в свете настольной лампы.

— Извините, — Ян подошёл чуть ближе, — а музей закрыт, да?

Женщина — бухгалтерша, наверное, — оторвалась от своих расчётов и присмотрелась к нему.

— Могу свет включить, — сказала она, — только без гида не интересно. Он в три придёт, подождите лучше. А так билет — пять марок, почти бесплатно. Хотите — пробую.

— Я, вообще-то, к профессору Фальцу. Он здесь? Мог бы я с ним переговорить?

Билетёрша хмыкнула, обернулась, щёлкнула несколькими тумблерами на щитке, и на потолке, потренькивая, понемногу разгорелись лампы. Но они освещали только первый зал — за широким дверным проёмом явно было продолжение экспозиции. Там зажглись разноцветные лампочки иллюминации, какие-то тусклые голубоватые светильники — видимо, другое освещение во втором зале и не предполагалось.

— Профессор принимает только по записи, — словно извиняясь, сказала она. — Вы ведь гороскоп составить?

Теперь, при свете, Ян с любопытством разглядывал сложную инсталляцию, занимающую одну из стен от пола до потолка. Словно кто-то взял круглую мишень для игры в дартс, увеличил её раз в шесть, раскрасил сектора в психоделические цвета, обшил по краю кусками меха, лоскутами тканей, обрывками рыбацкой сети. А потом просверлил в ней штук двадцать дырок, через которые продёрнул тонкую золотистую проволоку и заплёл её в сложный, вызывающий головокружение узор. Кем бы ни был этот «кто-то», встреча с психиатром явно пошла бы ему на пользу, отметил Ян. И тут же вспомнил рукотворную паутину в спальне на Остендштрассе. Ей-богу, между матрицей Ойгена и вот этим сумасшедшим дартс было пугающе много общего!

— Нет, — сказал Ян, — я не за гороскопом. Я насчёт обмена.

— Какого обмена? — не поняла билетёрша.

— Обмена фигурками. Талисманами. Мне поручили заехать, узнать, меняет ли профессор Фальц фигурки из своей коллекции.

Женщина вышла из-за стола, подошла к Яну, почему-то с опаской заглянула в глаза.

— С этим я не помогу, конечно! — сказала она напряжённо. — Знаете, давайте я позвоню, попробую узнать. Вы пока погуляйте, у нас тут много всего любопытного...

— Позвоните профессору? — обрадовался Ян. — Спасибо большое, я жду, конечно.

Он подошёл к кругу, чтобы рассмотреть его внимательнее. «Гороскоп атлантов», гласила надпись над экспонатом. Справа внизу — табличка с описанием, но не очень интересным. Про великие пророчества учёных атлантов, великую войну красного и жёлтого Знака, гибель Атлантиды и расселении пророков по Европе и Африке. А про сам гороскоп — ничего. Хочешь — не хочешь, дождёшься гида.

Билетёрша с телефоном в руке что-то негромко и торопливо говорила в трубку. Яну даже показалось, что не по-немецки. Наверное, на языке атлантов, расслабленно подумал он. Потом она несколько раз кивнула, поддакнула, попрощалась — и сразу подошла к Яну.

— Сможете пятнадцать минут подождать? Профессор Фальц сейчас на встрече, вот-вот должен закончить.

— Спасибо, тогда гуляю! — Ян достал из кармана пять марок. — Билет дадите?

— Вы же просто ждёте, — женщина махнула рукой, — да и гида всё равно нет. Смотрите так.

Ян ещё раз поблагодарил её и прошёл во второй зал.

Здесь сразу оказалось очень темно. Помигивающая цветная иллюминация не освещала помещение, а, кажется, только сгущала темноту. Ян почти наощупь сделал шаг, другой, третий... И уже знал, что увидит через секунду — потому что совсем недавно разглядел всё это во сне глазами Яна-не-Яна. Опять затрепетало сердце. Ну, что там? Будет или не будет?

Будет. За выступающей из стены вертикальной балкой открылось освещённое пространство. Большой стеклянный шкаф с десятком прозрачных полок. Сотни, тысячи металлических фигурок выстроены стройными рядами за пыльным стеклом.

Маршируют медведи, бегут рысцой волки, парят горделивые орлы. Щетинятся иглами ежи, нюхают воздух собаки. Склонив головы набок, одинаково недоумённо смотрят вороны. Плывут дельфины и каракатицы, греются на солнце ящерицы и змеи.

Ну и зоопарк развели эти атланты, попытался сам себя развеселить Ян. Он замер перед витриной и никак не мог оторваться от созерцания статуэток. Расправляют крылья летучие мыши, тянет щупальца хищный спрут, греется на солнце хитромордый кот.

Животные изображались с большим тщанием, по крайней мере, формы для отливки явно готовил мастер. Литъё же большей частью было посредственное — кое-где торчали заусенцы, в паре фигурок Ян заметил некрасивые каверны. Штамповка, как и всё вокруг в последнее время. Китай начинает и выигрывает.

В начале каждого ряда фигур стоял ценник. Что ж, вполне умеренный прайс. В среднем тридцать-сорок марок за фигурку, абсолютно нормальная цена для сувенирки...

Мысли о коммерции и ценообразовании были успокаивающими — они не давали мозгу свернуть на обдумывание вещей снов, прозрачных людей и прочей пугающей ереси.

Рядом со стеклянным шкафом на стене висел большой плакат, подсвеченный сверху неяркою лампой. Таблица в десяток столбцов: цветные квадратики с изображениями фигурок и прямоугольники пояснительного текста. Шрифт был мелковат, Ян шагнул ближе.

«Вы творческая натура! БРОНЕНОСЕЦ научит, как показать друзьям всю прелесть ваших фантазий и как вовлечь их в игру!»

Почему-то ассоциации приходили в голову только неприличные.

«С ОРЛОМ вы легче овладеете риторикой, а ваш дар убеждения никого не оставит равнодушным!»

Отъедают хлеб у Дэйла Карнеги...

«Пока КОТ рядом, вы всегда сможете трезво оценить последствия своих поступков!»

Ага, кошки есть, а как с мышками? Какой же длиннющий перечень...

На столе билетёрши зазвонил телефон. Она сняла трубку и разговаривала уже громче. Точно не немецкий, констатировал Ян, но такого языка он раньше никогда не слышал.

— Вы здесь? — билетёрша вошла в зал с фонариком, неприятно посветила Яну в глаза. — Должна вас огорчить. Оказывается, у профессора сейчас лекция в Кёльне, и в Цвайбрюккен он вернётся только к выходным. Он просил взять ваши координаты. Сегодня перезвонить не обещал, но сказал, что обязательно с вами свяжется.

Ян вернулся в освещённое пространство, достал из бумажника визитку, вычеркнул московский номер и вписал от руки немецкий. Визитка у него была лаконичная: всего пять букв имени и фамилии, одиннадцать цифр телефона, десять знаков электронной почты. Протянул карточку билетёрше.

— Положите на стол, — отмахнулась она. — Я обязательно передам, ждите звонка.

Когда Ян попрощался и вышел из музея, билетёрша порылась в тумбе, нашла там небольшой пластиковый пакет и, осторожно подталкивая карточку к краю стола карандашом, скинула её внутрь пакета. Свернула его и аккуратно убрала в выдвижной ящик, запирающийся на ключ.

Вернувшись в машину, Ян первым делом позвонил Арсену Давидовичу и доложил о результатах. Тот выразил сдержанный оптимизм, попросил сообщить сразу, как появятся любые новости.

Обратный путь занял чуть больше времени, но Ян всё равно уложился ровно в час.

Наталья Андреевна с новыми пакетами в руках дожидалась его там, где они расстались. Судя по тому, что вместо джинсов и плаща теперь на ней была скромная клетчатая юбка по колено, тонкий свитер под горло и короткая кожаная курточка, с выбором белья она справилась куда быстрее, чем планировала, и успела заскочить ещё в пару мест.

— Наши планы? — Ян забросил покупки в багажник.

Наталья Андреевна села в машину.

— Устала, — сообщила она. — В какой-то момент начинает рябить в глазах. Дайте мне команду «стоп-шоппинг»!

— Стоп-шоппинг! — скомандовал Ян.

— Отлично. Теперь, если что, я буду вспоминать, что это вы меня принудили остановиться. И буду меньше переживать, что ещё половина аутлета осталась неохваченной.

— Можем сюда ещё раз вернуться, — против воли сказал Ян то, что был обязан. — Не проблема.

— Ну, нет! — нахмурилась Наталья Андреевна. — Стоп-шоппинг так стоп-шоппинг. Везите меня в Майнц, мой гонщик серебряной мечты!

Ян начал выползать из магазинных лабиринтов к проезжей дороге. Туристка, видимо, и впрямь упрыгалась за полдня, продолжать разговор не спешила. Покрутилась так, и сяк, поправила волосы, посмотрелась в зеркальце, встроенное в пассажирский козырёк над лобовым стеклом. Устроилась как-то вполоборота к нему и задремала.

Красивые коленки, вынужден был отметить Ян. И вообще — красивая.

Когда они выбрались с местных дорог на основной автобан к Майнцу, «Вектра» почуяла оперативный простор, и Ян отпустил удила. Столбики, поддерживающие отбойник-разделитель, слились в дрожащую гребёнку. Машина радовалась свободе.

— Хорошо летим, — сонно и сладко сказала Наталья Андреевна, не открывая глаз.

Польщённый Ян не ответил.

Потом она снова села ровно и опять принялась поправлять причёску.

— А, может, нам пообедать, Ян?

— Где? — удивился он.

Есть действительно хотелось, но приемлет ли Наталья Андреевна автозаправочный общепит, Ян не знал.

— Только что указатель был — пятнадцать километров.

— Кафе? — уточнил он. — На бензоколонке?

— Угу.

— Яволь!

Пятнадцать километров при двухстах двадцати — это около четырёх минут. «Вектра» неслась по трассе почти бесшумно, лишь раздавала воздушные оплеухи, когда обгоняла «стоячих» из среднего ряда, чья скорость не превышала ста сорока. Далеко впереди иногда помигивал тормозными огнями угловатый «мерседес», и ещё две машины сзади держали скорость, хоть и отстав слегка.

От удовольствия и драйва едва не проскочив нужный поворот, Ян лихо вписался в узкую дугу съезда, миновал бензоколонку и припарковался около придорожного комплекса как меч в ножны — между двумя легковушками.

Чтобы попасть в кафе, как обычно, пришлось сначала пройти по петляющему проходу через торговые ряды магазина. Всё блестящее, красивое, праздничное, напоказ. Выйдя в центральный зал, они огляделись. Обеденное время уже прошло, посетителей было совсем немного. С одной стороны у барной стойки сучала продавщица-африканка.

Наталья Андреевна показала пальцем в другую сторону: в конце зала за искусственным палисадником стояли разноцветные столики кафе «Кухинья у Београду».

— Ух ты, — удивился Ян, — югославы!

— Забыла совсем, — она резко остановилась, — мне нужно Косте позвонить было.

Яну стало немножко неудобно, словно это из-за него вся такая правильная Наталья Андреевна запомнила позвонить мужу.

— Вы, Ян, идите, поешьте. А мне возьмите сок, пожалуйста. Яблочный, вишнёвый — всё равно.

— А как же обед? — огорчился Ян — как-то не по-компанейски получалось.

— Да я что-то переоценила свой аппетит. Хотя... возьмите мне, что ли, вкусный кренделёк какой-нибудь. И пообедайте спокойно, не переживайте — у меня долгий разговор.

Она чуть поджала губы, уткнулась в меню телефона. Уже из кафе Ян зачем-то обернулся. Наталья Андреевна, прижав телефон к уху, отошла в сторонку, свернула назад, к магазинным полкам, скрылась из виду.

«Не переживайте, у меня долгий разговор». Фраза, конечно, вырвалась из контекста, но именно теперь и захотелось немножко попереживать. Смутное чувство тревоги, в таких разнообразных проявлениях посещавшее Яна в последние дни, опять вернулось. Что может быть за долгий разговор с мужем, если они только сутки, как не виделись? Или у них общий бизнес? Не похоже. Не похоже, чтоб Наталья Андреевна вообще имела отношение к бизнесу...

Размышляя о чужих телефонных разговорах, он взял поднос, ложки-вилки, прошёл к раздаче. Ничего особо югославского в меню не было, разве что гуляш, который с не меньшим основанием мог считаться и блюдом венгерским.

Ян машинально набрал того-сего, и только добравшись до десертов, призадумался. Легко сказать — «кренделёк»! Выпечки как таковой здесь не предлагалось, стало быть, надо выбрать что-то из пирожных. «Не стоит волноваться по пустякам!» А как тут не волноваться — вдруг не то пирожное выберу. Совсем же не знаю, что она любит... Наконец, Ян решился и схватил то, какое взял бы себе.

Расплатился, сел за стол, начал торопливо есть. Разговоры, конечно, всякие бывают, но если она вернётся раньше, чем я всё съем, неудобно же получится — я тут мясо лопаю, а ей — кренделёк с соком... Да, похоже, уже пора писать пособие «Сто способов ввести себя в состояние аффекта»...

Наталья Андреевна появилась очень вовремя — Ян как раз разделался со вторым блюдом и перешёл к десерту. Она вернулась какая-то взбудораженная, но в хорошем настроении,

наверное, разговор прошёл так, как она хотела, или сначала поспорили, но она настояла на своём.

Ян не очень представлял, как возможно препираться с железобетонным Константином Эдуардовичем, но, с другой стороны, Наталья Андреевна — она вон какая...

«Кренделёк» был одобрен. Пришлось забирать его с собой, как и сок — Наталья Андреевна возжелала сразу продолжить путешествие.

Выворачивая с парковки к въезду на автобан, Ян обратил внимание на «БМВ» с открытым — совсем не по погоде! — водительским окном. Машина стояла между въездом и выездом, под зеркалом на лобовом стекле болталась дурацкая погремушка — красный пластиковый шарик, а на нём какая-то чёрная крокозябра — то ли насекомое, то ли птица. Ян вообще не понимал, для чего нужны всякие висюльки — только внимание отвлекают!

Водитель «БМВ» — круглоголовый бритый тип, похожий на какого-нибудь солнцевского братка, локоть из окошка, и всё такое, — проводил Яна нехарактерно задумчивым взглядом, словно пытался в уме взять сферический интеграл.

Интересная страна Германия, кого тут только нет!

При попытке съесть «кренделёк» Наталья Андреевна вся обсыпалась крошками и едва не опрокинула сок. Они с Яном посмеялись над этим и потом подтрунивали друг над другом до самого Майнца.

ГЛАВА 7

ПРОФЕССОР СЕБЕ-НА-УМЕ

*Кёльн, Германия
3 марта 1999 года*

— Покажи глаза, — сказал Эдгар Донован, подойдя к окну.

Им дали два номера, оба с видом на автобан, ведущий на юг к Франкфурту — шестиполосный, утопленный ниже уровня земли, с перекинутыми поверху пешеходными мостиками. На другой стороне асфальтовой реки за унылым забором темнели приземистые заводские корпуса. Шлагбаум на въезде едва успевал подниматься и опускаться — машины сотрудников одна за другой въезжали на территорию предприятия. Без десяти восемь. Утреннее небо, грязновато-бесцветное, как пустой лист дешёвой писчей бумаги, предвещало, что и весь день будет таким — никаким.

Джереми Холибэйкер встал перед шефом, подвигал зрачками влево-вправо, давая рассмотреть, что линзы встали ровно и не слишком видны.

— А у меня? — спросил Донован, удовлетворившись произведённым осмотром.

Холибэйкер внимательно рассмотрел его глаза с разных углов.

— Безупречно.

В поездках каждое утро начиналось так — с проверки качества маскировки. Одна линза прозрачная, одна бледно-жёлтая, превращающая голубой глаз в болотно-зелёный. Обладание предметом заставляет владельца помнить об осторожности.

Не стоит щеголять гетерохромией — даже на территории дружественного государства.

— Контрольные пакеты прошли, линия активирована, — устроившийся за журнальным столиком Дэвид Батлер возился со связью, чувствуя себя человеком второго сорта. Он был единственным в группе Донована, кому пока не посчастливилось обзавестись предметом.

Размещённое в обычном «дипломате» шифровальное устройство соединяло ноутбук с телефонной линией. Выдернутый из сети телефонный аппарат грустно замер в сторонке.

Минорное настроение Батлера, случающееся последние месяцы всё чаще, беспокоило Донована. Он привык быть уверен в своих парнях, всегда стоял за них горой — и ждал от них того же. Тем более, что с приходом молодого умника их маленькая и уютная группа совершила настоящий прорыв. Теперь уже целых два предмета находились под контролем Донована. Разговоры о несостоятельности проекта, о скором роспуске, о проедании государственных средств — вся эта шелуха разом была забыта. Группа получила официальное название «Отдел опережающей социологии» — что законспирировало её в том числе и в кругу ближайших коллег.

Только два высших чина в руководстве ЦРУ в общих чертах понимали, над чем ведётся работа, какие задачи решаются. И пользовались своим эксклюзивным знанием, подключая специалистов-«социологов» к решению деликатных, точечных задач.

Первую металлическую фигурку удалось банально купить — и даже не за деньги. Дело было в Заире в мае девяносто четвёртого. В соседней Руанде обострился национальный вопрос: армия и военное ополчение народности хуту сошлись во мнениях, что хороший тутси — мёртвый тутси. Полмиллиона трупов за полтора месяца, два миллиона беженцев, ООН чешет в затылке, обсуждая, не пора ли уже что-нибудь сделать...

Донован и Холибэйкер прибыли в Киншасу, чтобы отработать интересный сигнал. С потоком беженцев-тутси принесло слухи

о великом проводнике, выводящем людей из Руанды в обход сторожевых постов хуту через лабиринты пещер в непроходимых горах Вирунга. Дипмиссия в Заире насобираала целую папку таких историй.

Поездку из Киншасы на восток они запомнили надолго — впервые оказавшись в ситуации, когда любой подросток с автоматом наперевес у шлагбаума, перекрывающего в джунглях дорогу из ниоткуда в никуда, может решить, что жить тебе незачем — и никто в целом мире не оспорит его решение.

В предгорьях они нашли жильё в шумной беспокойной деревне рядом с наспех обустроенным лагерем для переселенцев. Сотни франков хватило, чтобы для них освободили небольшую хижину — хозяева перебрались к соседям, благодарно улыбаясь.

Тутси предпочитали не задерживаться в здешнем лагере и уходили вглубь территории — подальше от границы. Деревня кишела пришлым людом — французскими наёмниками в поисках работы, бельгийскими миссионерами, подозрительными английскими топографами. Ночами в окрестностях постреливали.

Почти неделя душной жары и тотальной антисанитарии, пустопорожних сплетен между европейцами, удручающего общения с апатичными тутси из лагеря, коротких вылазок в горы в сопровождении бывалых французов. Граница существовала только на картах. Вулкан Карисимби стоял бесснежным, и местные говорили, что это плохая примета.

Донован умел смиренно переносить неудачи. Большей частью слухи о носителях предметов оказывались пустышкой, ничего не поделать. Пару раз, как хотя бы в девяносто первом в Швеции, рыбка срывалась с крючка в последний момент. С некоторых пор Донован начал подумывать, не он ли сам — причина собственного невезения.

Но в этот раз долгожданная удача вернулась на его сторону. Очередной отряд беженцев спустился к деревне, возглавляемый высоким стройным тутси. Его глаза горели сине-зелёным светом: Донован, ты на верном пути!

Проводник пробыл в деревне всего ночь и с рассветом направился назад. Донован смотрел из своей хижины, как тот уходит — легко, невесомо, призрак леса, лишь ствол автомата чуть покачивается за спиной. Вернётся ли он?

Донован так и не познакомился с проводником прошлым вечером. Все заранее подготовленные сценарии рассыпались в прах, стоило посмотреть этому тутси в лицо. Такой не польстится на деньги, не купится на лесть, не посочувствует чужому делу — потому что по сравнению с тем, чем занят он сам, всё остальное — ни к чему.

Пять-шесть дней, подсказал знакомый пастор-бельгиец, и великий сын гонимого народа тутси вернётся с новыми спасёнными. Он с каждым разом уходит за ними всё глубже. Чистая душа, пример всем нам! Да минуют его горести и напасти!

Всю следующую неделю Донован и Холибэйкер спорили, ругались, разыгрывали сценки, проговаривали возможные диалоги, банально доучивали незнакомые французские слова. Никакого хорошего плана так и не зародилось, так что пришлось рассчитывать на один из посредственных.

Но удача Донована крепко закусил удила! На рассвете седьмого дня в горах к востоку гулко грохнул взрыв. Вскоре послышались крики о помощи, и из леса стали выбегать по одному перепуганные тутси. Женщины и дети едва держались на ногах. А потом мужчины вынесли из-под полога джунглей два залитых кровью тела. Одному горемыке, наступившему на противопехотную мину, было уже не помочь. Вторым раненым оказался проводник. Кровь хлестала из разорванного осколком бедра и обрубленной ниже колена ноги.

Печальная мулатка — сестра милосердия из лагеря — как могла, остановила кровь, но на все вопросы качала головой отрицательно: два-три часа, и всё, шансов нет.

Донован прорвался в палатку к раненому, тот был в сознании. Ничего величественного в облике проводника сегодня не наблюдалось — обычный чернокожий, такой же, как все вокруг.

— Ты ведь хочешь жить? — спросил Донован. — Я могу тебе помочь, слышишь? Я могу вызвать вертолёт, через час он будет здесь, и тебя спасут. Слышишь?

Проводник едва слышно чмокнул спёкшимися губами, что вполне засчитывалось за «Oui»¹.

— Ходить ты уже не сможешь, — размышлял Донован вслух, внимательно следя за реакцией тутси. — Но одну ногу ещё, наверное, можно сохранить. Нужны хорошие врачи.

Раненый едва заметно смежил веки.

— И твой талисман — он тебе уже не понадобится. Он приносит удачу в дороге, ведь так? — Донован играл наугад, но не боялся ошибиться. Сейчас или никогда! — Пусть он послужит кому-нибудь ещё, как ты думаешь? Разреши взять твой талисман мне — и через пять минут за тобой вылетит вертолёт с врачами, даю слово.

Ничего особенного не было в этом проводнике сегодня — простой тутси, которому страшно умирать. Проводник опустил взгляд. Донован истолковал этот жест верно — расстегнул воротник его рубахи и потянул за кожаный ремешок, тянущийся с шеи тутси за пазуху.

О, годы ожидания, вы остались позади! Серебристый Муравей, как живой, всеми шестью лапками стоял на покрытой бисеринками пота груди проводника.

— Спасибо, — прочувствованно сказал Донован. — Только держись, помощь идёт!

Одним движением походного ножа перерезав ремешок, он сжал Муравья в руке, выбежал из палатки и, расталкивая нерасторопных тутси, бесцельно слоняющихся по лагерю, помчался через деревню к хижине, где ждал Холибэйкер.

— Рацию, быстро!

Голос диспетчера базы утратил сонливость, когда Донован продиктовал персональный код. Высшая степень допуска, немедленный доклад начальнику авиакрыла, беспрекословное

¹ Да (фр.)

повиновение — Donovanу было до лампочки, как именно это сформулировано в армейских инструкциях, главное, что работало.

Вертолёт вылетел — конечно, не через пять, но всё-таки всего через пятнадцать минут. Холибэйкер с любопытством разглядывал шефа, усевшегося на земляной пол, откинувшегося к плетёной из веток стене хижины: его довольное лицо, его меняющие цвет глаза.

— Ну как? — спросил Холибэйкер. — Какие ощущения?

Только сейчас Donovan понял, что предмет находится у него в руке. Тыльной стороной свободной ладони вытер мокрый лоб. Защищало глаза, и он зажмурился. В темноте Donovan увидел рисунок, словно сделанный мелом на доске — контуры хижин, пологий склон, ведущий к лагерю, квадратные силуэты тен-тов... И цепочка следов, ведущая от палатки с красным крестом на крыше в деревню, сюда, к нему, к Donovanу. Извилистая, повторяющая его путь, цепочка длиной в шестьсот пятьдесят два фута. А напрямую, как полетела бы пуля, — пятьсот девяносто футов от начальной до конечной точки обладания Муравьём. Перепад высот — восемь с половиной футов.

— Ощущения? — спросил Donovan, не открывая глаз. — Мне вживили в голову GPS.

И что-то ещё осталось незамеченным, не воспринятым, будто Муравей пытался заговорить с ним или показать ему что-то в окрестностях, но Donovan так и не понял, что это было.

А вертолёт в тот день опоздал — буквально минут на десять.

— Уж извините, что проедаю вам плешь, парни, но давайте ещё раз обсудим технику безопасности.

Donovan уселся на стол, положил локоть на стоящий рядом телевизор.

— Чего мы не должны забывать?

— Соблюдать осторожность, — с безучастным видом протянул Холибэйкер. — Предметы слишком тяжело дались нам в руки, чтобы рисковать ими попусту.

Наверное, ему инструктаж уже поперёк горла, подумал Доно-
нован. Но никогда не пожалуется, военная косточка. Да это
и не инструктаж — скорее, ритуал, вроде молитвы перед едой.

— А чего мы не должны делать?

— Заходить в незнакомые и потенциально опасные места
в одиночку, имея при себе предмет, — отбарабанил Батлер. —
Поскольку у меня предмета нет, то и беспокоиться не о чем.

— Как говорят крутые спецы из ЦРУ, — ответил ему Доно-
ван, — мы над этим работаем! А поскольку все крутые спецы
сегодня собрались в этой комнате, имеет смысл кое о чём напо-
мнить, чтоб никто случайно не облажался. Возражения?

— Никак нет! — гаркнул Холибэйкер.

— Лекция профессора Фальца про гороскоп атлантов скорее
всего окажется эзотерической чушью. Думаю, там мы встретим
в основном пожилых домохозяек и подростков, свернувшихся
на метафизике и потустороннем мире.

— Астрологи, гадалки, колдуны — все могут прийти полюбо-
пытствовать, — возразил Батлер. — Как-никак, что-то новень-
кое на горизонтах оккультных наук.

— Шабаш ведъм, — резюмировал Холибэйкер.

— Но мы, — повысил голос Донован, — не можем быть уве-
рены, что сам Фальц или кто-то из его окружения не окажется
владельцем мощного предмета. Муравей — не боевой талисман,
а Пиявка — не самый сильный. Как говорится, на глубине водят-
ся большие рыбы. Не хотелось бы, чтобы нами там позавтракали.

— Первый раз, шеф, вижу, что вы перестраховываетесь.

— Первый раз за последние пятнадцать лет кто-то бежит по
Европе и звонит в колокола: у меня есть предметы! У меня есть
предметы! Для чего это делается — ваши версии? Что-то кроме
мышеловки приходит в голову?

— Обмен? — неуверенно спросил Холибэйкер. — Кто-то ищет
конкретный предмет и готов ради него отдать свой...

— Лучший обмен — это изъятие. Лучшая покупка — даром, —
сказал Батлер. — Если Фальц — коллекционер, то у него вполне

может оказаться какая-то «тяжёлая фигура», с помощью которой он добывает всё новые.

— Поэтому мы пойдём на лекцию без предметов, — сообщил Донован.

— Что? — оба его помощника не поверили своим ушам.

— Как нормальные люди. Посидим, послушаем, потом, может быть, побеседуем.

За неполных пять лет Донован ни разу не расставался с Муравьём. Холибэйкер тоже всегда носил Пиявку с собой — с того дня, как забрал её у мексиканского наркоторговца в обмен на свободу — удачная тогда вышла сделка для обеих сторон...

— Линзы, — напомнил Батлер.

— Зря надевали, — хохотнул Холибэйкер.

— Почему же, — Донован улыбнулся. — У тебя ведь были голубые глаза, Джереми?

— Серые.

— Не важно. После того, как ты оставишь предмет в надёжном месте, глаза придут в порядок, и одна цветная линза будет очень кстати. Нас дразнят календарём со зверюшками? А мы их озадачим поддельной гетерохромией!

В окрестностях площади Ноймаркт былолюдно и шумно. Старый Кёльн радовался подкрадывающейся весне. На кустах проклюнулись первые почки. Неизвестно откуда выбравшееся солнце светило тепло и томно сквозь облачную дымку. Голуби собирались в бродячие стада и курлыкали как заводные.

— Чувствую себя голым, — пожаловался Холибэйкер.

Его верная Пиявка и Муравей Донована остались в камере хранения железнодорожного вокзала.

Три праздно шатающихся американских туриста пересекли трамвайные пути, миновали велосипедную стоянку, отчего-то забитую в основном мотоциклами, и нацелились на высокие двери фотогалереи. Обычно здесь проходили вернисажи заезжих мастеров или конкурсы жанрового снимка — длинный

перечень мероприятий был вывешен на входе наподобие театральной афиши.

«3–5 Марта, 12:00 и 18:00. Гороскоп Атлантов — Утерянная Мудрость?» Всё с большой буквы, с эффектными завитушками. «Лекция Профессора Гюнтера Фальца, Директора Музея Волшебных Фигур. Вход — 20 Марок».

Они пришли ко времени, почти минута в минуту — стрелки часов как раз сползались к зениту.

За дверьми лохматый студент, еле уместающийся в тесную кассовую будочку, продал им места в последний ряд.

— Да вы везунчики, — кривоулыбно улыбнулся он, отдавая Холлибэйкеру простенькие купоны с вписанными от руки номерами кресел. — Ухватили последнее.

Несмотря на будний день, небольшой плохо проветриваемый зал оказался заполненным под завязку. Ни Донован, ни Батлер не угадали, какую публику здесь встретят. Обзор крошечной сцены закрывали буйные шевелюры байкеров. Широленные спины, расшитые черепами, крестами, розами и крыльями спины, Обсыпанные заклёпками плечи и рукава. Специфический запах кожи, гуталина, табака, перегара и машинного масла. «Чёрные ангелы», «Рейнские Волки», «Призраки автобана», «Пасынки Смерти». Немногочисленные старушки, поштучно зажатые между толстопузыми байкерами, озирались с тоской и на всякий случай всем мило улыбались. Представители оккультной общности мероприятие, похоже, жёстко игнорировали.

Сцену закрывала бархатная штора, подвешенная на натянутую от стены до стены струну. Импровизированный занавес дрогнул. Зал, и без того шумный, отреагировал отдельными хлопками, топотом ног, свистом и гулом. Отодвигающий штору человек расслабленно поприветствовал публику покачиванием раскрытой ладони. Панибратский подход, никакой дистанции между зрителями и хранителем тайн мироздания.

За его спиной открылась пустая сцена — лишь на заднике разместились любопытная конструкция: большой круг,

разделённый на множество разноцветных секторов и пронизанный толстыми золочёными шнурами. Сложная верёвочная сеть частично крепилась за пределами круга, концы шнуров были то ли прибиты, то ли приколоты к заднику. Паутина поверх мишени.

Рыжеволосый и кудрявый, но с уползающей через лоб к затылку проплешиной, профессор Фальц напоминал злого клоуна. Его глаза издалека казались жирными чёрными точками. Присмотревшись, Донован понял, что это всё-таки линзы, тёмно-тёмно зелёные, будто отлитые из бутылочного стекла. На вид профессору было за пятьдесят. Дряблый подбородок, глубокие складки вокруг рта, губы словно подкрашены светлой помадой. Смелый имидж, подумал Донован. И как аудитория такое терпит?

— Дорогие мои! — вскинул руки клоун, сорвав новую порцию одобрительного рёва. — Меня зовут Гюнтер Фальц. Я профессор Гейдельбергского университета. Насколько мне позволяет замшелое учёное собрание, занимаюсь исследованиями в области космогонии. А за той гранью, где терпение университетских тугодумов кончается, я постигаю законы мироздания без их завистливой помощи. Ведь у меня есть два главных слагаемых успеха — сила моего мозга и... вы!

Нелепый пассаж, вновь встреченный «на ура». Клоун-популист, не стесняясь, играл на простейших инстинктах толпы, делал их соучастниками мистерии, поднимал их значимость в собственных глазах, намекал на особые перспективы...

Донован перемножил двадцать марок на приблизительное количество мест в зале. Основное слагаемое успеха оживлённо поддерживало докладчика, хлопало в ладоши и сыто рыгало. Какая-то смелая старушка демонстративно вышла из зала.

Дальше — не лучше: начался вброс обычной нудятины про цикличность развития человеческих цивилизаций, Гиперборею, ариев, атлантов, их великие достижения и ужасающую катастрофу, препятствующую обнаружению хоть каких-то свидетельств и подтверждений вышесказанного. Правда, всё это

приправлялось броской манерой изложения и фонтанирующим темпераментом докладчика.

Холибэйкер толкнул шефа коленом:

— В первом ряду по краям.

Поначалу Доновану показалось, что там сидят такие же байкеры. Два здоровых мужика в чёрной коже. Но, приглядевшись внимательнее, он отметил явную разницу: волосы коротко подстрижены на армейский манер, на пальцах массивные золотые печати, а не подростковая атрибутика с пышной символикой ночных волков. У одного к уху тянется пружинка провода. Оба не особо смотрят на сцену, больше косятся в зал. Лица, вроде бы, и европейские, но скорее что-то юго-восточное. Греки? Югославы? Хотя, может быть, и турки.

Пошатавшись по миру, Донован стал уделять повышенное внимание подобным нюансам. Чтобы эффективно прогнозировать поступки оппонента, всегда лучше разобраться с его национальными, культурными и религиозными предпочтениями. Очень помогает избежать глупых ошибок.

Эти двое как-то совсем не вязались с образом сумасшедшего немецкого учёного, созданным на сцене эксцентричным Гюнтером Фальцем. Матёрый докладчик сколачивает себе пару пфеннингов на хлеб с маслом — но здесь нет таких денег, чтобы привлечь внимание какой-то серьёзной структуры, значит...

Донован надолго задумался над этим «значит». Такие люди — как кочан капусты, листья торчат один из под другого. Кто ты, Фальц? Клоун, гений, дурак, провокатор, романтик, мошенник? Всё вышеперечисленное? Ничто из названного? Профессор Себе-На-Уме, не дающий подсказок, водящий за нос любого, кто влезет в его личное пространство...

Тем временем Гюнтер Фальц, прыгая по сцене и сверкая отвратительными глазами-пуговками, приступил к обсуждению базовых факторов, влияющих на формирование человеческой судьбы.

— Население Земли, мои дорогие земляне, вот-вот преодолеет отметку в шесть миллиардов душ. Больше трёхсот тысяч человек

рождается на свет е-же-днев-но! Неужели вы готовы поверить, мои дорогие независимые мыслители, что точнейший гороскоп, рассчитанный с точностью до дня, действительно предскажет единую судьбу для этой марширующей колонны братьев по дате рождения?! Только представьте, что такое триста тысяч: строим их в колонну по три, и мощным астрологическим маршем выходим в сторону Франкфурта! Авангард колонны уже стучится к «Старому рыцарю» на Риттергассе, а замыкающие всё ещё никак не тронутся с места и давно разбежались за своей дюжиной кёльша¹ по кабакам Ноймаркта! Вот что такое триста тысяч — а вы предлагаете мне поверить, что дата рождения — некий уникальный пропуск в ни на что не похожую судьбу!

Независимые мыслители свистом обозначили своё отношение к классической астрологии.

— А зачем ему линзы? — брезгливо спросил Батлер.

— Я бы спросил, зачем ему *такие* линзы, — сказал Донован.

Профессор, наконец, от критики чужих подходов подобрался к рекламе своего собственного. Донован слушал «по диагонали», словно читал скучную и не очень нужную статью. Там было что-то про две спирали, скрученные как в ДНК, и обозначающие мужской и женский мир. Про три опорных точки, отмеченные на спиралях датами рождения испытуемого и его родителей, про построение через них плоскости в пространстве судьбы и про пересечение этой плоскости с осью мироздания, защищённой тотемными животными. Холибэйкер, похоже, поймал кратковременную летаргию. Батлер же, наоборот, едва успевал конспектировать весь этот бред в карманном блокноте, сразу отмечая на полях возникшие в ходе лекции вопросы.

Донован не уставал удивляться способу мышления своего младшего сотрудника. Они познакомились семь лет назад в Стокгольме. Тогда группа впервые понесла реальный урон на подступах к предмету Опоссум. Батлер выловил Донована не в самый

¹ Kolsch — традиционный кёльнский сорт пива, подаётся только в специальных узких стаканчиках по 200 мл.

удачный момент: изувеченного Холибэйкера не так давно увёз реанимобиль, русский шпион Олаф Карлсон исчез вместе с предметом, а масштабная операция обернулась грандиозным провалом. Все пребывали в той или иной степени растерянности, поскольку всей подоплёкой происходящего владел только Донован — точнее, так он считал, пока к нему не подошёл молодой человек — второй секретарь посольства Дэвид Батлер.

Полагалось бы отчитать его за отсутствие должной бдительности — ведь в том числе и мимо наблюдательного поста Батлера проскользнул Карлсон, удирая из Стокгольма. Но Донован понимал, что причины проигрыша кроются в изначальном плане, а не в ошибках отдельных участников охоты. Распекать же кого-то, чтоб сорвать злость на самого себя, он считал бесполезным делом.

Но и Батлер подошёл отнюдь не чтобы извиниться.

— Вы не впадаете в ярость, когда слышите критику в свой адрес? — спросил этот наглец, остановив Донована прямо в коридоре посольства.

— Почти всегда, — ответил тот, — кроме случаев, когда критика подкрепляется доводами.

— Вам нужно было минировать сарай.

Донован не нашёлся, что ответить. Говорил ли о чём-то таком Каширин, рассказывая про эксперименты с Опоссумом? Почувствовал бы владелец предмета угрозу, исходящую от неживого предмета? Вряд ли, ничего подобного не говорилось...

— Уточните у вашего перебежчика, что он об этом думает, — добавил Батлер.

Донован как будто пропустил удар на ринге. В Швеции ни единая душа, включая посла США, не могла знать о Каширине ничего...

Через полгода молодой выскочка уже приступил к работе в группе Донована.

Это Батлер в девяносто четвёртом выловил в заирском хаосе налёк на информацию о Муравье. И он же кропотливо разрабатывал

мексиканскую тему по Пиявке, просиживая недели в Управлении по борьбе с наркотиками и отслеживая, как никому не известный мелкий дилер постепенно и почти бескровно подминает под себя целый штат.

В поисках и охоте незаметно пролетали годы. Донован очень хотел поощрить парня, но ни деньги, ни технические новинки в личный арсенал не стали бы достаточной наградой. Батлеру был нужен предмет.

От принципов составления гороскопа атлантов профессор свернул на коммерческие рельсы, приступив, по сути, к пересказу каталога реализуемой продукции. В какой-то момент рядом со сценой появилась его ассистентка, ярко-накрашенная брюнетка по имени Эльза, аляповатая и потасканная как цирковое имущество. Она прикатила сервировочный столик, заполненный красивыми запечатанными коробочками с эмблемой музея волшебных фигур. Многие байкеры явно были с ней знакомы и отпускали в её адрес солёные шуточки.

— Зачем этим двухколёсным сдались игрушки-зверушки? — негромко спросил Холибэйкер. — Почему они ведутся на такое... — не нашёл эпитета и развёл руками.

— Наверное, мы чего-то не знаем, — предположил Батлер.

Лекция увяла сама собой, превратившись в распродажу. Народ начал подниматься с мест, затолпился у сцены. Охранники, до сих пор сидевшие безучастно, встрепенулись и стали формировать очередь из тех, кто жаждал обзавестись талисманом из далёкой Атлантиды. На верхней крышке столика Эльза раскрыла ноутбук и с глубокомысленным видом вводила для каждого желающего в специальную программу три даты рождения — его собственные и родительские. Компьютер мгновенно выдавал ответ в виде списка подходящих фигурок. Что характерно, самые подходящие, стоящие в первых строчках, продавались в лучшем качестве и стоили всегда дороже. Но можно было выбрать и безделушку попроще, процедура предполагала

вовлечение широких слоёв общественности с разным уровнем достатка.

Батлер с блокнотиком пробился к сцене, где профессор что-то снисходительно втолковывал одной из пожилых дам, не на шутку проникшейся атлантической философией. Донован и Холибэйкер слишком близко подходить не стали, оставшись за первым рядом кресел и блистая оттуда своими нарочито разноцветными глазами. В паре это смотрелось эффектно.

— Господин Фальц, — улучил верное мгновение Батлер и, помахав блокнотом, привлёк внимание профессора на себя, — насколько я понял, нет однозначной взаимосвязи между тремя датами и выбором предметов. Вы очень мало рассказали о вот этих нитях, как их использовать, и... — зашуршал страницами, — и о матрице состояний...

— Что вы хотите? — устало спросил профессор.

По его лицу легко читалось, что всё уже, вроде, отстрелялся — а тут какой-то дотошный зануда требует продолжения лекции.

— Чётче формулируйте вопрос, молодой человек!

— Я просто хотел понять: если использовать большее количество данных о жизни человека, то и круг используемых талисманов можно существенно сузить? И приобрести более дорогой предмет, изображающий тотемного животного?.. Может быть, очень дорогой — но зато *настоящий*?

Фальц шагнул к краю сцены, навис над Батлером. Огляделся — и поймал устремлённые на него взгляды всей группы Донована. Они ждали реакции, которая могла бы хоть что-то подсказать им. Но в почти непрозрачных кругляшах профессорских линз что-то рассмотреть было абсолютно нереально.

Фальц согнулся как циркуль, уставившись Батлеру в глаза своими зелёными пуговками.

— Понимаю вас, — тихо и проникновенно сказал профессор, по-клоунски выгибая брови домиком. — Вам нужен настоящий предмет из Атлантиды. А вы в курсе, что Атлантида недавно затонула? Географию проходили? Лекцию мою слушали?

И засмеялся мелко и противно, словно в говорящем плюшевом медвежонке сломался механизм извлечения звука.

Вопреки опасениям, никто их не пытался преследовать и даже не крался следом, прячась в арках и за афишными тумбами.

Дойдя пешком до вокзала, с облегчением забрали предметы.

Не столько разочарованные увиденным на лекции, сколько озадаченные, они вернулись в свою гостиницу на окраине Кёльна. Запаслись двумя упаковками баночного пива и, попросив портье заказать пиццу, заперлись в «штабном» номере.

— И что это вообще такое было?

Даже неясно, кто задал вопрос — наверное, коллективное подсознание.

Защёлкали пивные крышки.

— Закрытая партия, — сказал Батлер.

— В смысле?

— Две стороны предпринимают какие-то осторожные шаги. Смотрят на реакцию друг друга. Делают ложные выпады.

— И каковы выводы? — Доновану не сиделось на месте, он бродил по номеру от двери к окну и обратно.

— В закрытой партии напряжение копится на определённом участке поля. А когда оно становится критическим, происходит прорыв. Мясорубка, мгновенный разрушительный шквал. Когда и если это случится, не хотелось бы оказаться на пути тяжёлых фигур. Теперь я даже не уверен, стоит ли соваться в их стационарный музей в Цвайбрюккене.

— Так что же — мы, получается, пешки? — возмутился Холибэйкер.

— Ну уж нет, — рассмеялся Донован. — Я думаю, мы — как минимум, лёгкие фигуры, ориентированные на быстрое перемещение и точечные удары. Наши предметы — не самые мощные из известных, зато они используются скрытно. А пешки... Пешки — это обычные люди. За время любой партии, как правило, большая их часть гибнет. Слишком неравны силы.

— Красивое сравнение, — задумчиво произнёс Батлер. — И нерадужные перспективы для младшего сотрудника группы. Кстати, сразу приходит в голову, что король немногим отличается от пешки. Чуть больше свободы перемещения, а в остальном он слабак.

— Хочешь сказать, у короля нет предмета? — подхватил Холибэйкер. — Как же он должен держать в узде своих ладей и ферзя?

— Чем ближе к единице соотношение сил противоборствующих сторон, тем выше потери обеих, — не обратив внимания на реплики подчинённых, развил тему Донован. — Лучшая война — быстрая война. В идеале — один точный удар. Никакой грубой мощи, бряцания арсеналами, патриотической истерии — ещё ничего не началось, а уже всё кончилось. Король противника покидает доску по естественным причинам, его армия дезорганизована, зрители могут идти пить кофе. Можно даже дать оппоненту сохранить лицо, сделать вид, что ничего не произошло.

— Как-то это не вяжется с нашей военной доктриной, шеф, — ухмыльнулся Холибэйкер. — Поправки к бюджету — всегда в большую сторону.

— Не вижу противоречия, — пожал плечами Донован. — Выставлять напоказ одно, а пользоваться другим. Прекрасная тактика.

— Думаю, в следующем веке войны действительно станут такими, — сказал Батлер. — Фронты и окопы — в прошлом. Я горд тем, что мы на острие.

Последние слова были важны для Донована.

— Надеюсь, ты не забыл, — сказал он Батлеру, — что следующий предмет — твой.

Тот только кивнул, не поднимая глаз.

ГЛАВА 8

С ПРИСТРАСТИЕМ

*Юго-запад Германии, точнее узнавать не стоит
3 марта 1999 года*

— Хочешь, вырву ручник?

— Ну и тупая же шутка!

Эти двое никогда особо не ладили, Фитор и Энвер. Оба бывшие кикбоксёры, оба круглоплечие, толстошеие, с поломанными ушами и не слишком удачно вправленными носами. Не близнецы, конечно, но слепленные по одному лекалу, они всегда соревновались друг с другом — в деньгах, в важности дел, в преданности пронару. Иногда в жестокости.

Сегодня Бык достался Фитору, и он откровенно издевался над Энвером. Тот ожесточённо крутил баранку, стараясь не отстать от улетающей за горизонт серебристой машины. Их «БМВ» явно не уступала в скорости преследуемому «опелю», но гонщик из Энвера получился никудышный — на скорости выше двухсот он начинал побаиваться виражей и рефлекторно сбрасывал газ. А тут ещё и Фитор не давал расслабиться — того и гляди что-нибудь учудит от избытка сил.

— Куда он так шпарит?! — Энвер, снова прибавив скорость, то и дело поглядывая на спидометр, где стрелка завалилась вправо.

— От тебя удирает, — жизнерадостно заявил Фитор.

Он выудил из-под сиденья монтировку и теперь развлекался с ней, скручивая то в бублик, то винтом.

Вызвали бойцов внезапно — сдёрнули из спортзала посреди тренировки. Ни вымыться, ни переодеться в чистое. Когда зовёт пронар, заставлять его ждать не принято.

Пока Энвер забирал из гаража форсированную «БМВ», которую не разрешалось брать без особого разрешения, Фитор причастился у доктора Руая пилюльками и получил от пронара Быка. Инструкции были короткие и понятные.

Припарковались у музея, дождались клиента — черноволосого парня лет двадцати — двадцати пяти, не худого и не толстого, не высокого и не низкого, короче, не особо приметного — если б только не глаза.

Парень сел в прокатную «Вектру», бойцы потихоньку тронулись за ним. Клиент оказался шустрым, видно, в детстве в Шумахера не наигрался. Еле нагнали его у аутлета, там он, похоже, кого-то подсадил к себе — и тут же снова начали отставать, стоило выехать на автобан. Шило в заднице, а не клиент!

— Как думаешь, — спросил Энвер, — он с чем ходит?

Так они обычно говорили про фигурки.

— Думаю, у него гепард какой-нибудь. Или рыба-меч. Сейчас разгонится до трёхсот и взлетит, — благодушно фантазировал Фитор. — А ты рули-рули, тебе потом объяснять, если что!

Серебристый «опель» далеко впереди перестроился вправо.

— Смотри, сворачивает!

— Там и возьмём его, — заключил Фитор.

Бык мутил его разум, накачивая не только физической силой, но и самоуверенностью.

— Ты поостынь, боец! — напрягся Энвер. — Это сербская бензоколонка.

— Да хоть британской королевы!

— Остынь, говорю! Хочешь пронара с Вуком стравить? Я туда не сунусь. Давай на въезде подождём.

У балканских эмигрантов в Райнланде староста сербской общины Вук пользовался не меньшим авторитетом, чем Джак Уштар. Югославы селились, в основном, ближе к Франкфурту, развивали «белый» бизнес наравне с криминальными схемами, всё как у всех. Вук и Уштар старались утрясать возможные конфликты — войн хватало на исторической родине, а сюда,

в сытую Европу, люди приезжали за спокойствием и заработком. Лучше уж худой мир, повторяли оба — и старались не слишком наступать друг другу на мозоли. Формальная граница между сербской и албанской зоной влияния проходила где-то между Майнцем и Саарбрюккеном.

— Ладно, — неохотно согласился Фитор. — Но я бы зашёл, осмотрелся. Если он не один, хоть посмотрим, с кем.

— Э, нет! — Энвер покрутил головой. — Пойдёшь с Быком — разнесёшь там всё. Не помнишь, как это бывает?

Фитор заулыбался — он помнил.

— Здесь оставлю, — принял он решение.

— Не боишься, что я заберу? — поддел Энвер.

— Давай, рискни, удачи тебе.

Оба прекрасно знали, что, заранее не выпив пилюли Руая, к предмету лучше даже не прикасаться.

— Короче, идёшь по-быстрому, сечёшь расклад, и сразу назад! — Энвер ушёл в крайний правый, включил поворотник. — Если с парнем есть кто-то второй, рассмотри внимательно — надо пронару докладывать. Я встану тут, на полпути.

— Не учи!

Фитор открыл бардачок, положил туда металлическую фигурку Быка.

Добавил:

— Стереги его!

«БМВ» свернул с трассы и остановился так, чтобы было видно одновременно и бензоколонку, и выезд, и торговое здание. Фитор вылез из машины и вразвалочку пошёл ко входу. Всё было в порядке: серебристый «опель» стоял тут как тут, припаркованный неподалёку от крыльца.

Фитор с удовольствием размял ноги, пока шёл по холодку. Ему не сиделось в машине, хотелось действия, да поскорее. Хотя Бык остался в машине, Фитор всё ещё чувствовал остаточное бурление крови, позволяющее мышцам преодолевать сверхусилия,

а кулакам — ломать бетонные стены. Сейчас бы тёлку, подумал он. Разогнать адреналин, снять напряжение.

Это только в кино бойцов показывают тупыми животными. Фитор не замыкался на «работе» — его интересы были шире, чем у иных умников. Особенно после того, как года три назад ему впервые доверили Быка, и на первом задании он без труда перевернул грузовик-трёхтонку. Фитор выучил на латыни название всех мышц, в свободное время читал методические пособия по культуризму и спортивной медицине. Тонус, молочная кислота, адреналин — эти термины были для него не пустым звуком. Он любил своё тело и прислушивался к нему, пытаясь получше разобраться, как и почему этот сложный агрегат функционирует без сбоев, и что с ним происходит, когда рядом оказывается всемогущий Бык. Куда исчезают естественные барьеры возможностей, за которыми при сверхнагрузках неизбежно должно было бы следовать разрушение организма — но не происходило благодаря чудодейственной фигурке.

Фитор понимал, что парень с разными глазами может оказаться совсем не прост, и готовился к противостоянию. К примеру, среди людей Джака Уштара ходили разговоры о том, что в Армаде — очень серьёзной и безжалостной группировке, занимающейся только крупными проектами в Европе, а то и по всему миру — есть бойцы, умеющие «ускоряться» так, что их не увидишь глазом и не возьмёшь пулей. Только что ты держал такого на мушке, а уже лежишь с перерезанным горлом, и никакой Бык в помощь не будет. Что, если сегодняшний клиент и есть тот быстрый боец?

Фитор взбежал по ступенькам и, звякнув дверным колокольчиком, вошёл внутрь. Обогнул развал с журналами, стойки с омывателем для стёкол и жидкостью для розжига барбекю. Тысяча мелочей ждала своего покупателя. Подумав мельком, не надо ли чего взять домой, он обогнул стеллаж с детскими игрушками и стоящий в торце манекен в непромокаемой ветровке.

— Йошка! Милый!

Смазливая блондинка, хлопая ресницами, шла ему навстречу. Одета неярко, но изысканно — тёмная юбка до колен в широкую клетку, фасонистая куртка из тонкой и дорогой кожи. И походка — хотел бы Фитор, чтобы какая-нибудь из его подружек умела так шевелить ногами! Он обернулся посмотреть, каков из себя везучий Йошка, но там лишь тянулись полки с десятком видов пасхальных кексов. Голос у блондинки был чувственный и певучий.

— Неужели ты обиделся?! — произнесла она прямо Фитору в лицо, доверчиво кладя ладони ему на плечи. — Ну, прости! Пожалуйста! Ты умчался — я даже не успела тебе всего объяснить...

Какой очаровательный говор, австрийка, что ли? Секунду назад он собирался предупредить красотку, что она обозналась, но наивное «прости», намекающее на какую-то предысторию, сбило его с толку. А предполагаемая австрийка, не теряя ни секунды, принялась осыпать тёплыми скользящими поцелуями его щёку и шею.

Фитор считал себя дисциплинированным бойцом, не способным подвести пронара — но тут ничего нарушать и не требовалось: вот сейчас туман развеется, сказка кончится, и можно будет пойти за разноглазым мальчишкой. Он лихорадочно соображал, что бы такого сказать рассеянной красотке, и надо ли вообще что-либо говорить: незнакомка явно не нуждалась в его репликах.

— Думаешь, забыла? — её глаза налились тёмным светом, в голосе прорезалась хрипотца.

Указательный палец с нажимом соскользнул по его груди, животу и застрял, зацепившись за широкий ковбойский ремень.

Сразу захотелось действовать решительнее. Фитор провёл ладонями по её плечам и спине, миновал талию и едва угадываемые границы белья под плотной юбкой, — неужели пояс с чулками, ну надо же, диво какое! — а потом сполз на волнуяще закругляющееся — и заграбастал, притянул к себе.

— Дурачок, — взволнованно зашептала австрийка, не пытаясь отстраниться, — хороший дурачок... Надо куда-то... Я же с мужем...

Фитор, не убирая рук с её волшебного тела, воровато заозирался. Муж?! Какой он хоть из себя? Пробежав взглядом по верх торчащих над стеллажами сковородных ручек и рыболовных сачков, он убедился, что хотя бы рядом никого нет. Но это устраивало не в полной мере. За поворотом он углядел дверь подсобки, и как будто даже приоткрытую.

— Пойдём-пойдём, — он почти поволок австрийку туда, — быстренько, тихо, давай!

О чудо! — дверь действительно не была заперта. Незнакомка уцепилась за руку Фитора, позволяя вести её за собой. Они прошмыгнули внутрь, хихикая как школьники. В подсобке по одной стене стоял короб от холодильника, вместивший швабры и вёдра, и перекошенный двустворчатый шкаф, по другой — длинный металлический стол, наполовину заваленный хозяйственным хламом.

Едва сдерживаясь от запредельного желания, Фитор походя облапал спутницу, и — «Йо-ошка!» — восторженно-негодующий выдох разбудил ещё больше фантазий. Он приподнял её за подмышки, усадил на стол, подтянул за бёдра к себе, рывком расстегнул ремень.

Незнакомка обвила вокруг его поясницы сильные ноги с мускулистыми икрами, а сама чуть откинулась назад, поймала глазами его алчущий взгляд и улыбнулась — томно и хищно.

А в следующую секунду за спиной Фитора приоткрылась дверца шкафа, и мускулистый загривок бывшего кикбоксёра принял нокаутирующий разряд в двести тысяч вольт, если, конечно, инструкция электрошокера не завывала показатели.

Фитор изогнулся дугой, да так и замер, пока Наталья Андреевна не соизволила разжать хват и отпустить обмякшее тело в руки вылезающего из шкафа Константина Эдуардовича. Тот медленно опустил безжизненную тушу на пол. Не удержавшись,

бросил косой взгляд на заголённые бёдра под задранной до трусиков юбкой.

— «Йо-ошка!» — передразнил её Константин Эдуардович. — Да это целый ёшкин кот.

Наталья Андреевна, всё ещё часто дыша, одёрнула подол, слезла со стола.

— Пойду, пожалуй, — переступила через голову Фитора, повернула защёлку.

И услышала в спину злое — не по звучанию, а по сути:

— Нравится, да?

— Работай, трудяга, — язвительно ответила она.

Вышла в пустой торговый зал, закрыла за собой дверь, потянулась как сонная кошка. Да, нравится. И тебе бы понравилось, можешь не сомневаться, Костечка. Привлечение чужого желания — эта игра затягивает с головой! Осознание того, что она может вот так, запросто, окрутить, привлечь, влюбить в себя первого встречного, распирало её изнутри. Бросить всё, уехать в Лос Анжелес или Венецию, охмурить какого-нибудь Ричарда Гира или Мэла Гибсона, и... Кролик — не для спокойной жизни, правда, Наташка?..

Конечно, она знала, что никогда так не поступит. Как бы ни подчинялся ей металлический грызун, как бы ни хотелось с его помощью закрутить какую-нибудь сногшибательную авантюру, на работе такого не поймут и не простят. И тогда ей понадобятся не навыки, дарованные Кроликом, а умение как у Яна — исчезнуть, раствориться, избежать чужого внимания. Нет, она не собиралась прятаться всю жизнь ради нескольких недель или месяцев вседозволяющего безумства.

Наталья Андреевна машинально поправила кулон с кроликом, на длинной цепочке скрывающийся под свитером. Стриженный худощавый парень в толстовке с надписью «Црвена Звезда» прошёл ей навстречу и скрылся в подсобке. Помощнички подтянулись... Но это были уже не её заботы.

Ян устроился с подносом за весёлым оранжевым столиком под искусственной пальмой. Судя по количеству пустых бумажных

тарелок, он уже приканчивал десерт. На другой стороне стола стоял стакан сока с пластиковой крышечкой, а рядом на салфетке лежала красивая слоистая выпечка с застывшими в желе разноцветными фруктами.

Хороший мальчик, подумала она. Неслышно подошла со спины и тихонько потрепала его по плечу.

— Отличный кренделёк, спасибо! Будет на вынос. Едем?

— Кофе не хотите?

— Дотерплю до отеля.

Ян одним глотком опустошил свой стакан, сгрёб тарелки на поднос, поднялся.

— Дранг нах гастхаус! — провозгласил он.

— Звучит бодро! А что это значит? — мило улыбнулась Наталья Андреевна, заворачивая пирожное в салфетки и забирая стакан с соком.

— Марш в гостиницу! — ответно улыбнулся Ян.

Хороший мальчик, подумала она снова. Попробовать, что ли, с ним обойтись без Кролика? А то как-то неспортивно.

Энвер волновался всё больше. Прошло больше десяти минут, а Фитор не вернулся. Да ещё и оставил Быка в машине! Теперь получалось, что Энвер в ответе за фигурку. Мобильный Фитора — вне зоны доступа, и что прикажете делать?! Не надо было, нельзя было заезжать на чужую бензоколонку...

По ступенькам торгового комплекса спустилась молодая женщина, держащая в руках белый свёрток и бумажный стакан. Следом за ней вышел разноглазый парнишка. Так вот кого он подбирал в аутлете! Ничего так, Энвер тоже подобрал бы такую. Где Фитор? В сортире застрял, что ли? Пора бы ему уже выйти, они же сейчас уедут.

Но Фитор не шёл.

Длинная и стремительная «Вектра» выскользнула с парковки. Сидящий за рулём парнишка внимательно посмотрел на Энвера. А тот так и не решил, что же ему делать.

Наконец, чертыхнувшись, он достал из кармашка на двери мягкую тряпку, которой иногда протирает стёкла. Открыл бардачок, осторожно взял тряпкой Быка, завернул и убрал в карман куртки.

В торговом комплексе Фитора не было. Ни в кафе, ни в магазине, ни в туалете, ни в подсобном помещении, куда Энвер сунулся как бы по ошибке, чтоб не нарваться на конфликт. Пару раз он ловил пристальные взгляды официантов из «Куханья у Београду». Не стоило оставаться здесь дольше.

Уже выйдя на улицу, Энвер позвонил в Бюро.

«Вук» по-сербски означает «волк». Волк, а не шакал! Происходящее — пусть не в его доме, но всё-таки на его территории — нравилось Вуку всё меньше.

Маленький тихий бюргерский городок в стороне от оживлённых трасс. Заброшенная табачная фабрика с просевшими коньками крыш, выбитыми окнами, растрескавшимся фундаментом не стоила здесь слишком дорого. Вук оставил всё как есть — развалины не привлекают слишком много внимания и привычны взорам местных жителей. Лишь привёл в порядок одно из внутренних зданий, не просматривающееся с улицы. Да выставил перед воротами плакат: «Продаётся промышленный объект. Под реставрацию и модернизацию». И телефоны. И цена — раз в двадцать выше реальной рыночной, чтобы никакому сумасшедшему не пришло в голову прицениться.

— Константин, — сказал Вук русскому, чёрной птицей согнувшемуся над лежащим на полу бесчувственным телом, — я обещал тебе содействие, выделил ребят, транспорт. Но я очень надеюсь, что с этим человеком не случится чего-то нехорошего. Ты понимаешь, кто он. А с теми, что стоят за ним, нам тут жить. Ты уедешь, а мы-то останемся.

— Ничего ты мне не обещал, — легкомысленно ответил Константин Эдуардович, — вообще ничего. Просто ты нам много, очень много должен. Никто не спрашивает с тебя денег, правильно,

Вук? Мы же попросили о сущей мелочи — дать спокойно пообщаться с одним человеком. И что ты тут маячишь? Я разве говорил, что мне нужны ассистенты?

Вук мрачно вздохнул. Всё верно, где долги — там и отработка. Только этот мешок мышц, лежащий в отключке — не абстрактный «человек», а Фитор Тьёр, известнейший в Райнланде козовар, входящий в круг доверенных лиц самого Джака Уштара. Фитор-Скала, самолично очистивший Саарбрюккен от курьеров ндрангеты¹. Когда говорят «с одним человеком», таких как Фитор в виду не имеют. Он бы ещё Медждима Руая сюда притащил!

Русский деловито готовил пленника к беседе. Надел ему на глаза очки для сна с вышитым летящим самолётиком. Принёс из угла стул. Рядом на одном из стоящих вдоль стены верстаков расстелил газету. Достал из своего красивого и непрактичного кожаного саквояжа обычную автомобильную аптечку. Аккуратно извлёк из неё два инсулиновых шприца с тонкими иглами. Включил на запись и поставил на паузу кассетный диктофон. Проверил, надёжно ли упакованы руки, засунутые с двух сторон в узкий длинный чехол и сложенные в нём на груди, а затем уже зафиксированные между собой от локтей до плеч тугими бинтами. Неразборная буква «П». То ли смирительная рубашка, то ли подготовка фараона к захоронению. Добротная фиксация, ни люфта, ни синяков.

В конце концов, Константин соображает, что делает, решил Вук. Он знал русского всего три года, но его предшественника — все двадцать, с той азартной поры, когда ещё был Запад и был Восток. А за двадцать лет Вук успел убедиться, что коллеги Константина чётко определяют свои задачи и владеют средствами их выполнения. Он действительно задолжал им — то, какого положения в Райнланде достиг простой югославский эмигрант, было бы невозможно без долгих и тщательных вливаний — деньгами, контактами, услугами...

¹ 'Ndrangheta — крупная итальянская организованная преступная группировка, происходящая из Калабрии

И оскорбительную манеру беседы, выбранную русским, приходилось проглатывать. Если бы их разговор слышал бы хоть кто-то из людей Вука, Константина пришлось бы заткнуть. Но телохранители руководителя общины в данный момент контролировали внешний периметр и находились далеко за пределами слышимости. Вук снова вздохнул и вышел. Нет смысла ссориться. Все нужны друг другу. Слишком много общих интересов.

Этой зимой ему исполнилось шестьдесят. Круглая дата неожиданно подействовала на Вука удручающе. Он стал хуже спать, меньше работать, чаще перекладывать заботы на плечи подчинённых. В южном крыле здания у него был оборудован простой по обстановке, но вполне функциональный рабочий кабинет. Теперь он часто приезжал сюда, чтобы просто провести время за томиком Андрича или, устроившись у окна, посмотреть, как идёт дождь.

Дотащившись до кабинета, Вук включил чайник и выставил на стол сахарницу и вазочку с печеньем. Вряд ли он понадобится Константину в ближайшие полчаса...

Из внутреннего кармана пиджака раздались первые аккорды «Адриатического моря». Вук достал очки, нацепил их на нос. Затем достал телефон и посмотрел, откуда идёт звонок.

Этот абонент был вбит в его телефонную книгу одними инициалами. «Дж.У». Пришла беда — отворяй ворота, некстати пришла на ум русская пословица. Помешкав пару секунд, Вук нажал клавишу приёма.

Константин Эдуардович не без оснований считал себя классным специалистом по проведению допросов. Он владел множеством техник, подразумевающих использование всего спектра подручных средств. Иногда средства и не требовались. Ведь начать можно и с дружеской доверительной беседы.

Сегодня, конечно, о доверии речи не шло. Судя по репутации пленника, разговор предстоял непростой и тягомотный. Мало

того, в процессе изъятия собеседника из среды его обитания выяснилось, что по местным меркам у него что-то вроде дипломатической неприкосновенности! Наталья Андреевна имела неосторожность захомутать какого-то местного авторитета, которого с ходу узнали в лицо даже мальчишки на подхвате. Отсюда следовало, что после обсуждения актуальной тематики придётся его незамедлительно отпустить восвояси, убедившись лишь в том, что он никогда не найдёт обратной дороги к месту сегодняшней встречи и толком не сможет никому объяснить, что же с ним такое приключилось.

Илья Ильич ещё в Москве предупредил: не вздумай как-то подставить Вука. Работать, соответственно, приходилось с оглядкой.

Исходя из имеющихся входящих факторов, Константин Эдуардович остановился на медикаментозном варианте допроса. След от инсулиновой иглы не так-то просто обнаружить где-нибудь за щекой, под коленкой или между пальцами ног. Маленькая точка, не больше комариного укуса, главное — обойтись без гематом. Но рука у Константина Эдуардовича была твёрдая, глаз точный, уколы он ставил идеально и за техническую сторону вопроса не волновался.

Необходимо было определиться также и с типом препаратов. «Сыворотку правды!» — закричал бы досужий обыватель — и заткнулся бы при первом же уточняющем вопросе.

Константин Эдуардович счёл уместным последовательное использование трёхкомпонентного состава. Безопасные препараты без побочных эффектов, передовые разработки специализированных отечественных лабораторий. Первую инъекцию — подготовительную, смесь снотворного с сильным долгоиграющим галлюциногеном, он подготовил и сделал ещё на бензоколонке, пока будущий собеседник отдыхал после общения с шокером.

Теперь как раз подходил черёд второго компонента. Стимулирующая деятельность головного мозга и подавление — спинного. Другими словами, временный паралич конечностей, препятствие

снятию информации с нервных окончаний. Дикция, конечно, пострадает, но не фатально. Пленника и так будет не заткнуть — речь польётся рекой, только успевай вычерпывать. В темноте, без ощущения тела и со спутанными первым уколом мыслями он должен даже получить удовольствие от общения с ангелами, или персонажами любимых мультфильмов, или ушедшими предками — тут уж не угадать, какой волной его подхватит.

Ну, а третий шприц ждал своего часа для вежливого прощания, расшаркиваний и дежурных любезностей. Слабенькое снотворное, плюс нейтрализатор присутствия первых двух компонентов, плюс «отдушка», содержащая каннабиониды и продукты их распада. Даже самый тупой полицейский эксперт быстро и безошибочно распознает в анализе пациента след марихуаны.

Вот такого плана Константин Эдуардович собирался придерживаться в предстоящем диалоге — с максимальным уважением к личности собеседника. Он водрузил Фитора-Скалу на соседний верстак, снял с него шарф, сложил в несколько слоёв и подоткнул под голову. Пусть ему будет удобно.

Взяв шприц, Константин Эдуардович как заправский стоматолог сделал неподвижному пленнику укол под верхнюю губу. Отжал кнопку паузы на диктофоне. Уселся на стул и стал ждать. По его прогнозам, чудесное пробуждение Фитора-Скалы в стране ангелов должно было состояться в ближайшую минуту.

Пленник ожил. Дрогнул подбородок. Нитка слюны протянулась через щёку к мочке уха.

— Thirrje Dem Roje! — прогундосил он, почти не разжимая губ. — Thirrje Dem Roje!

Ну, ничего себе, так дело не пойдёт! Константин Эдуардович встал у Фитора в изголовье и громогласно изрёк на безупречном хохдойче:

— Дай ответ за дела свои, Фитор, раб презренного Джака Уштара, перед высшим судом Вальгаллы!

— ...кроме Аллаха, и Мохаммед пророк его, — возразил пленник, но, к счастью, уже по-немецки. — Другим неподсуден.

— Что ты скажешь о металлических зверях, дарящих умения? — смена тактики, по теологической тропке можно уйти чересчур далеко.

— Быка, ношу Быка, ношу Быка! Моё проклятие, моя гордость, лучший, зовусь Скалой, во славу Быка, ношу Быка!..

Константин Эдуардович давным-давно проверил все карманы пленника, но не нашёл там ничего кроме завернутой в клочок бумаги пилюли без маркировки. Никаких быков.

— Где же твой Бык?

— Бык — война! Война! Давить! Рвать! Бойтесь Быка! Смотреть — не ломать, Бык спит, Бык один, я один, мальчишка, а я один, потерял, упустил!

— Ты оставил Быка? Не взял с собой?

— В машине спит Бык, в машине сидит сторож, враг мой, друг мой, Бык спит, он смотрит...

— Зачем тебе мальчишка?

— Разные глаза, кто такой, с чем ходит, кто такой, сам пришёл, сам искал, глаза умирают, не пил защиту, скоро свободен, знать предмет, пронару предмет, нам хвала!

Константин Эдуардович не успел сформулировать вопрос о том, что значит «пить защиту» — Фитор заговорил всё быстрее:

— Ушёл, найдём, ушёл, недалеко, не спрятаться, не схитрить, не обмануть, Гончий по следу, как тень, как тень, не обмануть Пса, найти, забрать, забрать, забрать, пронару предмет, Гончему хвала!

Теперь пленник говорил без остановки, разгоняясь всё быстрее.

— Расскажи тайну! — крикнул Константин Эдуардович, абсолютно не веря, что его услышали.

Диктофон, шурша, проворачивал кассету. Первое прослушивание текста никогда не даёт полной картины, о чём же в действительности говорилось. Можно воспроизводить запись два, три, десять раз — снова и снова будут всплывать не замеченные ранее подробности, нюансы интонаций, скрытые смыслы.

В якобы бессвязной речи Фитора-Скалы пряталась бездна информации, а говорил он не переставая.

— Ночь, утро, говорим, опоздаем, по воде, быстрее, они там нужнее, куда вам, бездельникам, под кресты не заглянут, Салу знают, а мы, а мы...

Кому-то предстояло корпеть над этим потоком сознания, вычленять из белого шума заглушенного химией интеллекта крупницы полезных знаний. По мере сбора информации о Джаке Ушtare и его связи с музеем волшебных фигур каждая нота может лечь в песню, каждому слову может найтись объяснение...

Но что-то пошло не так. С каждой фразой речь пленника становилась всё резче. Задёргались шейные мышцы. Полетела с губ слюна. Тело Фитора оставалось недвижимым ещё какое-то время, а потом вдруг взбрыкнула правая нога.

Константин Эдуардович рылся в аптечке, готовя дополнительную дозу второго компонента. Тем временем пленник начал багроветь, на лбу проступили тёмные, почти чёрные вены.

— Призываю Стража Быка! — во весь голос закричал он и захрипел, голова резко повернулась вбок, шею перекосило, будто она начала завязываться в узел. — Призываю... Стража... Быка!.. — еле слышно сквозь kloкотание жидкости в трахее выдохнул он.

Константин Эдуардович прямо в шею всадил ему шприц, но...

Вук размачивал в остывшем чае сухие галеты и подолгу пережёвывал безвкусную мучную кашу. Пора было заканчивать этот опасный эксперимент, но отвлекать Константина он не видел смысла — это только удлинило бы ожидание.

Уштар попросил разъяснений. Вук пообещал разобраться и сообщить, каковы новости. Конструктивное общение старых противников. Но разумное время на сбор информации давно уже вышло, а звонить албанцу, всё ещё удерживая его бойца у себя, Вук не хотел. Пусть Константин уже закончит свои дела, пусть отвезут Фитора-Скалу в какое-то нейтральное место, тогда можно будет в корректной форме дать Уштару от ворот поворот.

— Вук!!! — голос Константина прилетел издалека и проник через закрытую дверь. — Вук!!!

Неужели всё? Наконец-то! Югослав отложил галету на край сахарницы, отряхнул руки и быстро, как мог, пошёл на зов.

Константин встретил его на пороге. На русском не было лица. — У нас проблемы, — сказал он.

Вук заглянул за дверь. Фитор-Скала с распухшим как у утопленника лицом свесился с верстака, на губах клочьями застыла сизая пена, глаза так и остались под заглушками очков для сна.

— Нет, сынок, — совершенно спокойно ответил югослав. — Теперь проблемы у тебя. Слушай внимательно! Сделаешь всё, что я тебе скажу. Иначе не выкрутимся.

Джак Уштар каменным изваянием сидел в кресле.

Два часа назад Энвер вернул пронару Быка — словно жетон погибшего на задании солдата.

Настенные часы отрезали всё новые ломтики времени — но без толку, югослав не звонил.

Открылась боковая дверь — кабинеты Уштара и Руая соединялись напрямую.

По выражению лица пронара доктор всё понял и лишних вопросов задавать не стал.

— «Вестфалия» уже в пути, — сказал Руай. — Сала заявлен помощником капитана. Нужен инструктаж, надо срочно звать его сюда. С каждым часом догонять станет сложнее, да и капитан может заартачиться.

Уштар его не слушал:

— Если эти ублюдки думают, что можно красть моих людей среди бела дня...

Его реплику прервал телефонный звонок.

— Я опросил людей, — неживым голосом сказал Вук. — На бензоколонке видели только одного твоего человека. Он приехал около половины четвёртого. Как ошпаренный, забежал

в магазин, в ресторан, обнюхал каждый угол, влез в служебные помещения. Потом прыгнул в машину и уехал. Там установлено несколько видеокамер. Я попросил директора об одолжении, завтра утром он пришлёт тебе записи за этот период времени. Что ему вообще понадобилось на нашей заправке?

Джак Уштар помолчал, чувствуя, как по телу расплавленным чугуном разливается ненависть.

— Меня не устроил твой ответ, Вук! — сказал он негромко.

— А другого у меня нет, — ответил югослав. — И ты, похоже, забыл, с кем разговариваешь.

После чего повесил трубку.

Руай, как обычно, по-паучьи скрючился в угловом кресле.

— Он врёт, — сказал Уштар. — Доказать ничего не могу, но чувствую! — Треснул кулаком по столу. — Завтра пришлёт мне записи с камер. Завтра, понимаешь! Потрёт оттуда всё, что мне не надо видеть — и пришлёт! Вук, похоже, что-то потерял: или разум, или контроль над своими людьми.

— Одно без другого бесполезно, — заметил Руай.

— Я не могу оставить это без ответа, — сказал Уштар.

— Сейчас не ко времени.

— А когда — ко времени? Надо подумать об адекватном наказании.

— Позови Гончего.

— Зачем терять время? — раздражился Уштар. — Всё ясно и так, а Гончий только сегодня утром вернул Пса.

— Ты безоговорочно принимаешь на веру слова второго бойца, — раздражение пронара не остановило Руая. — А если он как-то в этом замешан? Они со Скалой едва терпели друг друга. Или вдруг Фитора подкупил тот парень, за которым мы его послали? Сидит он сейчас в бизнес-классе трансконтинентального «Боинга», пересчитывает наличность и прикидывает, как в ближайшие годы распределить её между водными и постельными видами спорта! О таком варианте ты не думал?

Уштар озадаченно молчал.

— В любом случае нужно разобраться, что же произошло, — добавил Руай. — А не разобравшись, где сейчас Фитор, мы не поймём ровным счётом ничего. Сам решай, конечно.

Пронар, наконец, взял себя в руки.

Нагнулся к коммутатору, ткнул в кнопку диспетчера:

— Салу ко мне, через пять минут. Петер, возможно, ещё в «Приюте». Разбудить, и ко мне. Через полчаса. Ещё мне нужно что-то из личных вещей Фитора. Срочно. Выполняйте.

И повернулся к Руаю:

— Грядёт война! Ты готов?

Доктор пожал плечами:

— Бинтов хватит. А сила за нами.

В их ушах уже запели трубы и загремели полковые барабаны. Оставалось только убедиться в местонахождении Фитора и узнать, что с ним случилось. В том, что это удастся сделать, сомнений не возникало. Это было неизбежно как приход зимы вслед за осенью или гром после молнии. Не нашлось пока на Земле человека, способного укрыться от нюха Пса.

Уштар и Руай ещё не знали, что диспетчер не найдёт Петера ни сегодня, ни завтра — по вполне бытовой и объяснимой причине. Вернувшийся из дальних странствий Гончий, всё острее осознавая смерть кузена, решил побороться с одиночеством старинным проверенным способом. И любовь — или подобие любви — да какая, в сущности, разница! — ненадолго остановила войну — хотя бы на два дня и две ночи.

ГЛАВА 9

КТО ОТ ЗАЙЦА УШЁЛ?

*Майнц, Германия
5 марта 1999 года*

Время застряло на бездорожье. Рабочая неделя подошла к концу, стрелки часов крутились не медленнее, чем обычно, но как будто на месте — ничего не происходило, ничего не менялось.

Третий день Ян ждал разговора с профессором Фальцем, но телефон молчал, а надоедать звонками в музей и мучать ни в чём не повинную билетёршу — увольте! От того, что скажет любитель волшебных фигур, зависело, удастся ли Яну выкрутиться без лишних потерь из передряги, начавшейся в «Шереметьево» в последний день февраля. Нет денег — нет заказов — нет доставки — работа не выполнена. Потеря лица, штрафы и контрибуции. Нельзя ехать — нет доставки — работа не выполнена...

Виталий тоже не добавил оптимизма: когда Ян сам разыскал его в офисе «Эйртранса», тот сказал с интонацией махрового заговорщика, что сейчас перезвонит с другого телефона. Что и сделал минутой спустя. Неохотно признался, что новости есть, и их, как водится, две.

— Начни с плохой, — попросил Ян.

Но Виталий начал с хорошей:

— Документы твои из милиции забрали.

Новость была просто отличная, лучшая из всех вообразимых, что же тогда он так мнётся?

— Только забрали не мы.

Очень вкратце, поскольку и сам знал не много, Виталий изложил ход событий. Какая-то проверка в аэропорту — то ли спецоперация, то ли чистка в рядах. Линейщик, с которым Виталий успел два раза встретиться, и с которым завязалась торговля за содержимое папки с конвертами, скоростно свинтил в отпуск за свой счёт, а паспорт Яна Вана вместе с папкой переместились не куда-нибудь, а в ФСБ.

Спокойствие, только спокойствие!

Виталия на работе навестил товарищ в штатском, эдакий ферзь лубянский, в звании полковника, между прочим. Свиридов, Илья Ильич. Добродушный до мурашек. Расспросил, что к чему. А как ему отвечать? — Виталий к такому повороту не готовился. Начал запыраться — всё добродушие гостя мгновенно рассосалось. Рассказал, из-за каких мелочей порой закрывают турфирмы. Как тяжело после кризиса в этой отрасли трудоустроиться. Напомнил Виталию, какой у него штат, включая тех зарубежных гидов, о которых даже главбух не знала.

Сначала показалось, что всё сведётся к шантажу и выколачиванию сумм, превышающих содержимое «ничейной» папки, но нет. Свиридов объяснил, что у него в этом деле свой интерес. Случившийся в воскресенье инцидент в аэропорту для милиции — нож вострый. Изъятие документов не задокументировано, а это хуже, чем воровство. Если Ян сейчас вернётся, то только сыграет ментам на руку — из него быстро вытрясут нужные подписи на чём надо и прикроются этими бумажками в своё оправдание. А тогда не избежать открытия дела по валютной статье, никакими кулуарными переговорами ситуацию уже не исправишь, всё будет у всех на контроле.

Если же Ян пока побудет за рубежом, то предъявленные милиционерам недочёты в работе вскоре возымеют силу и приведут к административным решениям, кое-кто получит по шапке, а фээсбэшники получают галочку о выполненном задании. Вот тогда паспорт и папку можно будет заявить как утерянные,

а потом сразу же оформить счастливо нашедшимися. Что и закрое все вопросы, как будто ничего и не было.

— Так что сиди там, — резюмировал Виталий. — Возвращаться пока даже не думай, ясно?

— Виталь, — попытался возразить Ян, — я же не просто твой гид. У меня перед кучей людей обязательства. Как — не возвращайся?

— Переведу тебе командировочные на карточку, — буркнул тот. — Продлю страховку. На две недели, а там посмотрим.

А что ещё он мог сказать — все в одной калоше!

Ян нашёл в Майнце отделение международной курьерской службы. Собравшись с духом, отправил все заказы в Москву отдельными посылками на адрес своего однокурсника Феди Прокофьева, надёжного человека. Перезвонил ему, обрисовал ситуацию без подробностей. Потом пересчитал средства — весь ожидавшийся заработок, и даже чуть больше, ушёл на непредвиденные почтовые расходы.

И ещё оставался невыполненным заказ Арсена Давидовича, но по нему всё упиралось в ответ профессора Фальца.

Ян почему-то не мог стереть из памяти случайно попавшегося на глаза человека — водителя «БМВ» на бензоколонке. Станный взгляд, пойманный на какую-то долю секунды, напомнил Яну о человеке с табличкой «Quo Vadis» в аэропорту. И там и там это было осмысленное внимание, уделённое персонально ему, случайному прохожему-проезжему иностранцу. Ян считал, что чувствует, когда на него смотрят — эта способность в той или иной степени присуща каждому, но у Яна она была развита гипертрофированно.

А как только он начинал думать об этом, так и начинало казаться, что теперь за ним следят все и отовсюду. Стоило выйти на улицу, «взгляд» прилетал из машины, припаркованной чуть не в двух кварталах. Достаточно было пройти пять минут пешком, и среди окружающих прохожих обязательно находился кто-нибудь, провожающий Яна глазами.

Но, по крайней мере, никаких фантомов за окнами больше не появлялось, уже одно это не могло не радовать. Ян старался поменьше времени проводить за своими мыслями и, когда оставался один, тут же утыкался в книжку. Телевизор не спасал — череда бессмысленных картинок лишь наталкивала на какие-то ассоциации, и мозги сразу же сворачивали на неправильный путь.

Скучать Яну, правда, не приходилось. Наталья Андреевна вжилась в роль инициативной туристки, так что в четверг они совершили набег на достопримечательности Майнца, славно потоптавшись по музеям, обозрев полдюжины соборов, а ближе к вечеру проникнув на закрытую дегустацию рейнвейна для членов общества книголюбов имени Гуттенберга.

В процессе дегустации они попытались перейти на «ты». Но когда Ян сбился и «выкнул» в одиннадцатый раз — а они считали! — то было принято стратегическое решение придерживаться устоев девятнадцатого столетия, ведь в этом куда больше шарма, чем в хаотичном использовании местоимений, продемонстрированном только что Яном Ваном.

Пятница началась с осмотра средневековых кораблей и, конечно, посещения музея книгопечатания — побывав прошлым вечером в обществе книголюбов, не сходить в такой музей было бы неуважением к гостеприимному товарищу Гуттенбергу.

Константин Эдуардович так и зависал в Штутгарте. Ян не вдавался в расспросы, но по косвенным признакам понял, что тот представляет какую-то компанию, занимающуюся производством бытовой химии, и обеспечивает закупки ингредиентов... Этой информации было более чем достаточно — главное, что суровый Константин Эдуардович оставался где-то далеко, и подольше бы так, таблицу Менделеева ему в руки! Наверное, это было не очень хорошо по отношению к Наталье Андреевне, но Ян предпочёл бы сохранить такой расклад до последнего дня своей работы.

Ближе к вечеру пятницы появились новые вводные под кодовым названием «Вальдемар». Как он сам объяснил своё спонтанное

появление, «решил заехать по пути с работы». Поскольку от франкфуртской студии, где шли его репетиции, до квартиры на Остендштрассе дорога пешком занимала минут пятнадцать, появление Вальдемара в городе Майнц Ян воспринял как нечто само собой разумеющееся. Он и сам бы такой дорогой ездил!

Увидев Наталью Андреевну, Вальдемар исподтишка поделился с Яном своим «Вау!» — а, будучи представленным, окаменел лицом и первые пять минут даже перестал шутить. Потом, правда, всё пошло на лад, и весь оставшийся вечер он нагонял упущенное.

Некий дискомфорт чуть было не возник при выборе места, где поужинать. Ян опасался, что Наталья Андреевна затащит их в какое-нибудь пафосное заведение. Ян уже прикидывал, как и на чём ему сэкономить в ближайшие две недели, и удар по бюджету в виде ужина с устрицами и дорогими винами в таких обстоятельствах был бы крайне нежелателен. В схожих обстоятельствах находился и франкфуртский представитель творческой интеллигенции, обычно посещающий репетиции на своих двоих не из любви к спортивной ходьбе, а по гораздо более прозаическим причинам.

Но волноваться оказалось не о чем. Наталья Андреевна быстро сориентировалась в социально-экономическом раскладе, в результате чего общее собрание единогласно постановило, что «хороший дёнер-кебаб лучше посредственного айсбана¹», а неподалёку от университета Гуттенберга очень удачно нашлось подходящее турецкое заведение.

И был пир горой, и было веселье. Ян и Вальдемар поймали «волну позитива» и укатали на ней — до слёз! — поймавшую их кураж Наталью Андреевну. Даже скромная маленькая турчанка-официантка, принимавшая у них заказ, ближе к подаче горячего уже начинала откровенно ржать, едва приближаясь к их столику. А что, спрашивается, ей смеяться, если она даже по-русски не понимает?

Когда Вальдемар начал намекать, что пора бы ему уже знать честь, ум и совесть, Ян предложил довести Наталью Андреевну

¹Свиная рулька — традиционное немецкое блюдо

до отеля, а потом вдвоём прогуляться до вокзала. Однако она неожиданно напросилась к ним в компанию.

У Яна промелькнула мысль, что Наталья Андреевна не хочет его одного куда-то отпускать. Над этим стоило поразмыслить — Ян сходу не смог вспомнить, оказывался ли он хоть раз за последние двое суток вне отеля без неё.

Нет, ему нравилось постоянное присутствие Натальи Андреевны где-то рядом, просто это становилось несколько необычным, нетипичным, странным... Ян не мог подобрать определения. И в среду и в четверг он предпринимал попытки дозвониться Инге — лишь чтобы нарваться на очередную отповедь Ираиды Аркадьевны и пятикратно повешенную трубку. Он, конечно, не отчаялся — Ваны не из таких! — но как-то смирился, что решение этой проблемы придётся отложить до возвращения в Москву. То есть, по нынешним раскладам, на неопределённое время.

Самое неприятное, что пытаюсь вызвать в памяти Ингу, чтобы поговорить хотя бы с её воображаемой копией, Ян неизбежно вспоминал с ней в комплекте и её злокозненную маму: «Потрудитесь усвоить эту несложную мысль, молодой человек!» — таким образом, получалось, что он отрезан от своей девушки даже в фантазиях.

Собственно, выйдя из кебабной, он и начал «прокручивать», всё дальше выпадая из общего разговора, пока Вальдемар не прекратил это безобразие быстрым и болезненным тычком под рёбра. Случилось это, правда, уже совсем на подходе к поезду.

— Как твоя пьеса? — быстро отозвался на критику своего поведения Ян. — Есть продвижение в читках?

— Ну, если считать продвижением то, что Женька купил беруши, то, несомненно!

— Судя по твоим отзывам, беруши не сильно повлияют на его способности к восприятию.

— Погоди, это надо записать! Я на ходу не умею!

Вальдемар остановился ровно в дверях вокзала, и пока его толкали и пихали, ойкал, но набивал фразу в телефон.

— Начинаю вводить в текст элементы хоррора, — поделился он радостью, потирая ушибленное плечо.

Наталья Андреевна глупо хихикнула.

— Специально для слабо-чувствительных? — уточнил Ян. — Чтобы ты ни говорил, всё-таки Ойген — твоя целевая аудитория!

— Хватит говорить глупости, — голосом старой учительницы сказал Вальдемар. — Ойген и театр ортогональны.

— Ой! — испугалась Наталья Андреевна. — Это кто вас таким выражениям научил?

— У них на Остендштрассе нездоровый климат, — объяснил Ян. — Флюиды ортогональности растворены в воздухе.

— Я вот сейчас уеду, — предупредил Вальдемар, — и вы лишитесь шанса узнать про хоррор в водевиле и оперетте!

— Давай уже! — Ян махнул рукой: всё равно же прочитает!

Вальдемар искренне оживился — хотя, казалось бы, куда же ещё-то?

— Ну, исключительно в виде примера:

Как в трясину — в смятение, ведь знает любой:

Твои страхи как тени идут за тобой.

Как десерт подаются кошмары на блюде:

Паутинная ночь и стеклянные люди.

Он оживлял ритмичную и громогласную декламацию широкими взмахами рук. Потоки пассажиров огибали его по широкой дуге — попасть под аккомпанирующую руку поэта никого не прельщало.

Интересно, а есть ли такая наука — человекодинамика, подумал Ян. О движении толпы — как аэродинамика или гидродинамика, только относительно перемещающихся людей. Как правильно входить в метро в час пик, как двигаться вдвое быстрее средней скорости потока. Яну хотелось отвлечься, соскочить на любые посторонние размышления — потому что мрачные

глупые стихи опять взбаламутили в нём холодный осадок, донный ил событий последних дней.

Ян сглотнул комок в горле.

— А у тебя разве пьеса в стихах?

— Что значит «пьеса»? — возмутился Вальдемар. — У меня, что, только одна пьеса?

— Есть ли у вас план, мистер Фикс? — вспомнил Ян когда-то любимый мультфильм.

— Что за «стеклянные люди»? — улыбаясь, немножко резко спросила Наталья Андреевна.

— Так... э-э... — Вальдемар бросил взгляд на угрожающе шевелящего бровями Яна, и быстро скорректировал ответ. — Прimitивная рифма к «на блюде». Да и вообще — часто ли творец знает, что творит?

Он, подмигнув, пожал Яну руку и перешагнул с перрона в вагонный тамбур.

— Оставляю вас не по своей воле, но лишь в силу неблагоприятно сложившихся географических обстоятельств! Франкскую крепость нельзя надолго оставлять без присмотра — обветшает!

— Было приятно... — Наталья Андреевна шутливо помахала ему кончиками пальцев.

— Хорошо, что вы первая об этом сказали! — расплылся в донжуанской улыбке Вальдемар. — А то я всё стеснялся и никак не мог подобрать слов для достойного выражения схожей идеи...

Поток его красноречия смогли прервать только сомкнувшиеся двери поезда. Вальдемар прижался лбом к стеклу и, пока состав начинал набирать ход, ещё успел показать экспрессивную пантомиму: Наталье Андреевне — о том, что Ян — отличный парень и лучший гид в окрестностях, не теряйте времени и путешествуйте до упаду, тут полно всего интересного; Яну — дежурное пиши-звони-не-пропадай, а также будь молодцом, води себя хорошо; и им обоим — хорошо вам, остаётесь тут, а я, несчастный, уезжаю!

На обратном пути Наталья Андреевна взяла Яна под руку и поймала ритм его шага. Когда они вышли из вокзального здания, у неё зазвонил мобильный.

— Да.

Она замолчала почти на минуту, потом повторила:

— Да.

Наверное, это был типичный «долгий разговор». Наталья Андреевна только слушала, и они успели пересечь площадь и выйти на Рёмервальд, прежде чем она произнесла следующую реплику:

— Я поняла.

После чего, не прощаясь, нажала на сброс.

Ян не смог понять, был этот звонок «хорошим» или «плохим».

— Отличный у вас друг, Ян! — сообщила Наталья Андреевна.

— Вы ещё Ойгена не видели, — похвастался Ян, — дуэтом они вообще ураган.

У самого отеля, медленно обогнав их, по улице проехала легковая машина. И снова, снова — словно кто-то тронул за плечо. Ян присмотрелся к уезжающей «ауди», потом невзначай оглянулся, а когда и позади не увидел ничего необычного, то посмотрел на Наталью Андреевну. Она смотрела на него очень внимательно, но тотчас опустила глаза и спросила:

— Что-то случилось?

— Нет, — пожал плечами Ян. — Просто жду важного звонка, а всё никак.

— Работа шпиона — это ожидание! — улыбнулась она.

— Чьё это?

— Ле Карре. А сами позвонить не можете?

— Не тот случай. У вас, я смотрю, наоборот — звонок за звонком? — он потянул на себя дверь и пропустил её вперёд.

— Да нет, — она пожала плечами, — не всё время. Это Костя позвонил. Сказал, что срочно улетает в Москву. Завтра рано утром из Мюнхена. Так что я совершенно свободна!

Произнесено было так, что у Яна сбилась дыхание. «Я совершенно свободна». Очень двусмысленно и...

— Вот так вот: бросил муж жену на чужой территории! — он неуклюже попытался пошутить, чтобы скрыть замешательство.

Наталья Андреевна переспросила слегка удивлённо:

— Муж?

— Дурацкая шутка, — извинился Ян.

— Нет, я про мужа не поняла.

— Константин Эдуардович.

— Костя?! — она рассмеялась. — А-а... Поняла. Ян, а давайте выпьем вина? Мне, похоже, надо открыть вам одну государственную тайну, а я сначала хочу красного вина.

Они забрали у портье ключи. Ян попросил его пройти в бар и отпустить бутылку вина.

— Пить будете здесь за столиками? — уточнил педантичный портье.

Ян оглядел небольшой холл, вопросительно посмотрел на Наталью Андреевну.

— Что он спрашивает?

— Здесь ли будем пить.

Она нахмурила брови:

— Мне здесь не нравится.

— На вынос, — ответил Ян хлопочущему за барной стойкой портье.

Тот кивнул, поставил на поднос открытую бутылку, два бокала и вазочку с фисташками и орехами. Передал его в руки Яну с почтительно-одобрительным полупоклоном.

— Пусть запишет на мой номер, — подсказала Наталья Андреевна.

— Ещё чего, — сказал Ян.

Комната была проветренной и идеально убранной. Ян находил её такой каждый вечер, когда возвращался после ужина, в каком бы беспорядке не оставил, уходя с утра. Как будто и не жил тут. Было в этом что-то мистическое.

Он долго не мог расставить на столе композицию из двух бокалов, бутылки и вазочки. Потом долго соображал, каким боком повернуть разлапистый стул с подлокотниками, единственный подвижный элемент мебели: то ли спиной к двери, и тогда будет неудобно его обходить, то ли спиной к окну — и вдруг тогда Наталья Андреевна будет дуть в спину. Оставил у окна — ну скажет же, если что.

Она на минуту отлучалась к себе в номер, но вот уже встала на его пороге.

— Прощу! — шутливым жестом Ян пригласил её войти.

Наталья Андреевна устроилась в кресле, приняла из его рук бокал. Он сел на край кровати и тоже взял бокал. Образовалась неожиданная пауза.

— За победу? — улыбнулась она.

— За *нашу* победу! — подхватил он.

Вино оказалось совсем лёгким, даже непонятно, что красное.

— У вас была великая тайна, — напомнил Ян.

— Да, — она на секунду задумалась. — Меня так поразила одна мысль, когда мы стояли внизу на ресепшен, я взяла тайм-аут, чтобы лучше её сформулировать... Ой, а можно я пересяду? — Наталья Андреевна поёжилась и кивнула на окно. — Дует! Пустите на мягонькое?

Ян подвинулся, она села рядом.

— И какая же идея? — они чокнулись и выпили снова, Ян дотянулся до бутылки и наполнил оба бокала. — Это когда я вас чем-то рассмешил, вы идею сгенерировали?

— Представьте себе!

— Я весь внимание.

Ян вдруг почувствовал, что его лихорадит. Прямо потряхивает изнутри. Хорошо, что дрожь не перешла в руки.

— А идея проще простой. Вот здесь есть отсутствующий человек — Костя. Но все наши действия проистекали с оглядкой на него, так?

— Наверное. Он же должен был приехать...

— Даже не в этом дело. Самим фактом своего существования отсутствующий человек вносил поправки в поведение присутствующих.

— Погодите... А Вальдемар разве рассказывал сегодня про свою пьесу?

— Да, читал стихи. Про паутину и стеклянных людей.

— Нет, другую! Про отсутствующего героя.

— Не получилось у меня складно рассказать, — вздохнула Наталья Андреевна. — Ладно, опустим философию. Ян, Костя — не мой муж.

Упс, как говорят у нас в Коннектикуте.

— Как так? — не нашёл более внятных слов Ян.

— Костя — мой двоюродный брат. Старший, к сожалению. Поэтому любит покомандовать. Смотрю, я здорово встряхнула вашу картину мира? Давайте выпьем. У меня есть тост!

— Давайте.

— Нет, так не пойдёт! Выпрямитесь как на торжественном приёме! Тост очень формальный будет.

Ян сделал серьёзное лицо, это было не сложно. «Я совершенно свободна». Надо же.

— Милый Ян! — строго сказала Наталья Андреевна, тут же оттенив это ослепительной улыбкой. — Хочу вас поблагодарить за прекрасный экскурсионный тур, высокое качество обслуживания и персональное внимание всем вашим туристам...

— А почему сейчас? — вмешался Ян. — Программа ещё не завершена. И мне тоже очень приятно, Наташ...

— Тсс! — она прикоснулась указательным пальцем к его губам. — Я в девятнадцатом веке! Меня зовут Наталья Андреевна. Мне так больше нравится, граф!

Она отодвинула палец, но Ян всё ещё чувствовал его отпечаток на серединке губ.

— Потому что потом может оказаться как-то по-другому, — сказала она, — но это будет потом.

Они сделали ещё по глотку. Наталья Андреевна забрала бокал у Яна из рук и вместе со своим поставила на стол. После чего повернулась к нему, приблизилась и тихонько поцеловала. Она была на вкус как вино.

Казалось, что Наталья Андреевна отстраняется от него, и Ян её не удерживал, но получалось всё наоборот: он лишь сильнее прижимался губами к её губам, соскальзывая в нежное принимающее объятие как в прогретый солнцем бассейн с водной горки. Ему почудилось, что это было мимолётное соприкосновение, и что он давно уже отпрянул, но нет же — вот под рукой тонкий шёлк блузки, раскалённый изнутри жаром её близкого тела. А когда все резервы отклонения были исчерпаны, она вдруг двинулась ему навстречу, раскрывая поцелуй бутонем невиданного цветка, медленно запуская пальцы в его и без того взъерошенные лохмы, сходя на него нежнейшей лавиной.

Ян не очень разобрал, в какой момент мир завалился набок, и теперь они парили лицом друг к другу у вертикальной белой стены не расстеленной постели, и сминали головами податливые облака подушек, и подбирались любопытными руками ко всему, что оказывалось в досягаемости и требовало прикосновения. Её шелковисто-гладкая нога подтянулась к животу, вpleлась куда-то между его коленок, спрятанных под грубой как наждак джинсой — и мир снова крутанулся, оставив их лежать в полосе прибоя, прижатых грудью к груди, животом к животу, губами к шее, уху, подбородку, щекочущим волосам... Её рука пропорхнула по его груди, и ткань рубашки растворилась, давая его коже соприкоснуться с её кожей напрямую, до мурашек и разбегающихся по телу искр.

Ян хотел попросить: «Подождите!» — но, как тыщу лет назад предупреждал Виталий, на «тёканье» совсем не хватало временного ресурса, особенно если к этому ещё и прибавлять длинное как складная лестница «Наталья Андреевна!» — а более простое и очевидное «Подожди, Наташ!» даже не пришло ему на ум, и он выдохнул: «Секунду!» — изо всех сил оттолкнув её от

себя — а на самом деле лишь осторожным предупредительным прикосновением открытой ладони подтвердив свою просьбу: секунду!

Она сказала «Конечно!» — но забыла при этом выдохнуть воздух, и Ян прочёл это «конечно» с её губ, слишком близких, чтобы можно было подняться с постели, минуя их прямое прикосновение. Он вывалился из плывущего негой горизонтального мира в холодный и чопорный вертикальный, лампы покачнулись, пока вестибулярный аппарат справлялся с гравитационными перекосами, а потом он шагнул к подсвеченной у горизонта двери ванной комнаты.

— Приходи быстренько! — полушёпотом напутствовала Яна Наталья Андреевна, изгибаясь и потягиваясь бесконечно продолжительным телом, выскальзывая из последних остатков одежды, не унесённых стихией раньше, распластываясь по горизонтальному миру от края до края, провожая его светящимся взглядом, от которого начинал миражом подрагивать воздух...

Щёлкнув ключом, Ян переступил с холодного кафеля на брошенный перед душевой кабиной пушистый коврик, повернулся к зеркалу и включил воду на полную.

Ему хотелось кричать. От восторга, от растерянности, от ужаса.

Он старался писать историю своей жизни так, чтобы более поздний Ян не корил своего молодого предшественника за сделанное или несделанное. Выбор чаще всего бывал бинарным, да-нет, железнодорожные стрелки. По одному из путей составу катиться дальше, другому — остаться в несбыточном, заржаветь и зарости березняком, через пару лет и не найдёшь.

Но сейчас будто кто-то перевёл стрелку без его ведома, и весь состав на полном ходу мчался в выбранную этим кем-то неизвестность. Кто знает, может быть, это правильный путь... Но это точно не его выбор. У него не было времени... совсем.

Отмотать бы всё на три дня назад. Так не бывает, но всё равно — как-то выскочить из невозможного выбора, в котором не просто состав повернёт налево или направо, а сам Ян Ван разделится на две половинки, одну из которых обязательно придётся убить.

Переносица горела огнём, стальные поршни молотили от бровей к вискам. Не хочу, не хочу, не хочу никакого выбора, ни такого, ни другого, проще исчезнуть, будто и не было никакого Яна Вана...

Он плеснул себе в лицо ледяной водой, но нарастающую головную боль это не остановило. Посмотрел на себя в зеркало — и его опять накрыло чёрной волной страха, на долю секунды показалось, что оттуда наблюдает кто-то другой. Вижу тебя, Ян! В закрытой комнатке на него было некому смотреть, но чьи-то глаза следили за ним, и этот невидимый взгляд был враждебным. Опасность подступала всё ближе.

Он тщательно вытер руки и лицо, отодвигая необходимость выйти из ванны. Осторожно повернул ключ и потянул дверь на себя.

Наталья Андреевна, прекрасная настолько, что её не с чем оказалось сравнить, идеальная в каждом изгибе, обнажённая лежала на кровати, сладко улыбаясь во сне.

«Лучшее, что сейчас можно сделать», — повторял он, как мантру.

Ян достал из стенного шкафа запасное одеяло. Секунду помешкав, осторожно прикрыл Наталью Андреевну, боясь разбудить.

«Лучшее, что сейчас можно сделать».

Набросил куртку. Сумка оказалась закопанной под ворохом снятой одежды, и он не стал рисковать. Кошелёк и паспорт лежали в куртке, этого бывает достаточно для всех случаев жизни. Взял с пола ботинки, босиком вышел за дверь.

Наверное, он забавно смотрелся со стороны, этот Ян Ван. Но у того, кто действительно мог наблюдать за ним издали, с чувством юмора было не ахти.

— Давай его сразу обо всём спросим, — предложил Энвер.

Кто это говорит, подумал Петер, он сам или Бык?

— Пронар велел привезти мальчишку живым.

Энвер не ответил, лишь заиграл желваками и крепче взялся за руль. В руле что-то хрустнуло.

— Машину не порти, — сказал Петер.

Фургон «Аллес Гут Логистик» свернул на узкую улицу с односторонним движением. Взвизгнув тормозами, остановился у тротуара под знаком «Стоянка запрещена». Ну, никто и не собирался задерживаться здесь надолго.

— Он там, Гончий? — спросил Энвер.

После смерти Фитора его было не узнать. Вроде едва терпели друг друга, но гибель соперника боец переживал больше остальных. Особенно после того, как Гончий привёл людей пронара к заброшенной шахте, где Фитора и нашли — страшного, изувеченного, не похожего на человека.

— Гончий, он там?

Петер равнодушно пожал плечами:

— Кто?

Пёс ведь дал ему направление: Майнц, центр, гостиница «Ам Рёмервалль», из холла вверх по лестнице, там направо, дверь в торце — что ещё нужно? Пойти и прийти.

Сосредоточенные и целенаправленные, они на крейсерской скорости преодолели проезжую часть и мощёную плиткой дорожку, ведущую к стеклянным дверям отеля.

Миновал час ночи, дверь была заперта. Энвер поленился звонить ночному портье и дёрнул за дверную ручку. Она оказалась крепче, чем личинка замка. Свет в холле был экономно погашен, только пара врезных лампочек разгоняла тьму над стойкой ресепшена.

Ночной портье, встрёпанный со сна и изрядно напуганный, не нашёл ничего умнее, как крикнуть им:

— Эй! Уважаемые! Вы из какого номера?

Энвер сразу свернул к нему. Петер уже был у лестницы.

— Мест нет! — пискнул портье, глупая кукла. — Караул!

— Ну что ты нервничаешь? — спросил Энвер. — Мы на минутку, сейчас уйдём. В полицию не звони — всё равно приехать не успеют.

Портье тут же вцепился в телефонную трубку, прижал её к груди, выпучил глаза, и вообще вёл себя неосмотрительно. Энвер подцепил на палец витой провод, идущий от трубки к аппарату, подтянул поближе к себе. Взялся за провод обеими руками — демонстративно, самыми кончиками пальцев, — и аккуратно разорвал его надвое. Показал портье: «Тсс!» — и поднялся вслед за Петером на второй этаж.

Гончий стоял в конце коридора у двери номера. Вид у него был обескураженный.

Энвер кивнул: что, мол?

— Его тут нет, — удивлённо ответил Петер. — Он ушёл, а я не почувствовал... Пёс не почувствовал, понимаешь?

— Давай хотя бы проверим, — Энвер попытался отодвинуть его в сторону, чтобы открыть дверь, но Гончий не отступил.

— Мальчишка в поезде, — сказал он. — Едет на юго-восток. Нам надо туда.

Они сбежали по лестнице вниз.

Портье прятался за конторкой, так и не выпустив из рук бесполезную телефонную трубку.

— Пока, красавчик! В другой раз зайдём, — ободрил его Энвер.

Петер сел за руль сам. Фургон кашлянул выхлопом и тронулся в путь. С момента остановки не прошло и четырёх минут. Правила дорожного движения были полностью соблюдены.

А Наталья Андреевна спала чутко и совсем некрепко. Каждый раз, когда она просыпалась, её окружала залитая солнцем дубовая роща, с высокой шальной травой между редко стоящими деревьями, с кущами бузины в овражках, маленькими быстрыми ручьями. Что-то, что она уже считала своим и всегда

держала при себе, вдруг непонятным образом терялось, и она начинала кружить в поисках между корнями дубов-великанов, упёршихся кронами в небо. Наконец, она замечала, что нечто золотистое движется совсем рядом, едва приминая не знающую покосов траву и прокладывая в ней быстро исчезающую дорожку. Но стоило заторопиться следом, как золотистое исчезало из виду, пряталось за кустами и за стволами деревьев, а саму Наталью Андреевну охватывала непреодолимая сонливость, пока она не падала с ног, где придётся, и не закрывала глаза.

Наталье Андреевне предстояло окончательно проснуться поздним-поздним утром, голышом, в широкой двуспальной кровати смутно знакомого гостиничного номера, и по крупичкам собирать воспоминания о прошедшем дне, безуспешно пытаясь восстановить полную картину событий.

ГЛАВА 10

НЕМОЙ

*Париж, Франция
5 марта 1999 года*

Скоростной поезд «TGV» — не найти лучшего способа для путешествия из Лиона в Париж! Новенький, ещё пахнущий сборной вагон, интерьер, выполненный в хроме, стекле и пластике, космически удобные кресла для пассажиров первого класса, невесомые выгородки, ненавязчиво разделяющие салон на уютные закутки, многослойные стеклопакеты, гасящие заоконный шум — всё так и кричало: новый век идёт! Пейзаж не просто проносился мимо, а летел одной продолжительной смазанной картинкой, пропуская сквозь себя поезд-иглу — серебристо-синее копьё, пронизывающее спящие юрские холмы.

Вошедший из тамбура человек принёс с собой терпкий запах одеколона и холодный сквозняк. Автоматическая стеклянная дверь зашипела за его спиной, и воздух снова замер, пойманный в герметичном пространстве. Половина мест пустовала — утро пятницы. Вот в вечернем поезде будет не протолкнуться.

Новый пассажир бросался в глаза неестественно строгой осанкой, словно под грязноватым затасканным пальто скрывался медицинский корсет. Яркий шарф пышным узлом подпирал подбородок. Волосы, растрёпанные и сальные, производили не самое приятное впечатление. Неубедительная редкая седина придавала шевелюре мертвенно-серый оттенок.

Короткими экономными шагами человек двинулся по проходу, внимательно всматриваясь в лица пассажиров. Кто-то

не обратил на него внимания, поглощенный содержимым экрана ноутбука или карманной электронной игрой. Кто-то неприязненно заёрзал, намекая, что не стоит подсаживаться к нему в соседях. Клошарам не место в первом классе!

Человек выбрал место напротив иностранцев, супружеской пары — полноватого лысеющего итальянца и его жены, значительно более молодой, остроскулой и грациозной. Держа спину прямо, человек медленно и осторожно опустился в кресло, после чего сдержанно улыбнулся и кивнул итальянцу поверх вчерашней «Corriere della Sera». Два вежливых кивка в ответ.

Человек долго возился с пальто: тугая пуговица на груди никак не хотела покидать петлю, выскальзывая между пальцами. Наконец, ему всё-таки удалось расстегнуть её. Из внутреннего кармана появился небольшой блокнот. За ним — шариковая ручка с треснувшим колпачком. Женщина бросила на попутчика короткий отрешённый взгляд, затем её внимание вновь погрузилось в сердцевину толстого романа в мягкой тиснёной обложке.

Человек как будто из последних сил закинул одну ногу на другую, разместил блокнот на колене, открыл чистую страницу. Несколько прикосновений острым кончиком стержня — и вот уже ручка заплясала в пальцах, оставляя на нелинованном листе точные тонкие линии.

Не прошло даже десяти минут, а из пустоты стало проступать изображение, как на листе фотобумаги, утонувшем на дне кюветы с проявителем: изысканный полупрофиль, томные длинные ресницы, контур плеча, намёк на ключицу под лёгким свитером, ниспадающие каскады сложной причёски. Рисунок был выполнен куда профессиональнее доброй половины монмартрской мазни и приукрашивал действительность почти незаметно, не сползая в грубую лещь.

Ещё несколько завершающих штрихов — и человек приподнял блокнот, повернув его рисунком к сидящим напротив. Женщина первой оторвалась от книги и несколько секунд

непонимающе вглядывалась в изображение. Потом её брови удивлённо дрогнули.

— Франческо, гуарда ке роба!¹ — воскликнула итальянка глубоким низким голосом и примяла газету мужа вниз, чтобы тот смог увидеть рисунок.

Франческо издал некий одобрительный звук, больше всего похожий на «пуфф!», и вопросительно посмотрел на художника.

Тот снова улыбнулся уголками рта и протянул заготовленную карточку.

«Извините, я не имею возможности побеседовать с Вами. Но если Вам приглянулся этот набросок, то я буду рад продать его за умеренную цену. Совершив это приобретение, Вы сделаете приятное себе и польстите мне».

Ниже стояло число с буквами «FF»² на конце. Итальянец ещё раз посмотрел на изображение своей такой, оказывается, блистательной супруги, и, не торгуясь, полез за кошельком. Художник аккуратно вынул лист из блокнота и передал его в руки дамы.

Потом неторопливо поднялся, всем корпусом отвесил своеобразный поклон, принял деньги из рук итальянца и продолжил путь по салону. Уходя всё дальше, художник улыбался, в его глазах искрилось что-то шальное, живое.

Это было тем более удивительно оттого, что с чисто технической точки зрения человек уже четвёртые сутки был мёртв. Абсолютно, безнадежно мёртв.

Стёртый каменный пол в парадном разнёс его шаги звонким дробным эхом.

— Месье Огюст! — навстречу художнику поспешила престарелая консьержка, эталонная парижанка: две щепотки флёра, одна беззаботности и одна мелочной придирчивости. — Ну как же

¹ Франческо, гляди, какая штука! (ит.)

² Французские франки

так, дорогой мой? Уехали так надолго и не предупредили! И ключ оставили только от квартиры! А как прикажете управляться с вашей почтой? Почтовый ящик через верх, месье Огюст! Потеряете счёт или какое-нибудь важное письмо — знаете, как потом побегать придётся?

Огюст лишь развёл руками и показал на замотанное шарфом горло.

— Простудились?! — в глазах консьержки зажёгся нездоровый огонёк. — Ах, мой дорогой, мой неосторожный месье Огюст, как можно так безалаберно относиться к своему здоровью? Нет, ничего не говорите, вам нельзя говорить! Горячий чай с мёдом, рюмочка кальвадоса, и отдых, отдых, отдых!

Она сразу отдала ему запасной ключ, но тащилась за ним до дверей лифта, и продолжала что-то говорить, даже когда кабина уже поползла вверх.

В квартирке-студии было холодно, пыльно и душно. Не раздеваясь, Огюст приоткрыл окно и прошёл в туалет. Щёлкнул выключателем, одна из двух лампочек трескуче вспыхнула и погасла. Мутные рыжеватые лучи от второй смешались с рассеянным дневным светом, вползающим через дверь. В забрызганном зубной пастой зеркале отражался человек. Сделав над собой усилие, Огюст посмотрел на него.

Умер, умер, умер, умер!!! Паническая мысль грецким орехом перекатывалась в жестяной банке головы. Художник чувствовал себя — останки себя, и чувствовал то другое, что поселилось внутри и не дало трупному окоченению взять верх над остывшим телом. Он ощущал окружающий мир — почти так, как и всегда. Но стоило прислушаться к самому себе, и становилось понятно, что прежнего понятного себя уже нет. Есть что-то другое, ненадёжное, нелепое, несуразное.

Огюст начал сматывать шарф, вслушиваясь, как сердце чавкает посуху в окаменевшей груди. Когда остался лишь последний оборот, стало совсем страшно, невыносимо, жутко. Неужели на самом деле умер?! Жатая цветная ткань обнажила пергамент

горла. Злой цветок разрушения — в самой середине. Синюшные набухшие края раны давно засохли. В центре пулевого отверстия виднелись желтоватые осколки хряща на подложке плоти цвета вяленой говядины. Редкие бурые кристаллики сухой крови кое-где забились в кожу.

Ходячий мертвяк, констатировал состояние дел Огюст. Экспонат музея вуду, персонаж дешёвого «хоррора». Чтобы хоть как-то загнать в угол подступающий ужас, он вытянул руки вперёд, безвольно опустил кисти, закатил глаза под веки и слегка приоткрыл рот. Закачался из стороны в сторону. Поймал краем глаза картинку в зеркале. Смеяться было нечем — он не дышал с раннего утра среды, но воображаемый смех помог ненадолго выбраться из-под гнёта отчаяния.

Итак, он условно жив, если так можно назвать приобретённое состояние. По крайней мере, Огюст воспринимал себя по-прежнему собой, даже несмотря на присутствие эфирного существа, потеснившего его внутри собственного тела. Впрочем, квартирант не дал остановиться сердцу и угаснуть мозгу, чем сполна расплатился за съём угла. Душа Огюста не отлетела в зенит на белых крыльях и не низверглась в ад по огненному жёлобу. Он — это всё ещё он, с мыслями, желаниями и памятью... Памятью, которую страшно ворошить. Книгой, которую не хочется перечитывать...

Ну что стоило остаться в том казино на теплоходе? Спрятаться за портьеру, сидеть там до утра. А если бы и пришли за ним, то кричать, хвататься за поручни, звать полицию? Разве нельзя было хотя бы ненадолго включить воображение — и напугаться увиденного?

Или чуть позже на пирсе, когда разглядел, как одурманенного Везунчика волокут к фургону? Неужели и тогда не понял, не представил, не предугадал, что может случиться дальше?

Слепое ты бревно, Огюст! Потому что перед разверстым зевом контейнера уже не оставалось других тропинок в вероятное будущее. Лети на свет, мотылёк!

Ради чего всё это было? Неужели короткие секунды торжества, упоения превосходством над униженным обидчиком стоили такого быстрого и глупого прощания с жизнью? Или это инфантильное любопытство взяло верх над рациональным? Покажи-ка нам, Везунчик, что за фигурку ты там прячешь! Что за волшебная свинка шепчет тебе советы на ушко.

Всё, что произошло в контейнере, слилось для Огюста в один долгий размытый кадр, импрессионистские пятна света и тени, складывающиеся в подобие игрового стола, золотой оскал Пьера, окру ржавых стен, зелёное сукно с рябью фишек и карт. Но отдельно от всего, гиперреалистично, чётче чем в состоянии видеть человеческий глаз, впечаталась в память фигурка металлической свиньи, её крошечные копытца и наглое рыло, ухмыляющееся и мерзкое.

Едва Огюст взял Свинью в руку, мир дрогнул и осыпался. Старые декорации обрушились, обнажая реальную действительность: матово-белое поле до горизонта, бездонное молочное небо слепит глаза, бугрятся неподалёку горки-холмики, и каждая — это человеческая сущность, перекатывающаяся под поверхностью мира как мышцы под кожей боксёра.

Вот холмик Леки, гладкий и скользкий, ни выступа, ни шероховатости, не за что уцепиться. Хотя если приглядеться... С каждой новой долей секунды Огюст всё отчётливее видел неровности, бороздки на холме Леки. А Свинья так и тянула за собой, явно желая засунуть жадный пятак в чужую почву и рыться там, пока не попадётся что-нибудь съедобное, скрытое, постыдное.

Стоило взглянуть на холм Везунчика, вздувшийся по левую руку, как Огюст увидел в бегущих по поверхности почвы трещинах красно-чёрную пестроту карт. Двойка пик, десятка треф, что там ещё? Достаточно поддеть рылом — и карты соперника лежат как на ладони. Ты можешь делать каменное лицо, крысёныш, но не можешь не думать о своих картах, да? Ну, так как: рискнёшь блефовать без своей верной Свинки, мерзавец?

Открывающиеся перспективы ошеломили Огюста, и ещё несколько драгоценных секунд — последних секунд его жизни в общепринятом смысле этого слова, — он подрывал холм Везунчика, заглядывая в грязные и мелкие тайны презренного шулера. Свинья, что называется, рвалась с поводка. На языке уже закрутились язвительные злобные слова — каждому, каждому из сидящих за столом было, что скрывать. И так хотелось выкрикнуть, выплюнуть им в лицо: я знаю! Знаю! Ничего не утаите, ничего не спрячете от Свиньи, она разроет ваши поганые секретники как навозную кучу! О, какая же сила легла в руку Огюста! И как он мог бы ей распорядиться...

Но обратный отсчёт был уже запущен — шестерёнки зацепились одна за другую, маховик событий уже набрал обороты. Огюст обернулся к Пьеру-Петеру — и обомлел, не в силах поверить, что видит то, что видит. Огромными буквами, словно поперёк голливудского холма: живых здесь не останется.

Там было много чего ещё, сладких корешков и луковичек, на территории Пьера. Какие-то брошенные дети, зарытые трупы, почему-то аллергия на молоко, всякая всячина. Любой человек состоит из тайн, и глупой Свинье было ох, как охота покопаться на этой делянке. Она не отличала важное от пустяшного — и всё сокрытое казалось ей сладким корнеплодом. Но Огюсту, Огюсту-то было уже не до неё. Сосредоточившись, он прорвал взглядом окружающее его со всех сторон белое ничто, и увидел, что между стулом Пьера и стеной есть зазор в метр, коридор жизни, путь к спасению.

Огюст уже узнал от Свиньи, что под курткой нанимателя скрыт пистолет, и что Пьер уже убивал людей, не однажды и по-разному, но вдруг получится — сделать всего-то пять быстрых шагов, нырнуть вправо, прочь от освещённого контейнера, а там — бежать, петлять, прятаться. И как-нибудь спастись...

Словно призрак надежды, на краю освещённого пространства замерла прозрачная человеческая фигура. Огюст узнал её сразу и безошибочно: это она парила прошлым вечером за бортом

плавучего казино. Знак беды или символ надежды, бестелесная тень, как-то связанная с дающей странный дар металлической фигуркой. Сжав Свинью в кулаке и не медля ни мгновения, Огюст прыгнул к прозрачному существу...

Чудеса не происходят по заказу. Конечно, Огюсту изредка случалось стать свидетелем волшебных событий, но в основном это было связано с нетипичным раскладом карт в колоде, что же касается обычной жизни, в ней всё проистекало буднично и предсказуемо.

Предсказуемо и как будто даже без удивления Пьер поймал Огюста «на взлёте». Рука албанца оказалась железной как шлагбаум. Одно движение — и надежда на чудо растаяла как дым. Брошенный назад на хлипкий стульчик, Огюст увидел за спиной Пьера, что прозрачный фантом медленно всплывает в контейнер.

Огюст зажмурился и снова увидел бескрайнее молочное поле. Но в холме, где прятались все тайны Пьера, теперь не хватало пистолета. А значит, пистолет перестал быть тайной.

Огюст издал какой-то пищащий звук, и тут же что-то ужалило его в горло и сильно толкнуло назад. Он ударился затылком о рифлёную стенку контейнера, да так и привалился к ней — показалось, что так будет удобнее и приятнее. Что-то щекотное и тёплое поползло по ключицам, но не стало никаких сил проверить.

Бах! Очень громкий звук как-то повредил его способность видеть — как Огюст не пытался открыть глаза и посмотреть, что же вокруг происходит, вокруг простиралась подаренная Свиньёй белизна. Фигурка животного возилась в кулаке как живая.

Бах! Бах! Сразу два холма слева взорвались зефирной пеной и без следа утонули в молочной трясине. Огюст не сразу заметил, что, видимо, надвигается ночь — оставаясь белым, мир начал меркнуть. Только холм Пьера остался рядом, оживляя

тускнеющий пейзаж. Теперь из разломов грунта торчали какие-то разноцветные пилюли, «без которых не выжить», и застывший кадр «Уштар и Харадинай заключают сделку», и много чего ещё, но уже не разглядеть — всё вокруг стремительно темнело и гасло.

А когда что-то металлическое грубо сжало Свинью и разорвало контакт между ней и Огюстом, то словно разом выключили свет.

Приблизительно три миллиарда лет ничего не происходило. За это время аминокислоты в бурлящем океане могли бы собраться в простейшую клетку, развиваться в амёбу и примитивные бактерии, обзавестись конечностями и панцирями, выползти на сушу и научиться ходить на двух ногах, разводить огонь и играть в покер, но ровным счётом ничего подобного не случилось. Три миллиарда лет пустоты и бездействия.

И только потом Огюст понял, что мог умереть. Вот ведь тугодум — для принятия такой простой идеи извёл три миллиарда лет! Но где же отлёт души, где свет в конце тоннеля? На самом строгом суде Огюст готов был свидетельствовать, что всё сразу пошло наперекосяк, а виновато в этом было забравшееся в контейнер прозрачное существо.

За долю мгновения до того, как в мире погасили свет, оно обвило Огюста, словно пытаясь защитить Свинью в его слабеющей руке. Неощутимая субстанция проникла в его мышцы, делая хватку сильнее — помимо воли самого Огюста. Но фигурка всё-таки выскользнула из сжатого кулака, и наступила тьма.

А когда Огюст снова осознал себя, его тело, неподвижно запрокинутое в пластмассовом кресле, вдруг трансформировалось в варежку-прихватку, какой обычно вытаскивают из духовки горячие противни. Существо ли надело эту варежку, или же это Огюст втянул его в себя насильно, но теперь две сущности плотно срослись в одной физической оболочке. Прозрачная субстанция полностью провалилась в Огюста, и это странным образом придало ему сил. Сначала он пошевелил онемевшими

пальцами, потом дотронулся до горла, и сразу отдернул руку, потому что там всё было как-то очень неправильно. Нащупал край стола. Медленно поднялся на ноги.

Вокруг было абсолютно темно. Огюст помнил, что окружающее его пространство ограничено шестью параллельными плоскостями — стенками, полом и потолком контейнера. Очень похоже на просторный гроб. Основательный железный саркофаг двенадцати метров длиной, мавзолей игроку-неудачнику. Накатила волна тревоги, и ещё одна. Неожиданно Огюст понял, что вот эта вот вторая волна — была не его. То, что пробралось в его тело, обладало собственными эмоциями, и ему активно не нравилось происходящее.

Внезапно Огюста дернуло влево и вправо, тряхнуло, снова дернуло. При каждом рывке он ощущал, как то в руке, то в ноге пропадает чувствительность. Ему даже показалось, что в полной темноте закрытого контейнера он может различить белёсые протуберанцы, вырывающиеся из его конечностей.

Как заводная кукла, на плохо гнущихся ногах он обежал контейнер по периметру, ощупывая стены, пытаясь найти запоры — и понимая, что в чемоданах никто не ставит замки изнутри. Существо не противилось его действиям — видимо, его желания совпадали с намерениями Огюста. Они едва не свернули на бок тяжёлую тумбу, споткнулись о тело мёртвого шофёра, перешагнули распластанного Везунчика.

Но стоило Огюсту остановиться, как прозрачный человек рванулся прочь, оставляя его тело. Он бросился прямо на стену, и каким-то вторым зрением Огюст увидел, что снаружи давно уже утро — и понял, что, в принципе, стенка — это не слишком прочная преграда. Главное — удержаться за прозрачного проводника.

Что-то происходило со всем телом — по мере того, как прозрачная субстанция, струясь, покидало его, оно и само стало истончаться, превращаясь в такую же эфирную сущность. Не сознанием, а инстинктом — хотя кто бы сказал, откуда взяться

подобному инстинкту? — Огюст хватался за прозрачного человека, тянулся за ним, не давал ему оторваться.

Прохождение сквозь железный лист оказалось крайне неприятным опытом. Наверное, так чувствует себя морковь на тёрке. Всё, что соприкасалось с прозрачной субстанцией — сам Огюст, его одежда, содержимое карманов, грязь на каблуках — словно распалось на частицы и устремилось прочь сквозь стенку контейнера, таким же образом на время потерявшую целостность.

Огюст кое-как сросся по другую сторону стены — и неудержимо втянул в себя прозрачного двойника, тот снова втянулся внутрь без остатка.

Так или иначе, Огюст был цел. Если не считать развороченной дыры в горле, не имевшей никакого отношения к проникновению сквозь материальные преграды.

Огюст огляделся. Задворки хранилища при свете дня выглядели не менее мрачно, чем ночью. Неподалёку возился экскаватор. За перелеском шумело шоссе.

Хотелось что-то обдумать, во всём разобраться, но любая попытка мыслить наталкивалась на ватную преграду. Обрывки идей носились вокруг как мусор на ветру. Жив? Мёртв? Обошлось? Кто я? Кто здесь? Прозрачный внутри Огюста молчал и не подавал признаков самостоятельности. Надо было выбираться отсюда, остальное — потом!

Постепенно приспособливаясь к новым ощущениям собственного тела, Огюст дошёл до не слишком высокого сетчатого забора. По верху змеилась колючая проволока. За такую зацепишься — повисишь ещё три миллиарда лет.

Огюст снял пальто, шарф, пиджак. Рубашка вся пропиталась кровью, но другой у него не было. Пиджаком стерев с себя кровь там, где она не успела засохнуть, Огюст внимательно осмотрел шарф и намотал его на шею так, чтобы большое бурое пятно оказалось не на виду. Снова надел пальто.

Остроносые лакированные ботинки словно специально были созданы для преодоления препятствий из крупной сетки. Огюст

вскарабкался почти до верха, одной рукой набросил пиджак на торчащие в разные стороны металлические колючки и перевалялся через него на другую сторону.

Через час по грязному зимнему пролеску он вышел к шоссе. Машины не рисковали останавливаться при виде замызганного растрёпанного пьяницы. Огюст шёл по шоссе до ночи. Осколки мыслей мало-помалу начали собираться во что-то цельное.

Думай, не стесняйся, говорили они. Шок уже прошёл, давай, собирай нас воедино. Когда ты вышел на шоссе, то пошёл направо — почему? Куда ты идёшь? Куда хочешь попасть? Если всё делать машинально, то и результат будет непредсказуемый.

Куда я иду, подумал Огюст. Quo vadis. Надо бы вернуться домой. Не то чтобы он считал свою квартиру в захолустье у станции Сен-Фаржо настоящим домом, но... Париж — это в любом случае дом, и надо скорее оказаться там... Или поехать в Германию? Скоро он выйдет к какому-нибудь городку, а там есть автобусная станция. Можно доехать до Метца или до Люксембурга. А там уже пересесть на поезд...

Стоп-стоп-стоп! Какая Германия? Ни с того ни с сего — зачем? Почему? Идея показалась ненастоящей, подложной, и Огюст отбросил её без труда.

Ещё через час он вспомнил, что бумажник остался во внутреннем кармане пиджака. С кредитной картой, наличными, всякими страховками, ключами от квартиры — жизнь человека концентрируется в маленькой кожаной папочке, и потерять её — море хлопот! Огюст проверил карманы. Нашлась завалявшаяся двадцатка. Дебюсси не хотел смотреть Огюсту в глаза. Жаль, там оказался не мэтр Сезанн.¹ Двадцать франков — больше чем ничего, но это совсем не билет до Парижа. Дома в секретере чековая книжка, и денег на счету теперь предостаточно — но туда ещё надо добраться. Ехать без билета — не лучшее решение, к разговору с полицией Огюст явно был не готов. А Германия куда ближе. Может, попробовать туда?

¹ Художник Поль Сезанн был изображён на купюре в сто французских франков

Огюст остановился у первых домов населённого пункта, название которого ему ничего не сказало. В этот раз он уже точно был уверен, что не собирался размышлять насчёт Германии. Тогда кто это подумал? Здесь кто-то есть? Он прислушался к себе. Прозрачное существо сидело внутри тихо — то ли присмирело, то ли отдыхало после неудачной попытки побега из Огюста. А что будет, если оно возьмёт верх? И не вырвется силой, а возьмёт под контроль желания и намерения?

Надо домой. Добраться туда, запереться, отдохнуть и подумать. Сейчас, здесь это просто невозможно.

В журнальном киоске на рыночной площади он купил нелинованный блокнот и самую дешёвую ручку с острым стержнем — такой можно проводить тонкие линии.

На допотопной карусели у входа в маленький парк одиноко кружился мальчик лет семи. Его мама или бабушка, нахохлившись, устроилась на скамейке неподалёку. Не самый перспективный объект, но всё же...

Стараясь не слишком приближаться к мальчику, Огюст встал в стороне и приготовил блокнот. Когда карусель сделала пару оборотов, он поймал нужный ракурс и начал рисовать. Стоило поторопиться — неизвестно, крепкий ли у мальчишки вестибулярный аппарат.

Первые линии легли неровно — сказывалось отсутствие практики. Потом дело понемножку пошло на лад. Пластмассовая морда коня, рука на холке, светлый праздничный взгляд из-под сосредоточенных детских бровей. Классический овал лица. Симпатичный малый. Хорошая натура.

Огюст был уверен, что скоро доберётся до Парижа.

Причудливо изогнутые ветки платанов за окном — когда-то они стали последним доводом в пользу покупки этой квартирki. Отвратительный грязный район, и так далеко от родного шестнадцатого округа.

Отец Огюста, уважаемый биржевой маклер, разорился в середине восьмидесятых — и это было покруче неудачного вечера за игрой в покер. Непутёвый сын, к тому времени уже плотно увязший в болоте казино, с удивлением наблюдал, как с родителя ото дня ко дню слетает благочинная позолота, как исчезают привычные детали быта: сначала «яхта» — большая парусная лодка с мотором, затем новенький «Мерседес 560SEL». Они перестали по выходным выезжать в Сержи, стало просто некуда — летний домик уплыл вслед за «яхтой» по издевательски низкой цене. На запястье отца появилась полоска незагорелой кожи — на месте крокодилового ремешка, удерживавшего элитные «Жирар-Перго». Образ преуспевающего добропорядочного бизнесмена рассыпался как карточный домик. «И этот человек запрещал мне играть по-крупному!»

Огюст был не слишком шокирован, когда вскоре судебные исполнители прервали его утреннее чаепитие и долгих сорок минут задавали неудобные и бессмысленные вопросы о местонахождении отца — отбывший накануне вечером папаша не затруднился известить сына о маршруте своего путешествия. Может быть, это даже был его прощальный подарок — спокойствие через незнание. Огюсту нечего было ответить служителям беспощадной и туповатой Фемиды. Конечно, он предполагал, что следовало бы поворошить курорты Дом-Тома¹, но не считал нужным исполнять роль бесплатной гадалки для этих недружелюбных чинуш.

Не прошло и месяца, как его попросили покинуть семейное гнездо на Рю де ля Тур — маховик судопроизводства набрал рабочие обороты, и дело пошло. Не дали даже забрать библиотеку, и что гораздо обиднее — подборку альбомов по искусству, в которую беглый папá не вложил ни сентима. Припрятанной на чёрный день наличности и средств на персональных счетах

¹ DOM-TOM (аббревиатура от Départements d'outre-mer/territoires d'outre-mer) — обобщающее название для Заморских владений Франции

Огюста, не заблокированных дотошной прокуратурой, едва хватило на первичный взнос за студию на восточной окраине цивилизованного мира, в трёх минутах ходьбы от бульвара Периферик¹, в унылом многоквартирном доме между автомойкой и похоронным бюро.

Благодаря одному из знакомых отца удалось оформить кредит по самой щадящей ставке на продолжительный срок: почти до конца света, обещанного пресловутыми майя на далёкий две тысячи двенадцатый год. «Расплачусь за квартиру, и можно сразу к соседям!» — шутил Огюст при каждом подходящем случае, описывая случайным знакомым обстоятельства своей нынешней жизни.

А теперь он смотрел в зеркало на своё неживое тело, и размышлял о том, как относиться к происходящему. Мысли путались, проскальзывали, не хотели строиться в ряд, и сосредоточиться на какой-то одной никак не получалось — словно идёшь по ночной дороге, подсвеченной фонариком из чужой руки, или заглядываешь в книгу через чьё-то плечо в переполненном вагоне метрополитена.

Единственным чётким устремлением оказалось одно: как можно скорее выйти из дома, вернуться на вокзал и сесть на поезд до Франкfurта или Саарбрюккена. Огюст заторопился — вышел в комнату и начал топтаться, озираясь. Что нужно мертвецу в дороге? Смена белья? Зубная щётка? В конечном итоге, он пришёл к выводу, что достаточно только запастись деньгами и надписать несколько карточек для разных бытовых ситуаций.

Но как только он вынул из запылённой эскизной папки листок плотного картона и сел к кухонному столику, его приковала к месту вторая за сегодняшний день ясная мысль. Формулировалась она предельно просто: Огюст, а какого хрена ты забыл в этой чёртовой Германии? Даже оторопь взяла, до чего просто.

¹ Кольцевая автодорога, отделяющая собственно Париж от «Большого Парижа» — многочисленных пригородов, формально включенных в границу города

А вот дальше пришлось двигаться на ощупь, увязывать хвостики непослушных мыслей один к другому, ощущая нарастающее сопротивление... Чего? Нет, не так. Кого! Тебя, мой прозрачный гость. Ведь это ты так настойчиво подбиваешь меня умчаться во Франкфурт! Ты влез в моё продырявленное тело как в подержанный битый «Ситроен» и ждёшь, что машина повезёт туда, куда тебя влекут твои прозрачные дела! И когда мы окажемся там, где-то между Франкфуртом и Саарбрюккеном, ты просто выйдешь из этой машины, хлопнув дверцей, так? А ты подумал, что при этом случится с «Ситроеном»? Брошенный, он долго не протянет. Закоротит аккумулятор, встанут клином поршни, лопнет приводной ремень, слезет с кресел синтетическая кожа, ржа проест пороги и днище — эта машина вряд ли долго протянет без пассажира!

Слышишь, ты, тень! Я уже умер, и мне не о чем с тобой договариваться. Я не знаю правил игры, и, может быть, уже через секунду ты выскочишь из моего простреленного горла как джинн из лампы — ну, значит, так тому и быть! Только что-то мне подсказывает, что пока мы слились в одно, никуда ты не денешься. Я твой заложник, а ты мой пленник. Тебе нужна Свинья? Она — отсутствующий ключик к твоей свободе? Извини, но я не на твоей стороне.

Огюст прислонился спиной к стене, посмотрел на свои руки. Авторучка улетела в угол, листок скользнул со стола на пол задумчивым парусом. Пальцы правой руки свело судорогой, но Огюст её не почувствовал и торжествующе засмеялся. Воздуха в лёгких не было, поэтому вместо смеха получился лишь статичный оскал, маска пирровой победы на лице труппа.

То, что сидело у него внутри, дёрнулось, рванулось, прямо сквозь одежду вытянулось из груди наружу прозрачным желеобразным щупальцем, дотянулось почти до окна — и сжалось как растянутая пружина — и опять растеклось по клетке, ограниченной пределами человеческого тела.

«Держу тебя!» — произнёс Огюст одними губами. — «Ещё поживём!»

В одном из узких извилистых переулков Латинского квартала пряталась «Лавка мастера» — тесный магазинчик, заполненный стеллажами как библиотека. В бесчисленных ящиках и ящичках хранились настоящие сокровища — всё, что может потребоваться для работы художнику, скульптору, декоратору, оформителю. Кисти, скребки, резак, бумага, картон, пергамент, тушь, гуашь, масляные и акварельные краски — бесчисленных марок, типов, модификаций. У дверей подсобки громоздились мешки с гипсом. Над стойкой продавца дрожал огромный пук павлиньих и страусиных перьев. Вместо обычного кассового аппарата чеки пробивались на воронёном металлическом чудище с механической ручкой на боку, вращающейся со скрежетом и звоном.

— Месье?

Пожилой хозяин — по выходным он отпускал продавцов, экономя по мелочи, а заодно заполняя работой одинокие дни, — давно заметил загадочного посетителя в надвинутой на глаза шляпе, замотанным до подбородка шарфом и солнцезащитных очках-хамелеонах. На полицейского, вроде, не похож, но держится странно — бродит по лавке с блокнотом и всё что-то строчит. Ещё от посетителя исходил резкий душный запах незнакомо-го одеколона. Впрочем, у всех свои чудачества — лишь бы чего не спёр.

Огюст переоделся дома в лёгкий осенний плащ. Пальто, в котором его убили, без сожаления выбросил около дома в мусорный бак. Тепло и холод из важных факторов превратились в справочную информацию — Огюсту не было ни холодно, ни жарко, он различал внешнюю температуру, и только.

На вопросительный оклик хозяина Огюст вернулся из глубины магазина к прилавку и протянул длинный рукописный перечень необходимого. Ровные строчки заполняли почти весь блокнотный лист. По мере чтения брови хозяина приподнимались всё выше — удивлённо и уважительно.

— Старая школа, — сказал он вглядываясь в лицо посетителя. — Мы не встречались? Такой подход к выбору красок я видел только у учеников мэтра Бризея, если слышали о таком. А старик, надо сказать, брал под крыло немногих!

Ответом послужил картонный квадратик. «Простите, я немой, из-за чего не смогу поддержать беседу».

— О, месье... — хозяин нахмурился. — Понадобится время, чтоб всё собрать. Подождёте вон там, в кресле? Может быть, чашечку кофе?

Посетитель отрицательно покачал головой.

Хотя воспоминание о глотке душистого напитка было весьма приятным, что-то подсказывало Огюсту, что экспериментировать с жидкостями больше не стоит.

И так хотелось расспросить продавца про Бризея! Откуда знает старого мастера, не учился ли у него, и жив ли ещё тот, лучший из лучших, фанатик, помешанный на смешении цвета и света...

Огюст резко и болезненно ощутил, как много он пропустил, подменив искусство азартом, забросив данное судьбой умение ради мельтешения фишек и купюр. Кисть, перо, пастель, простой карандаш, даже никчёмный фломастер — все инструменты художника так легко и послушно ложились ему в руку. Так почему же он не ответил им взаимностью? Миллионocветную радугу отгородил красно-чёрный забор, пика к бубне, цифры в ряд... но даже сейчас — особенно сейчас! — ещё можно кое-что исправить.

Теперь, когда Огюст «разобрался в себе» и в какой-то мере взял ситуацию под контроль, он чувствовал себя небывало легко. Словно Фрэнк Бигелоу наоборот¹ он с каждой минутой удалялся от трагического момента своей внезапной насильственной смерти. Освобождённый от быта, обязанностей, планов

¹ Фрэнк Бигелоу — главный герой фильма «Мёртв по прибытии» (D.O.A., 1949, римейк 1988). По сюжету герой узнаёт, что отравлен медленно действующим ядом и обречён на смерть через 24 часа

и любых других атрибутов долгого предсказуемого будущего, Огюст беспечным воздушным шариком летел над смешной примитивной действительностью.

То, что Прозрачный, как он постепенно привык звать застрявшую в нём сущность, рано или поздно вырвется наружу, почти не волновало Огюста. Существование личности может прерваться в любую секунду, не так ли? Никто не застрахован от неожиданной опасности. Высказывание верно как для нормальной жизни, так и для экстраординарного посмертного бытия, в котором Огюсту только предстояло обжиться.

Забрав полный пакет покупок, повесив на плечо мольберт, благодарно кивнув хозяину лавки, он вышел на улицу. Нужно было спешить на вокзал. Нет, Прозрачный, не на Гар дё ль'Эст¹, даже и не надейся. В прошлой жизни Огюст не был храбрецом, совсем не был. Он любил острые ощущения, но только когда сам устремлялся за ними. Он прятался от маломальских проблем, не желая ни с кем конфликтовать или спорить, никогда не шёл на принцип — тот Огюст из прошлой бессмысленно растраченной жизни. Но теперь ему стало нечего опасаться. Он хотел парить в восходящих потоках, жаждал впитывать мир — и творить, отдавая впитанное. Закованное в нём прозрачное существо никак не могло этому помешать.

Светлая полоска над головой, пресно-пасмурная, без облаков, была равномерно затянута дымкой, словно строительной сеткой. Будет ли солнце, спросил себя Огюст. Там, куда он намеревался попасть, ему очень пригодилось бы хорошее закатное солнце...

Медленным шагом, боясь упасть и что-нибудь ещё повредить в организме, и без того ставшем непослушным и хрупким, он выбрался из переулков к Люксембургскому саду. Свернул на хрустящие гаревые дорожки, остановился передохнуть — и полюбоваться спящими статуями и пляской отражений в подёрнутом рябью пруду.

¹ Восточный вокзал

Прощаясь с каждым деревом, каждым зданием, каждым видом — ведь нужно всё-таки быть реалистом: вряд ли ему удастся оказаться здесь ещё раз! — Огюст шёл по любимому городу. Шёл через Распай, и через Дю Мэн, а там уже показались вдалеке стрельчатые окна вокзала Монпарнас.

В отделении банка на углу он обналичил выписанный заранее чек, обнулив счёт без остатка.

Для железнодорожной кассы был заготовлен свой листок с надписью: «Пожалуйста, один сидячий билет до Бордо на ближайший поезд. Место у окна, если Вас не затруднит». Кассирша смущённо и озадаченно улыбнулась, бросив взгляд на необычного пассажира. Запел матричный принтер.

— Двадцать минут до отправления, месье. Поторопитесь!

Обязательно, подумал Огюст. Мне теперь нельзя не торопиться! Мольберт немилосердно гнул плечо к земле — окаменевшие мышцы почти не оказывали сопротивления.

Мёртвый человек доковылял до нужного перрона. Красная туша поезда показалась ему вытянутой в бесконечность. Третий вагон — а он только у двенадцатого. Чёрная резная стрелка вокзальных часов отщёлкнула ещё минуту. Время уходит, Огюст!

Он как мог быстро переставлял ноги, уже не заботясь о том, как это выглядит со стороны. Инвалиды тоже ездят на поездах. И частичный паралич — не повод отложить путешествие. Только бы, только бы в Бордо было солнечно...

Состав глухо лязгнул сочленениями и плавно набрал ход, оставив позади пустой перрон. В одном из окошек третьего вагона промелькнуло осунувшееся мужское лицо. Широко раскрытые восторженные глаза вбирали в себя всё, что успевали поймать. Огюст выбрался на пленэр.

ГЛАВА 11

БИТВА ТЕНЕЙ

*Юго-запад Германии, области сна и покоя
6 марта 1999 года*

Камень, много камня, твёрдого гранита и мягких осадочных пород, лучистого кварца и рудных жил — многослойный пирог, испечённый миллионы лет назад.

Скальная толща. Не проскочить насквозь, не протолкнуться, не пробить — завязнешь, влипнешь, пропадёшь.

Приходится следовать чужой тропой, идти человеческими путями, по выгрызленным в скале тоннелям. Но как не стремиться сюда? Мыслимо ли? Ведь здесь сокровищница, здесь сила, здесь будущее. Здесь царят покой и безвременье.

Сюда не приходят люди — а много ли на Земле таких спокойных мест?

Есть исключение — Заключивший Договор. Он один, всего один, и появляется здесь не так уж часто. Это можно стерпеть.

Особенно если твой предмет на месте. В каменной нише, на широком уступе, в обтянутой кожей прямоугольной коробке, разделённой внутри на двенадцать секций. Двенадцать! У Заключившего Договор грандиозные планы!

Половина ячеек свободна и только ждёт наполнения. Три дня как нет на месте Летучей Мыши. А вчера опустели ложа Пса и Быка. Лишь три ячейки заняты. Спят металлические звери, и где-то поблизости отдыхают те, кто привязан к ним невидимой нитью.

Стражу Крота не сидится на месте. Он исследует окрестности: кружит по закольцованным тоннелям, проверяет бесконечные тупики, опускается в бездонные колодцы и волчьи ямы, рассматривает ложные стены, проникает в потайные убежища. Он шагает двуного и ползёт четырёхлапо, плывёт облаком и скользит змеей, распадается на туманные клочья и стекает лужей.

Иногда он возвращается назад и ненадолго замирает рядом с нишей, чувствуя, как фигурка Крота наполняет его новыми силами. Сладкое, невесомое, искристое благодарно поглощается его прозрачным телом.

В ближнем правом углу коробки совсем недавно появилась Свинья. Все ждали, что сразу и объявится её Страж, но идут дни, а фигурка так и остаётся как будто ничья.

Может быть, Страж Свиньи заблудился? Может быть, где-то отстал от фигурки, а теперь тыкается в лесистые склоны горы — там, снаружи, и не может найти ни скрытых в толще камня извилистых лазов, ни искусно замаскированных Заключившим Договор входов? Страж Крота разведал здесь всё и знает, что проходов к пещере только два, с противоположных склонов — со второго этажа офиса компании «Аллес Гут Логистик» и из «Музея волшебных фигур Гюнтера Фальца». Достаточно ли умён Страж Свиньи, чтобы найти вход и пробраться сюда через рукотворный лабиринт?

Стражу неизвестна «скука» — выдумка смертных, жадно считающих каждый миг своего скоропортящегося времени и боящихся истратить этот миг без смысла. Стражу смешны их смыслы, ограниченные семью-восемью десятками лет существования в белковой оболочке.

И, конечно же, он не в обиде на Стража Неназываемого, застывшего под сводами пещеры неподвижным коконом, прозрачным сгустком много лет назад. Страж Крота с удовольствием обсудил бы с ним что-нибудь, и тому наверняка нашлось бы, что поведать остальным Стражам. Но тот, кто охраняет Неназываемого, не снисходит до общения.

Тянется время — бесконечная лента, раскрашенная узором секунд, минут, часов, дней... Когда Страж Крота чувствует насыщение, он расплывается в нечто шестикрылое и снова улетает прочь — из абсолютной темноты пещеры в абсолютную темноту лабиринта.

Как кошка с привязанной к хвосту консервной банкой, Ян бежал и бежал — без всякой цели и смысла, не отдавая себе отчёт, где он находится и куда направляется. Он сел в Майнце в какой-то поезд, занял место у окна и, нахохлившись, смотрел за окно в ночь.

Очень важно было вернуть контроль — если не над реальностью, то хотя бы над своим спокойствием. Пока мысли мечутся в голове серпантином, нет шансов придумать что-то толковое.

Стук колёс и мерное покачивание вагона постепенно помогли унять внутреннюю трясучку. Подобное подобным... Давай, парень, соберись! Это не так уж сложно! Для начала — сухой отстранённый взгляд. Факт первый: с тобой что-то не так. Факт второй: с остальными всё в порядке. Вывод: не стесняйся попросить помощи.

Но легко сказать — не стесняйся! Бюджет Яна получил пробоину ниже ватерлинии, почти все свободные средства он истратил на отправку посылок, а начиная искать дипломированного специалиста по предчувствиям, навязчивым мыслям и общению с эфирными телами, надо чётко представлять, сколько их успокоительный трёп может стоить.

Ян вспомнил про Грету, без пяти минут психиатра, которой, по слухам, уже начинал излагать суть имеющихся проблем. Позвонить Ойгену, узнать её координаты... Она жила в Бремене? Нет, в Ганновере, кажется.

Поезд въезжал в какой-то город, постепенно сбавляя ход. За окном светился редкими окнами аккуратный и симпатичный квартал — трёх-четырёхэтажные дома, балконы с цветочными ящиками, аккуратные столбики вдоль тротуаров, в стык

припаркованные машины. Пусто, совсем пусто — всё-таки за пределами крупных городов жизнь совсем деревенская...

Ярким пятном мимо проплывал рекламный плакат, растянутый во весь торец дома: миска отвратительной на вид собачьей еды, а над ней — весёлый ирландский сеттер, жизнерадостно приоткрывший пасть. Сбоку надпись: «Поиграй со мной!» — и логотип фирмы-производителя.

Ян из всех собак выделял сеттеров — быстрых красавцев и умниц. Может быть, даже завёл бы такого когда-нибудь, но держать в городе охотничью собаку — только мучить, так что дальше абстрактного «вот бы» никогда не заходило.

Но сейчас ухмылка пса показалась Яну особенной, адресованной лично ему. Поиграй со мной! Ян посмотрел псу в глаза — они были чуть-чуть разного оттенка, один ближе к зелёному, другой — в голубизну. Как у меня, подумал Ян. Он отвернулся от окна...

А пёс как будто продолжал смотреть на него хищным взглядом охотника. Чувствуя, как на затылке встают дыбом волосы, Ян откинулся к спинке сиденья, чтобы не видеть страшного оскала сеттера, но это не помогло — Яна опять накрыло волной паники.

Он рванулся с места, побежал по вагонам вперёд, к головному вагону поезда. Заныли виски, на глаза опустилась розовая пелена. Вывернуться, отклониться, спрятаться от прикосновения холодного собачьего взгляда — ни о чём в своей жизни Ян ещё не мечтал так сильно!

Он спрыгнул через ступеньку на ночной перрон, по подземному переходу выскочил в город, дёрнулся налево и направо, а потом увидел освещённый салон двухэтажного «Мерседеса», медленно отъезжающего от «причалов» автовокзала. Ян замахал руками и бросился автобусу наперерез. В голове бултыхался расплавленный свинец.

Седой уса́тый водитель неслышно пошевелил губами, но затормозил и дверь всё-таки открыл.

— Ти що робишь, скаженна дытына! — в сердцах крикнул он.

А потом добавил уже спокойно и по-немецки:

— Если билета нет, оплата только наличными.

Ян вцепился в поручень, шагнул на подножку автобуса и неожиданно для себя попросил по-русски:

— Дяденька, увезите меня отсюда, а?

Двадцатью минутами позже на площадь перед вокзалом выехал белый фургон. Надпись «Аллес Гут!» красовалась над его лобовым стеклом.

— Приехали, — сказал Петер, глуша мотор и дёргая ручной тормоз.

— И что тут? — спросил Энвер.

— Поезд, — сказал Петер уверенно. — Ждём поезда.

— Так где ждём-то? Сидим? Выходим?

— Нормально, — кивнул Петер. — Поезд будет.

— Ну-ка, посмотри-ка на меня!

Петер невозмутимо повернул голову к пассажиру. Энвер без размаха залепил ему пощёчину. Не рассчитал немного, не сделал поправку на Быка, и затылок Петера едва не свернул подголовник.

— Эй, ты что? — Петер встряхнул головой, перед глазами разбегались круги.

— Мы зачем сюда приехали, Гончий?

— Поезд, — уже не так безапелляционно повторил Петер. — Поезд встречаем.

— А кто в поезде? — Энвер разговаривал с ним как с ребёнком, это начинало раздражать.

— Ну как кто?! — воскликнул Петер и замолк.

Энвер хлопнул его по нагрудному карману, двумя пальцами выудил оттуда пакетик с визитной карточкой Яна Вана.

— На-ка, Гончий, понюхай.

Петер ошалело посмотрел на спутника. Приоткрыл пакет, поднёс к носу. Зажмурился. Дёрнул во тьме за светящуюся нить, подтянул другой её конец к себе.

Автохимия, какой-то нерезкий, достаточно приятный запах. «Wunderbaum»¹. Запах никотина откуда-то со стороны, может быть, от собеседника. А вот и сам мальчишка. От него кисло и резко шибает потом, но глубже, от шеи и груди, тянется остаточный эфемерный запах женских духов, неуловимый и чувственный. Так ты неплохо провёл вечер, Ван! Тут же — тонкая нотка крови: кажется, он обкусал губу — или та просто треснула на холоде. Но поверх всего — запах болезненного страха, сильнее с каждой секундой, ни с чем не перепутаешь.

— Он в автобусе, — сказал Петер, поворачивая ключ зажигания. — И он меня чувствует.

Ночной разговор с водителем помогал гасить тревогу. Автобус шёл аж из Мюнхена, и старый шофёр с удовольствием рассказал, как там обустроились украинцы, и сколько открыли всяких предприятий, и что одного запорожца даже в ландтаг продвинули. Хороша ли жизнь? А что ж плохого-то? Львов с Харьковом, правда, и в Мюнхене не особо дружат, западенцы всё больше сами по себе, хата с краю...

Раза три на Яна накатывало чувство, что кто-то смотрит ему в затылок, но быстро проходило. Он тоже рассказывал как смог про Франкфурт, про Ойгеновых и Вальдемаровых друзей, про ганноверскую Грету и дюссельдорфскую Наташу.

Тут же, конечно, вспомнил про оставленную в Майнце Наталью Андреевну, но этот запутанный клубок эмоций сейчас уж точно не стоило ворошить — вон, сразу и сердце застучало чаще, и ладони вспотели...

— Мне в Ганновер надо, — сказал Ян водителю.

— К Грете! — сделал вывод внимательный дедушка, довольно покачивая головой. — Давай, что же, дело молодое!

Знал бы ты, дед, о каких делах речь, так помолчал бы, наверное, подумал Ян беззлобно. Шофёрская жизнь представилась

¹ Популярный автомобильный освежитель воздуха, выпускается обычно в виде плоской ёлочki — подвески

ему оазисом реальной жизни и бытового благополучия, абсолютно спокойствия и обыденности.

Очередная остановка, очередной вокзал. Здесь шёл снег пополам с дождём, прощальное послание от уходящей зимы. Ян выпрыгнул из уютного автобусного тепла в мокрую темноту незнакомого города.

В зальчике ожидания он изучил табло. Проходящих было немало, но до нужного поезда оставалось почти два часа. Длинная лавка состояла из отдельных пластмассовых сидений, собранных на общую раму. Ян сначала сел, но потом, почувствовав, что всё равно засыпает, поставил на мобильном будильник, завалился набок, интеллигентно высунул ботинки за пределы лавки, чтоб не испачкать сиденья — и провалился в никуда.

Сквозь летящую с неба влагу «аллес-гутовский» фургон пролетает мимо спящих деревень и городков. Фары рвут темноту, на них плавится мокрый снег, шины с глубоким протектором выплёвывают в стороны жидкую кашу.

— Им его не поймать, — говорит Страж Пса. — Стоит им только приблизиться, и он обдурит обоих.

— И что ты предлагаешь? — Страж Быка ленив, и нужны веские доводы, чтобы его на что-то подвигнуть.

Два невидимых веретена висят над крышей несущегося по пустому автобану. Если бы они были хоть чуть-чуть видны, машина стала бы похожа на ракетную установку.

— Такая охота нечасто случается, — говорит Страж Пса. — Весело.

— Ты слишком увлёкся людьми.

— Я чаще бываю среди них.

— Разве это хорошо?

Стража Быка начинают раздражать пролетающие сквозь него капли, он сокращается, утолщаясь до шара, и просачивается сквозь крышу машины в багажник. Там он выпускает

заготовки рук, ног, головы, становится более плотным. В молочно-голубой пене проступает костяк, обрастает тканями, сосудами, полупрозрачной кожей, подходящей по сезону одеждой. Страж Пса, оставаясь почти невидимым, парит под потолком как слой смога. Обычным прозрачным такие метаморфозы недоступны, но здесь «обычных» нет.

— Ты же видел Урода, — говорит Страж Пса. — Таким нет места.

— Где?

— Нигде. Поймаем человека — Урод окажется поблизости. Только в этом смысл охоты. До людей мне дела нет.

— И как ты будешь его ловить? — Страж Быка всё ещё сомневается. — Побежишь за ним с криком «Молодой человек, постойте!»?

— Я думаю, что могу хотя бы изредка не прикидываться человеком, — говорит Страж Пса.

Он медленно оседает на пол и начинает меняться.

Плитку в подземном переходе не перекладывали очень давно. На том месте, где кафельные квадратики выпали, бетон почернел, и теперь стена напоминала огромную перфокарту. Стук каблучков в пустом коридоре должен был отдаваться многократным эхом, но звука не было. Во сне опять не было звука.

Ян-не-Ян опаздывал. Он бросил взгляд на часы — в кадре мелькнуло запястье, светлая ткань плаща, тёмная кайма рукава пиджака, белый циферблат, золотистые стрелки, строгий офисный стиль. Без десяти два.

Ступеньки вверх, красноватая плитка железнодорожной платформы, косой дождь вперемешку со снегом, сноп прожектора, подползающий поезд. Ян-не-Ян пошёл вперёд вслед за сбавляющими ход вагонами. Теперь по левую руку тянулось скромное здание вокзала. Дверь вагона замерла метрах в десяти.

Проходя мимо широкого вокзального окна, Ян-не-Ян мельком заглянул в него, задержав взгляд на каком-то бродяге, завалившемся в зале ожидания на лавку с ногами. Лицо полуприкрыто капюшоном, куртка перекошена и распахнута на груди, рубашка как будто застёгнута не на ту пуговицу. Бледно-синие джинсы. Ботинки на толстой подошве торчат из-под подлокотника.

Ян-не-Ян подошёл к двери, с силой нажал на светящийся кружок, створки разъехались, и он шагнул в вагон.

Ян поднялся так медленно и осторожно, словно у него в руках была хрустальная ваза с нитроглицерином. Протёр глаза. Посмотрел за окно. Там мелькали вагоны уходящего поезда.

Ян взглянул на табло. Поезд Штутгарт — Кёльн. Похоже, поспать удалось не больше десяти минут. Ян встал на ноги и двинулся к выходу на платформу. Толкнул распашную дверь, шквал холодного воздуха приятно остудил лицо и шею.

Сделав несколько шагов по платформе, Ян заглянул в вокзальное окно. Лавка была пуста, никакого бродяги на ней не было. Потому что бродяга стоял тут, на залитой дождём платформе, и смотрел то сквозь мокрое стекло в пустой зал ожидания, то в конец перрона, где покачивались красные точки — фонари уходящего поезда. На часах над платформой прыгнула стрелка, и стало без семи два.

Ян перестегнул пуговицы на рубашке так, как надо. Молнию куртки защёлкнул до подбородка. Сил бояться больше не осталось.

Он спустился в переход, и сначала пошёл, а потом побежал в обратную сторону сна.

Пройдя под железнодорожными путями, он вышел в пустынные улицы старого города. Нарядные двухэтажные домики казались декорацией. Кособокие булыжники под ногами, никаких тротуаров, только выступающие крылечки в одну-две ступеньки. Нигде ни огонька в окнах, лишь горит неуместным здесь белёсым дневным светом один фонарь из трёх.

И снова — холодный мокрый язык чужого внимания облизал его от пяток до затылка. Ян шарахнулся в сторону, обернулся — но здесь никого не было и не могло быть. Наверное, так начинается паранойя.

Но сколько бы успокаивающих слов он себе не говорил, ноги сами понесли вперёд, словно только в движении было спасение, быстрее, быстрее!

Спотыкаясь и поскальзываясь, Ян нёсся по спящей бюргерской улочке.

— *Мы бы стали счастливее всех,* — задыхаясь, запел он, и мысленно зажал гитарный аккорд.

— *Если б мы смогли найти,* — Е-Эм — А-Семь, Е-Эм — А-Семь, всё просто!

— *Великий корень зла в пустых колодцах любви...* — впереди улица расширялась, постепенно превращаясь в площадь.

— *Джим Моррисон давно уже мёртв...* Но мы верим в то, что он ещё жив... — снова вгоняющее в дрожь касание чего-то чужого, сильное, более чёткое, чем раньше.

— *И собираем пыль давно остывшей звезды...*

Дыхания уже не хватало, Ян перешёл на шаг, упрямо продолжая проговаривать слова. Песней это назвать было нельзя, но так он хотя бы слышал собственный голос:

— *Наша смерть нас гонит вперёд,
Наше время движется вспять,
Мы все — большая стая гончих псов!*¹

Площадь, вытянутая к Яну клином, в широкой части была превращена в рынок. Чередовались красные и жёлтые тенты. Под некоторыми стояли стойки-витрины, под некоторыми — широкие низкие лотки. Ветер трепал блестящие от воды полотнища, и рынок волновался как море. Чувствуя себя Моисеем, Ян

¹ Группа «Крематорий», «Гончие Псы»

вошёл в центральную аллею, и воды расступились перед ним. Слева показался зазор между палатками.

Еле видимая в дождливой темноте башня нависала над площадью как мёртвый маяк. Минутная стрелка на башенных часах качнулась и упёрлась в «XII». Ян зажал руками уши, чтобы страшный гром колокола не лишил его слуха. Но вокруг стояла мёртвая тишина, разбавляемая только шелестом падающих струй.

Ян прошёл между палатками и спрятался под козырёк телефонной будки. Потрогал пальцами скол на пластмассовом кожухе таксофона. Посмотрел на просвет через поцарапанное стекло. Нашёл в кармане подходящую монету.

Последовательность цифр даже вспоминать не пришлось — пальцы сами нажали нужные клавиши.

Приятный женский голос, уже слышанный им однажды на Остендштрассе, напевно произнёс: «Dynamische Strukturen!»

«Во-во, динамо какое-то!» — сказал тогда Вальдемар, вспомнил Ян, смехом приостанавливая текущие по щекам слёзы.

«Наберите внутренний номер абонента, или нажмите «ноль» для отправки факса, или дождитесь сигнала автоответчика».

Откуда-то из-под цветочных навесов ветер пригнал скомканный в шар кусок плотного целлофана. Разбрасывающий хаотические блики прозрачный «перекати-поле», кувыряясь по центральной аллее, скрылся за тентами. Длинно пискнул автоответчик.

— Вы слышите меня?! Оставьте меня в покое! Меня зовут Ян Ван, и я понятия не имею, как вы забрались ко мне в голову! Просто исчезните!

Он бросил трубку на рычаг и снова вышел на середину площади. Как бы он ни встал, как бы ни повернулся, кто-то неотвязно смотрел ему в спину.

Четыре улицы лучами расходились от площади, и Ян стоял так, что видел начало каждой. Нельзя бежать, понял он. Иначе это просто меня доконает.

Сжав кулаки, широко расставив ноги, он стоял в незнакомом городе посреди пустой площади и ждал непонятно чего. Но когда в одной из улиц сначала показался свет фар, а потом и сами фары прорезали ночь, выхватывая Яна из темноты, он всё-таки побежал.

Горячий обруч всё крепче стягивал лоб. Мимолётная мыслишка о том, что просто кто-то едет домой, и сейчас огни уплывут в сторону, умерла быстрее, чем фары повернулись вслед за направлением движения Яна.

Человеку трудно состязаться с автотранспортом в скорости. Секунд пятнадцать как будто ничего не происходило, но потом грязный белый борт грузовичка поравнялся с Яном, заставляя его запрыгнуть на крыльцо ближайшего дома.

Фургон взвизгнул тормозами, и, проехав юзом по скользкому бульжнику, развернулся поперёк мостовой, практически перекрыв собой узкую улочку. Хлопнули сразу обе дверцы. Из фургона вылезли двое, и даже в тусклом уличном свете в одном из них Ян сразу узнал бритого человека, сидевшего в машине на автозаправке по дороге из Цвайбрюккена.

Засунув руки в карманы, прижав локти к бокам, стуча зубами, Ян прижался к спиной к запертой входной двери, утопленной в стену от силы на двадцать сантиметров. Надо было бежать, пользоваться тем, что здесь их фургону так уж быстро не развернуться, но ноги еле держали его, а преследователи явно были в прекрасной физической форме.

Ну что им стоит, подумал Ян, щуря глаза от боли, вкручивающейся в виски и переносицу, ну что им стоит пройти мимо?

— Смотри-ка, — Энвер показал пальцем на крыльцо. — Это что такое?

— Где?

— Ну вот это! — Энвер поводил ладонью параллельно поверхности земли. — Полосатое! Камень как называется?

— Погоди с ерундой, — нахмурился Петер, вытаскивая мобильник. — Пронару надо позвонить.

— Трудно сказать, что ли? — обиделся Энвер. — У меня у брата плитка напольная как бы с таким рисунком. А это, похоже, прямо натуральный камень.

Он подошёл к крыльцу, нагнулся, поковырял грань ногтем.

— Да обычный мрамор, — раздражённо сказал Петер. — Алло, мне пронар нужен.

Они остановились точно напротив Яна, но у противоположного крыльца. Резкие звуки чужого языка — языка атлантов, не иначе! — резали слух.

Ян сошёл на мостовую. Переставил одну ногу поближе к фургону. Потом вторую.

Петер молча ждал соединения, слушая классическую музыку.

Энвер решил померять размер одной плитки — на глаз он не мог сказать, пятьдесят это сантиметров или шестьдесят, а брать нужно именно этот размер! Он вынул пистолет, насчитал три с половиной ствола в длину и задумался, как это перевести в сантиметры.

Ян пролез в узкую щель между стеной дома и передней фарой фургона. Теперь автомобиль загоразживала его от преследователей.

Метрах в десяти перед Яном стоял человек. В длинном чёрном пальто и старомодной шляпе он походил на шпиона из дешёвого боевика. Или это было что-то очень похожее на человека — полоска лица между шляпой и поднятым воротником казалась полупрозрачной, в ней угадывалась сетка вен.

Человек не шевелился, и Ян подумал, что, может быть, ему удастся просто пройти мимо. Но в этот момент он скорее почувствовал, чем увидел, какое-то движение справа и повернулся туда.

По гладкому белому борту фургона разбежались круги как от камня, брошенного в воду. А в следующее мгновение яростное клыкастое существо с огромными хищными глазами прыгнуло на Яна прямо сквозь борт грузовика, сквозь размашистое «Alles Gut!»

Лапы-руки с растопыренными пальцами, переходящими в кинжальные когти, вцепились Яну в грудь, и, несмотря на то, что сам толчок был не слишком уж сильным, ноги Яна подкосились, и он рухнул на спину, не имея даже времени подстраховать падение руками.

С третьей попытки он ухватил вертлявую тварь за шею. Полупрозрачное существо было размером с крупную собаку, но удивительно лёгким: Ян почти не чувствовал его веса на себе. Что не мешало твари поочерёдно втыкать Яну в грудь и в плечи длинные широкие когти. От каждого удара он чувствовал внутри короткий ледяной ожог, а затем в этом месте словно проворачивалось сверло. Клыки твари, непропорционально большие, щёлкали у лица Яна всё ближе — удержать это скользкое чудище не получалось.

Он просунул левую руку между собой и пронизанной синими прожилками мордой. Отодвинув клацающие челюсти хотя бы на расстояние локтя, Ян правой рукой выхватил из кармана гремющую связку, сжал её крепче — длинным стержнем от входной двери наружу, брелком и мелкими ключами в ладонь. Тварь извернулась, пытаясь пролезть под выставленный локоть, и Ян ткнул её в шею и в бок. От каждого удара по склизкой шкуре прозрачной псины разбегались пучки искр. Ключ пробивал хлипкую шкуру насквозь и погружался в зыбкую плоть чудовища на всю длину стержня — но выходил назад, не оставляя следа. Судя по отчаянному визгу существа, удары доставляли ему боль, однако не ранили — равно как и кривые кинжалы, пронзавшие Яна, не оставляли следов на одежде и коже.

Когти его задних лап проткнули куртку Яна в нескольких местах и погрузились в живот — в мышцах пресса как будто взорвалась граната.

Меркнувшим взглядом Ян успел увидеть над улицей на краю крыши выпрямившегося в рост прозрачного человека. Стекляш прыгнул вниз, вытягиваясь в остроконечный конус, похожий на наконечник копья. Пройдя по сложной траектории как

противотанковая ракета, невидимое копьё поддело атакующую Яна тварь, пробило её насквозь и отбросило вверх и вбок.

Человек в шляпе стремительно растворялся в воздухе — целые пласты отваливались от него и, закручиваясь воронками, истощались до полной невидимости.

Ян приподнялся на локте.

«Мы победили?!» — хотел кого-нибудь спросить он, но в этот момент окончательно потерял сознание.

Крик вывел бойцов из созерцания мраморной плитки и ожидания телефонного соединения. Они посмотрели друг на друга и одновременно бросились к фургону. Петер обежал фургон спереди, а Энвер, ухватившись за зеркало заднего вида, легко перепрыгнул на другую сторону через крышу.

В пустом переулке в нескольких шагах от машины на мостовой раскинулся какой-то парень лет двадцати пяти.

— Это чего это? — уточнил Энвер.

В этот момент музыка в трубке у Петера прервалась.

— Пронар?

— Что случилось, что ты звонишь посреди ночи? Вы его взяли?

Петер хотел переспросить, но потом посмотрел на лежащее у ног тело, и что-то с чем-то стало состыковываться. А о чём-то, похоже, надо было просто догадаться.

— Да, — сказал он. — Взяли.

Энвер, тоже с печатью мучительных раздумий на лице, наклонился к Яну, ухватил его за лодыжку и поволок к боковой двери фургона как мешок с мусором. Связка ключей выскользнула из безжизненной руки Яна и, негромко звякнув, провалилась сквозь решётку водостока.

ГЛАВА 12

ВСЮДУ СОЛНЕЧНО

*Повсюду
7 марта 1999 года*

Когда зима сдаёт свои права, а весна перенимает у неё эстафету, иногда случается так, что солнце заполняет мир собой. Ещё не жаркое и не ласковое, но ярое и косматое, оно разгоняет любые тучи и заливает всё вокруг раствором своих лучей. Шипя, тают сугробы, ростки из-под земли устремляются навстречу теплу, птицы шалеют от весеннего света, а люди ходят, счастливо озираясь, втягивают носом ещё прохладный воздух и начинают строить планы на лето.

В такой день хочется поймать подходящий момент и запечатлеть мир, да так, чтобы в стоп-кадр попали только солнце, смех, радость, надежды... Но выбрать правильный ракурс не всегда удаётся.

Из зала выдачи багажа в аэропорту Франкфурта выходит девушка. Колёсики жёсткого ярко-красного чемодана деловито шуршат за спиной. Встречающие провожают девушку взглядом и, наверное, жалеют, что встречают не её, такую солнечную и весёлую. Вместо того, чтобы спуститься к электричкам или такси, она сворачивает в зал вылета, выискивает на табло обратный рейс на Москву. Регистрация только-только началась. Девушка выбирает место поближе к стойке, ставит чемодан набок, садится на него верхом и внимательно смотрит по

сторонам. Она никуда не торопится и готова подождать сколько надо, лишь бы удался сюрприз.

Девушку зовут Инга, по программе обмена её ждут восемь недель занятий в Гейдельбергском университете. Всё так удачно сложилось с этой поездкой — шесть дней назад привезли паспорт с визой, а уже сегодня она в Германии. Впереди столько всего интересного!

Ингу огорчает только одно: её друг — больше, чем друг! — Ян, милый Ян, Колобок, ушедший от всех зверей в лесу, не звонит ей вторую неделю. Она отправила ему от подруги письмо по электронной почте, но не смогла проверить, ответил ли он. Зато она знает, что он точно вылетает в Москву этим рейсом — ведь завтра Восьмое марта, а они крепко-накрепко договорились, где и как проведут этот день. Но теперь её планы поменялись, и обязательно надо его предупредить. Вот же Ян удивится, увидев её тут!

Она тихонько смеётся, представляя, как вытянется его круглое лицо.

Регистрация уже началась, так что, наверное, ждать придётся не долго.

Пологие берега стелятся бесконечной лентой по оба борта. Неопрятные пучки пегого прошлогоднего камыша торчат на мелководье, кое-где по склонам горят жёлтые звёздочки первых одуванчиков.

Река как будто не движется, и только лёгкая рябь передаётся воде корпусом судна от глухо урчащего корабельного дизеля. Винты оставляют за кормой короткий пенный след. Сухогруз «Вестфалия» идёт намеченным курсом. Всё ближе шлюзов Майн-Дунайского канала, но это лишь первый этап долгого пути. Через Австрию и Венгрию, к Балканам, туда, где груз «Вестфалии» оценят по достоинству.

Бинты, палатки, грелки, термосы, консервы и аптечки первой помощи — «гуманитаркой» распорядится Красный Крест. А вот

всё прочее принадлежит Харадинаю, герою нового времени. Патроны, автоматы, гранатомёты, полевые рации, мины — это скромный подарок раскиданной по Европе диаспоры бойцам Освободительной армии Косова. Те, кто сам не готов проливать кровь, взамен всегда предлагают деньги.

Солнце слепит глаза, но Сала не надевает очков. Третьи сутки он проводит на палубе корабля. Ему легко и весело. Он теперь помощник капитана! В каюте на вешалке даже висит его белая фуражка. Салу радует всё, о чём он только не подумает. Отсутствие сна, оказывается, такая забавная штука! Сала ни на чём не фокусирует взгляд, но словно видит всё вокруг одновременно, в мельчайших деталях. Под фуфайкой, подвешенная на золотую цепочку, к его груди льнёт Летучая Мышь.

Полковник Свиридов, добродушный и флегматичный Илья Ильич, запершись посреди дня в рабочем кабинете на Лубянке, в бешенстве ломает над пепельницей зубочистки. Это занятие очень успокаивает. Сначала деревянную палочку нужно вынуть из бумажного пакетика, пакетик скрутить в трубочку и выбросить, а палочку можно медленно разломать на десять, а то и двенадцать частей. Мелкая моторика, надо чем-то занять руки.

Она упустила мальчишку — вот что не даёт Свиридову покоя. Впервые за много лет Кролик дал осечку. Всё, вроде бы, шло по плану. Неотразимая Наталья Андреевна, к тому же вооружённая предметом, обворожила и притянула мальчишку к себе. Он должен был бегать за ней хвостиком, не отходить ни на шаг, и что вместо этого?!

Илья Ильич планировал использовать разноглазого Яна Вана как одноразовую зубочистку — поковыряться им в «Музее волшебных фигур» и посмотреть, отреагируют ли те, кто скрывается за этой вывеской. Заинтересует ли их мальчик, владеющий Опоссумом. Поначалу всё катилось как по рельсам — как бы случайно, по собственной инициативе, Ян заехал в музей. Не застав Гюнтера Фальца, оставил свои координаты. Уже

на обратном пути из музея за ним увязался хвост, в результате чего «Крутовы» даже перевыполнили план, быстро и аккуратно добыв «языка».

Но дальше всё разладилось. Пленник умер страшной смертью. Про токсин, обнаруженный в его крови, лучшие эксперты старой «комитетской» школы до сих пор не могут сказать чего-либо вразумительного. Мальчишка облапошил Наталью Андреевну и исчез.

На столе звонит телефон, Илья Ильич смотрит на него ненавидящим взглядом.

— Свиридов.

— Здравствуй, дорогой! — голос у старинного друга узнаваемый, одновременно мягкий и твёрдый, словно завёрнутый в ткань ломик.

— Привет, Арсен-джан!

Тебя мне ещё сейчас не хватало!

— Илюш, у меня посыльный потерялся. Помнишь, ты просил, чтобы он съездил в какой-то там Цвайбрюккен? У тебя случайно нет от него вестей?

Свиридов замирает, озадаченно смотрит на пепельницу, полную крошечных щепок. Решение приходит само.

— А что такое, Арсен? Мальчик молодец, старательный, уже съездил, отчитался. Завтра перекинем ему денег на карточку, как договаривались. Он же вольный стрелок, перекати-поле, сделал дело — теперь гуляет смело, да?..

Петер, задёрнув наглухо шторы, безуспешно, по энному разу пытается уснуть в неудобной спальне полуобжитой съёмной квартирки в Цвайбрюккене. Стоит смежить веки, как его уводит в короткий и страшный сон.

Вдоль правого борта он обходит грузовик с размашистым логотипом «Аллес Гут Логистик». Капот откинут, а под ним вместо двигателя, карбюратора и прочей автомобильной начинки пульсирует живой организм. Водитель копается в нём как

хирург или мясник — придавливает огромное, с таз размером, сердце, вытаскивает из-под него на поверхность сизый баклажан селезёнки, чем-то зажатым в руке надсекает шевелящиеся внутренности. Начинает хлестать кровь, скапливается в багровые озера, вытекает из-под переднего колеса.

Водитель поднимает голову и улыбается Петеру, скалясь дырой на месте передних зубов.

— Не стреляй, брат! — говорит Лека ласково и полушутливо. — Ну, ты что, из-за этого, что ли?

И разжимает окровавленную ладонь. Серебряная свинья — бешеные глазки, торчащие из-под пятака клыки — раздувается как воздушный шар и... Петер снова лежит без сна, пляясь в потрескавшийся потолок.

Стеклянная дверь с магнитным замком. Привычное движение карточкой, загорается зелёная кнопка — путь свободен. Скользящая, зато красивая мраморная лестница, ступени отполированы до зеркального блеска. Человек в светлом демисезонном плаще поднимается не спеша, слушая эхо своих шагов, гуляющее по пустому зданию. Второй этаж: средних размеров зал, разделённый на дюжину закутков невысокими перегородками. На всех столах — умеренный беспорядок, неровными стопками сложенные бумаги, цветные записки-напоминалки наклеены на клавиатуры и мониторы, вполне рабочая обстановка.

По дальней стене — два кабинета за стеклом. На левой двери золочёная табличка «Geschäftsführer»¹. Без имени, но очень внушительная. На правой — составленная из наборного шрифта надпись:

«Анхель Магнус
Маркетолог»

Человек отпирает правую дверь ключом и уже почти заходит внутрь, когда замечает мигающий красный огонёк на панели

¹ Управляющий (нем.)

управления офисной мини-АТС — индикацию неп прочитанного сообщения. Секретарша, уходящая по пятницам последней, всегда прослушивает сделанные записи — значит, кто-то позвонил уже в выходные.

Наверное, не стоит нарушать сложившийся распорядок действий. Вот включишь сейчас это сообщение — которое наверняка терпит до завтра! — а там окажется что-то важное, адресованное одному из менеджеров. Придётся оставлять ему записку, а потом ещё и переспрашивать, не забыл ли тот прослушать сообщение...

Правильнее было бы маркетологу не лезть в чужую работу. Но Анхель нажимает-таки кнопку воспроизведения. Сигнал начала записи. Несколько секунд порывистого шума, словно ветер бродит по телефонной линии. А потом на весь офис раздаётся срывающийся юношеский голос: «Вы слышите меня?! Оставьте меня в покое! Меня зовут Ян Ван, и я понятия не имею, как вы забрались ко мне в голову! Просто исчезните!»

Резкий щелчок повешенной трубки — и тут же, бесстрастным условно женским голосом: «Нет — новых — сообщений!»

Анхель, загорелый шатен, чем-то неуловимо напоминающий светловолосого шведа Олафа Карлсона образца девяносто первого года, разве что лет на семь постарше, слушает запись и бледнеет как мел.

Он отматывает сообщение назад и прокручивает его снова и снова.

«...Просто исчезните!» «...Просто исчезните!» «...Просто исчезните!»

Донован и Холибэйкер отлично проводят время в Мюнхене. Деревянный некрашеный стол ломится от еды. Баварская кухня сытна и обильна. Струганое мясо вперемешку с овощами и картошкой приносят из печи на здоровенных совках. Пиво льётся рекой. Собеседник, сухонький секретарь консульства, неторопливо и обстоятельно вводит их в курс дела.

— Неприятное совпадение, — говорит он, промокая губы салфеткой. — С одной стороны — объединённой Европой проводится гуманитарная миссия в поддержку несчастных косоваров, терроризируемых преступным режимом Милошевича. Сухогруз «Вестфалия» отчалил из Страсбурга несколько дней назад. Это большая победа дипломатов — целое судно медикаментов и продуктов, тонны и тонны.

Донован вежливо кивает. Холибэйкер украдкой отхлёбывает из кружки.

— С другой стороны — неуёмное рвение отдельных немецких полицейских. Вот эти двое, — секретарь аккуратно выкладывает на край стола два снимка, фотографии явно из служебного архива, с размытой печатью по краю, — очень несвоевременно решили проверить на практике свои конспирологические теории. Герр Оберхоф и фрау Фишер. Прекрасные сотрудники, с отличными характеристиками, специализируются на контрабанде и торговле оружием. Несколько раз пресекали нелегальный ввоз боеприпасов из Чехии и Словакии. Но теперь, видимо, лавры лишили их покоя и здравого смысла. Они собираются остановить «Вестфалию», пока она не вышла с территории Германии, и подвергнуть груз тотальному досмотру.

— Чем мы можем быть вам полезны? — задаёт формальный вопрос Донован.

— Сухогруз должен быть в Сербии не позднее... — секретарь на секунду задумывается, словно что-то отсчитывая, — не позднее двадцать третьего числа. Досмотр — совершенно излишняя мера, и может привести к срыву поставки. Всем будет лучше, если Оберхоф и Фишер потеряют интерес к своим изысканиям. Вас рекомендовали как специалистов по социологии, способных находить решение для столь неординарных задач.

— Это мы, — подтверждает Холибэйкер и приветственно поднимает кружку.

— Помощь вашего ведомства? — уточняет Донован.

— Вся возможная, — кивает секретарь, тоже поднимая кружку.

Душистое нефilterованное пиво, ароматное мясо, приятная беседа, красивый город — лучше не придумаешь, как провести воскресный день.

Ян приоткрывает глаза-щёлочки и видит крашеную стену. У слюны какой-то химический вкус. Сначала он просто лежит на боку, потом поворачивается на спину. Его одежда на нём, паспорт и кошелёк на месте. Под ним свежая простыня, под головой хлипкая синтетическая подушка.

Комната? Палата? Камера? — не большая и не маленькая, приблизительно три на три метра. В углу — ширма. В другом углу — металлический столик. Ножки привинчены к полу. Стула в комплекте не прилагается.

Цвет стен — нейтральный, желтовато-песчаный, приятный для глаз. Потолок очень высоко, метрах в четырёх. Стандартная офисная плитка в мелкую дырочку и два блока по четыре лампы дневного света.

Дверь металлическая. Судя по петлям, открывается внутрь. Ручки со стороны комнаты нет, только ячейка замка. Самое время паниковать.

Ян садится, свешивает ноги с высокой койки, только кончиками пальцев дотягивается до пола. Ботинки с него кто-то снял и аккуратно поставил рядом.

Щёлкает дверной замок, на пороге появляется немолодой мужчина в белом халате, лысый и одноглазый. В одной руке он держит стул, в другой блокнот. Он прикрывает дверь локтем, и кто-то невидимый по ту сторону тихо задвигает защёлку.

— Здравствуйте, — говорит мужчина. — Меня зовут доктор Руай. А вы — можете назвать своё имя?

— Ян. Ян Ван.

— Очень хорошо, — доктор Руай явно удовлетворён ответом. — Мы очень переживали за вас.

Он садится боком к столу, кладёт ногу на ногу, пристраивает на колене блокнот.

— Где я? — спрашивает Ян.

— Что вы помните последнее? — игнорирует его вопрос доктор.

Яна бьёт дрожь. Прозрачная собака выпрыгнула сквозь металлический борт фургона, чтобы вцепиться мне в горло... А Стекляш, мой знакомый прозрачный человек, превратился в ракету и разнёс тварь на куски. Отличная история для обсуждения со специалистом.

— Городская площадь, — говорит Ян. — Я шёл... гулял. Ближе к полуночи, наверное. Там почему-то было очень пустынно и неудобно. Мне показалось, что за мной всё время медленно едет машина. Какой-то грузовой фургон. Я побежал, а потом упал. Дальше не помню.

Руай слушает его, одобрительно покачивая головой, что-то добавляя в свои записи.

— Скажите, вы раньше были подвержены галлюцинациям?

— Что вы имеете в виду?

— Не знаю, — доктор доверительно улыбается. — Мало ли. Какие-нибудь призраки. Полтергейст. Инопланетяне. Или, может, видите то, что недоступно остальным?

Руай говорит очень мягко и спокойно — мол, дело житейское, с кем не бывает, просто расскажи нам, что тебя тревожит.

— Где я? — повторяет вопрос Ян.

— Видимо, вы испытали сильный стресс, и крайне важно разобраться, чем он был вызван. Дело в том, что когда нас вызвали, вы лежали на лавке в вокзальном зале ожидания. Свернулись как эмбрион, окаменели. Зрачки не реагировали на свет. Мы очень испугались за вас, да и за себя тоже. Город небольшой, сложные случаи встречаются редко. Нужно было действовать быстро, а ошибка поставила бы крест на нашей репутации. К счастью, всё обошлось. Вы в частной клинике, Ян. На вокзале вам сделали укол, купировали кататонический ступор, привезли сюда. Тридцать часов назад.

— Почему я заперт?

— Палаты типовые, — смеётся доктор Руай. — Публика, знаете ли, разная бывает.

— То есть, я могу идти?

— Разумеется! Урегулируем небольшие формальности, оформим бумаги. И, если вы не против, я хотел бы задать вам пару вопросов про ту площадь, о которой вы рассказали вначале. Так сказать, профессиональный интерес.

— Мне не очень хотелось бы...

— С вами раньше не случалось приступов?

Ян отрицательно мотает головой.

— В таких случаях очень важно разобраться все возможные причины, почему ваше состояние ухудшилось таким стремительным скачком. Наверное, выдались непростые деньки, да? Усталость, растерянность, странные мелочи, всё накапливалось постепенно? Почему щуритесь? Больно смотреть на свет?

Он всё про меня знает, думает Ян. Может даже, больше меня самого. Ведь то, что творилось всю неделю — это, и правда, ненормально! До психушки недалеко... Собственно, я уже тут. Наверное, стоит воспользоваться случаем.

— Я действительно очень устал. Нервы, наверное. Попал в непривычную ситуацию, разволновался, и чем дальше, тем больше обо всём думаю, думаю... Плохо сплю, всякая ерунда мерещится.

— Какая ерунда? — заинтересованно уточняет Руай.

Про прозрачных людей Яну всё равно говорить не хочется. Надо бы выбрать какой-то другой пример.

— Ну, допустим, в понедельник я во сне увидел место, где никогда не бывал. А уже в среду оказался там. Очень, знаете, странное совпадение.

— А что за место?

— Музей волшебных фигур в Цвайбрюккене. Знаете, там такая выставка-продажа амулетов. Звериные фигурки металлические. Талисманы атлантов, тотемы, гороскоп, что-то в этом духе.

— Ну как же не знать! — кивает доктор.

И, чуть помедлив, добавляет:

— У них много рекламы сейчас, назойливые господа. Вы-то, небось, тоже приобрели амулет, а? Они там умеют уговаривать.

— Нет, — улыбается Ян. — Зачем мне?

— Да ладно, — доктор понимающе улыбается в ответ. — У вас, наверное, своя фигурка! Получше, чем у этих кустарей. Стесняйтесь, что ли? Перестаньте! И у взрослых людей могут быть свои игрушки. Покажите, а?

— Что показать? — недоумевает Ян.

— Фигурку. Ваш амулет. Кулон. Брелок. Я не знаю, вам видней.

Он само радушие, этот доктор Руай. Пиратская повязка даже делает его симпатичней. Морщинки на висках выстраиваются в добрые лучики. Но взгляд единственного зелёного глаза жжёт, требует, угрожает.

— Ну же?!

Яну не очень понятно, чего от него хотят. Но он чувствует, что лучше разобраться с этим недоразумением прямо сейчас. Во рту становится сухо.

— Это... это мне один близкий человек подарил, — чуть смущённо говорит Ян и лезет за ключами.

В кармане пусто.

— Это вы забрали мои ключи?

На доктора Руая смотрят строгие светло-серые глаза.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

ИВАН НАУМОВ

Родился в 1971 году в Москве. Получил высшее техническое образование (МИРЭА, инженер-оптик).

Больше пятнадцати лет занимался международным туризмом, курировал проекты в Италии, Франции, Германии. Постоянно путешествуя и общаясь с «местным населением», составил

собственное представление о жизни современной Европы. Свободно говорит на итальянском и эсперанто, достаточно бойко — на английском, «как собака» — на французском (кое-что понимает, но мало, что может сказать). Ещё брался за литовский, финский, шведский, турецкий и испанский. Не пригодилось, недоучил.

Выпускник Высших литературных курсов в Литературном институте им. Горького

(2006 год, проза, красный диплом, семинар Е. Ю. Сидорова).

В настоящее время работает в области перевозок опасных грузов.

В 1995 году в издательстве «Импето» вышел трёхязычный поэтический сборник автора — «Музыка — это сны» (на русском и английском) / «Plejo» («Самое», на языке эсперанто).

Сборник рассказов «Обмен заложниками» («Форум», 2008) назван лучшей дебютной книгой по версии журнала «Мир Фантастики».

Повесть «Мальчик с саблей» («Дружба Народов», 2010) стала лауреатом Премии Белкина.

«Тени» — дебютный роман автора.

АВТОР О СЕБЕ

По опроснику Марселя Пруста

1. Какие добродетели вы цените больше всего?

О, добродетелей полно! Чувство меры. Умение признавать собственную неправоту. Готовность поступиться личным ради общего дела. Чувство юмора — тоже несомненная добродетель!

2. Качества, которые вы больше всего цените в мужчине?

Уверенность в своих силах. Умение пренебрегать мелкими неудобствами. Верность данному слову. Открытость.

3. Качества, которые вы больше всего цените в женщине?

Наверное, самоотверженность. Всеобъемлющее понятие! Это и «коня на скаку», и в «горящую избу» — разбаловали нас классики! — и доверие, и нежность, и готовность идти до конца.

4. Ваше любимое занятие?

Что-нибудь изобретать, выдумывать, заниматься прожектёрством. Из меня вышел бы отличный Манилов — и почему я как-то иначе устроил свою жизнь?

5. Ваша главная черта?

Об этом надо бы кого-то другого спрашивать! Хочется надеяться, что лёгкость. Не люблю напрягать окружающих и, соответственно, рассчитываю на дружественное отношение к себе.

6. Ваша идея о счастье?

Счастье — это когда есть достаточно времени, чтобы заниматься любимым делом и быть с любимыми людьми.

7. Ваша идея о несчастье?

Несчастье — это когда становится невозможным прожить то, что заранее придумал. Расшифровывать не буду — не хочу об этом рассуждать.

8. Ваш любимый цвет и цветок?

Жёлтый. Если жёлтый занят, то оранжевый, я неприязнителен. Цветок — золотой шар. Это цветок счастья.

9. Если не собой, то кем бы вам хотелось быть?

Пожалуй, я не отказался бы побыть Яном Ваном. То, что ему предстоит пройти, и решения, которые ему предстоит принять — это крутой экспириенс.

10. Где вам хотелось бы жить?

А я там и живу — в самом сердце Москвы. Между мной и городом существует невидимая связь, он часть меня так же, как я — часть его. Я очень люблю путешествовать — главное, потом возвращаться именно сюда!

11. Ваши любимые писатели?

В последние годы — безусловно, Джон Ле Карре. Он смешивает коктейли своих романов из всего, что я люблю. Очень реалистичным героям приходится преодолевать диковинные обстоятельства в предельно реальном мире.

Из наших — всегда сразу покупаю новые книги Панова, Громова, Лазарчука, Лукьяненко, Пелевина.

Чуть раньше я много внимания уделял киберпанку и близким направлениям в фантастике. Гибсон, Стерлинг, Нилунд, Стивенсон, Виндж, Дик, Рюкер, Симмонс оккупировали мои книжные полки.

Достаточно поздно я вник в творчество таких глыб как Курт Воннегут и Юлиан Семёнов.

А самое базовое, мой литературный фундамент — это Набоков, Стругацкие, Саймак, Шекли, Хайнлайн, Лем, Ремарк, Фаулз, Маркес, Кинг, Ладлэм, Клэвелл, Толкиен, Желязны.

Кого-то забыл, пусть уж не обижаются!

Никакой возможности выделить любимчика, очень сложный вопрос.

Ещё была такая книжка, в детстве зачитанная до дыр: «Муравьи не сдаются» Ондржея Секоры. Лишь четверть века спустя начинаю осознавать, какое воздействие она на меня оказала!

12. Ваши любимые поэты?

Александр Башлачёв, Александр Галич, Александр Васильев... Какая-то странная тенденция с именами, вы заметили?

Если кто-нибудь спросит, отличаю ли я поэзию от поэзии песенной, я честно отвечу, что нет, не вижу ни малейшей разницы.

Гумилёв, Маяковский, Окуджава, Бродский, Лорка.

Положено любить кого-нибудь из классиков, но — увы! Уважения — через край, а особой любви нет.

В начале девяностых меня очень радовали куртуазные маньеристы.

Сейчас внимательно слежу за творчеством Даны Сидерос, Максима Кучеренко и Владимира Ткаченко, они делают что-то новое, раздвигают возможности поэзии в неизведанные области.

13. Ваши любимые художники и композиторы?

Лет двадцать назад был период восхищения Дали и Рерихом. Потом я подостыл к живописи. Сейчас с удовольствием рассматриваю картины разных художников, многие нравятся. Имена, к сожалению, не запоминаю. Надо бы завести записную книжку со ссылками на то, что впечатлило — но это один

из типичных прожектов, который вряд ли когда-нибудь реализуется.

Мне так и не удалось научиться делать вид, что я вдохновляюсь от классической музыки.

Так что придётся отвечать как есть: Ник Кейв, Эндрю Ллойд Вебер, Пинк Флойд (не заставляйте вспоминать имя).

И, чтобы окончательно вас добить: очень интересные с музыкальной точки зрения вещи умеют делать Сергей Шнуров, Илья Лагутенко, Светлана Сурганова, Алексей Кортнев.

14. К каким порокам вы чувствуете наибольшее снисхождение?

Чревоугодие. Я бы вообще исключил его из списка пороков.

15. Каковы ваши любимые литературные персонажи?

Вечеровский (А. и Б. Стругацкие, «За миллиард лет до конца света»).

Мартин Силен (Дэн Симмонс, «Гиперион»).

Боромир (Дж. Р.Р. Толкиен, «Властелин колец» — ну, тут, конечно, заслуга Шона Бина).

Смайли (почти во всех романах Джона Ле Карре о Холодной войне).

Генерал Чарнота (М. Булгаков, «Бег»).

Из свежих поступлений — Помпилио Чезаре Фаха дер Даген Тур (в романах В. Панова о мирах Герметикона).

16. Ваши любимые герои в реальной жизни?

Антон Иванович Деникин. Хотя он и проиграл, очень уважаю этого человека.

Муаммар Каддафи. Хотя он и проиграл, очень уважаю этого человека.

Евгений Ройзман («Город без наркотиков» и «Страна без наркотиков»). Надеюсь, что хотя бы он выиграет свою войну.

17. Ваши любимые героини в реальной жизни?

Ирена Сандлер. Подробно разъяснять не буду, кто заинтересуется — пусть просто вобьёт это имя в поисковую строку.

Женщины — вообще героические существа. Не все, но большей частью.

18. Ваши любимые литературные женские персонажи?

Интересно, что тремя вопросами выше гендерное разделение отсутствовало...

Сначала показалось, что вообще не смогу ответить на этот вопрос...

Пожалуй, Арвен (Дж. Р. Р. Толкиен, «Властелин колец»).

Может быть, Клэр (Одри Ниффенеггер, «Жена путешественника во времени»).

19. Ваше любимое блюдо, напиток?

Не смешите! Это нереально!!!

Хотя вот прямо сейчас не отказался бы от бокала чилийского «Карменера» и куска едва прожаренной говядины под соусом из зелёного перца.

20. Ваши любимые имена?

Анастасия, Антон — и это только на букву А!

Красивых имён очень много, но как красивое имя превращается в любимое — это великая тайна, и каждый её постигает сам.

21. К чему вы испытываете отвращение?

К жлобству. Это единственное, что держит нас ближе к пещерам неолита, чем к светлому будущему.

22. Какие исторические личности вызывают вашу наибольшую антипатию?

Фарисеи и садисты.

23. Ваше состояние духа в настоящий момент?

Деятельное. Время собирать камни.

24. Ваше любимое изречение?

«Работа шпиона — это ожидание» (Джон Ле Карре).

«Горели мы хорошо, хотя и недолго» (Ежи Брошкевич).

25. Ваше любимое слово?

Avanti!

26. Ваше нелюбимое слово?

Пожитки.

27. Если бы дьявол предложил вам бессмертие, вы бы согласились?

Тщательно уточнил бы условия. И вообще: здесь ключевое слово «дьявол» или «бессмертие»?

28. Что вы скажете, когда после смерти встретитесь с Богом?

А вот и я! Здесь есть, чем заняться?

АВТОР О «ТЕНЯХ»

Иван, «Тени» — ваша первая книга в проекте «Этногенез». Почему вы решили писать для него?

Тому было несколько причин. Во-первых, меня пригласили в проект хорошие люди. (Здесь резервируется место для смайликов и подмигиваний!)

Во-вторых, в далёком 2005 году я написал рассказ «Горгон», выигравший затем мастер-класс Андрея Лазарчука, про «звероносцев» — людей, в голове которых живут прозрачные звери, наделяющие своих хозяев волшебными свойствами. Я часто думал о «развороте» рассказа в роман или о написании нового романа на основе этого выдуманного мира.

Но когда я познакомился с несколькими книгами «Этногенеза», то понял, что пока я строил планы, коллеги по цеху вовсю трудились, разрабатывая мир сериала, построенный на схожих, но принципиально других концепциях.

Поэтому, получив предложение присоединиться к команде авторов «Этногенеза», я всё тщательно взвесил, обдумал и — согласился!

И в-третьих. Это важно! Формат проекта «Этногенез» не ограничивает творческих возможностей автора. Есть очень свободные «внешние рамки» плюс имеющаяся фактология — и это всё. В остальном — полёт фантазии. Работая над «Тенями», я чувствовал себя гораздо свободнее, чем, скажем, при написании рассказа в тематический сборник.

**В вашей книге столь подробные и точные описания непри-
метных европейских городков, допросов с психотропными**

препаратами, охоты на разведчиков, «албанской мафии» и прочее... Вы не шпион?

Помните, в «Адъютанте его превосходительства»?

«Пал Андреич, вы шпион?» — «Вы понимаете, Юра...»

А! и еще «тема казино» раскрыта. Почти как у Достоевского...

Что ж, пять фактов по теме:

1. Мне случалось бывать в Висбадене. Там около городского казино стоит бюстик Фёдора Михайловича.

2. «Игрок» меня впечатлил ещё в подростковом возрасте.

3. Мой прадедушка проиграл состояние на бегах и в карты.

4. Когда я дописывал «Тени», то в какой-то момент перестал бриться. Догадаетесь, какой формы у меня борода?

5. В новогодние каникулы обязательно пересмотрю сериал «Достоевский». Очень уж там тема цейтнота в писательском деле хорошо раскрыта...

Ну, как говорится, не было вопроса — поболтали просто так!

«Ваш» Ян чем-то напоминает Марусю. Или только так кажется?

Это вы про приступы паники? Мне кажется, у Яна более «давящие» причины для их появления. И ещё Ян — лёгкий человек. Как, наверное, и Маруся. Вы озадачили меня этим вопросом, буду обдумывать.

Так есть ли у Яна предмет?

«Вы понимаете, Юра...»

Расскажите поподробнее, если это не тайна, что за таинственное хранилище предметов расположено в немецкой горе? И кто такие «Заключивший договор» и «Страж Неназываемого»?

В это хранилище мы ещё заглянем, дайте срок! А пока поясню. Логика подсказывает, что Заключивший Договор — это владелец шести перечисленных предметов.

Страж Неназываемого — это прозрачный, тяготеющий к шестому предмету в коллекции под горой. А вот что такое сам Неназываемый, вы узнаете во второй книге... и то не сразу.

В вашей книге впервые прозрачный вселяется в тело мертвого человека. Как это возможно и почему до сих пор такого не происходило?

Думаю, что такое могло происходить, но для «вселения» требуется очень специфическое стечение обстоятельств, поэтому явление — как минимум, редкое. Стражи, находясь в «эфирной фазе», могут проникать сквозь материальные предметы. Но умирающий человек — это не мёртвое тело. Чтобы не уползти в метафизические дебри, скажу лишь, что гаснущая воля Огюста удержала Стража Свињи, взяла его в плен. Коготок увяз — всей птичке пропасть!

Получается, что Ян уже давно «знаком» с прозрачным («Стекляшом»), если увидев его на крыле самолета в начале книги, совершенно этому не удивляется?

Совершенно верно. Про Яна я пока рассказал далеко не всё, что собирался.

Анхель Магнус — это русский разведчик Олаф Карлсон? И каково его отношение к вашей истории?

По первому вопросу: да! По второму... Как бы обойтись без спойлеров? Вот, отличный ответ: непосредственное!

Получается, что пилюли доктора Руая были всего лишь страховкой от похищения предмета?

Джак Уштар, пользуясь помощью доктора Руая, строит своё крошечное эмигрантское царство. Любая социальная структура — это система сдержек и противовесов. Больше пока ничего не скажу, чтобы потом не показалось, что я вас в чём-то обманул.

Но не будьте глухи, как Донован. Обратите внимание на слова его помощника:

— Хочешь сказать, у короля нет предмета? — подхватил Холибэйкер. — Как же он должен держать в узде своих ладей и ферзя?

Наталья Андреевна — владелица Кролика. Через несколько лет этот предмет появится у Марго. Есть ли между ними какая-то связь?

Наталья Андреевна — владелица Кролика, но он не принадлежит ей в полном смысле. Это такой предмет, который хорош именно в руках молодой красивой женщины. Думаю, Свиридов тоже это понимает.

Иван, ужасно обидно, что все линии книги обрываются, что называется, на самом интересном месте. Обещаете, что напишете продолжение как можно скорее?

Да мне и самому не терпится рассказать, что было дальше — я-то уже это знаю! Так что я лучше дам читателю другое обещание: когда он дочитает третью книгу, оборванных линий не останется. «Тени» 1–2–3 будут полностью законченной историей.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 0	
Разница во времени	3
Глава 1	
Кто от бабушки ушёл?	34
Глава 2	
Остендштрассе	51
Глава 3	
Флэш-рояль	68
Глава 4	
Волка ноги	83
Глава 5	
Процедура	113
Глава 6	
Зоопарк	140
Глава 7	
Профессор Себе-На-Уме	157
Глава 8	
С пристрастием	174
Глава 9	
Кто от зайца ушёл?	192

Глава 10	
Немой	210
Глава 11	
Битва теней.....	230
Глава 12	
Всюду солнечно	245

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

ПРИБОРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **БУКВА**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр.1, т. (495) 323-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-57-56
- м. «Алтуфьево», ТРЦ «РИО», Дмитровское ш., вл. 163, 3 этаж, т. (495) 988-51-28
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, стр. 1, т. (499) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр», 0 этаж, т. (499) 206-92-65
- м. «ВДНХ», ТЦ «Золотой Вавилон - Ростокино», пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «XL-2», 3 этаж, т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», 3 этаж, т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, к. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», 2 этаж, т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская/Таганская», Большой Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, к. 2, т. (499) 306-18-98
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «XL», Дмитровское ш., д. 89, 2 этаж, т. (495) 783-97-08
- м. «Празжская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Празжский Пассаж», 2 этаж, т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, к. 1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый Стан», Новоясеневский пр-т, вл. 1, ТРЦ «Принц Плаза», 4 этаж, т. (495) 987-14-73
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15/1, т. (499) 977-74-44
- м. «Третьяковская», ул. Большая Ордынка, вл. 23, пав. 17, т. (495) 959-40-00
- м. «Тульская», ул. Большая Тульская, д. 13, ТЦ «Ереван Плаза», 3 этаж, т. (495) 542-55-38
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солнцевский пр-т, д. 21, ТЦ «Столица», 3 этаж, т. (495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, к. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, д. 9, ТЦ «Эдельвейс», 1 этаж, т. (498) 664-46-35
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», 2 этаж, т. (496) (24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская пл., д. 3, ТД «Дом торговли», 1 этаж, т. (496) (61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32а, ТРЦ «Счастливая семья», 2 этаж
- М.О., г. Лобня, Краснополянский пр-д, д. 2, ТРЦ «Поворот»

Регионы:

- г. Архангельск, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 64-00-95
- г. Астрахань, ул. Чернышевского, д. 5а, т. (8512) 44-04-08
- г. Белгород, Народный б-р, д. 82, ТЦ «Пассаж», 1 этаж, т.(4722) 32-53-26
- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- г. Воронеж, пр-т Революции, д. 58, ТЦ «Утюжок», т. (4732) 51-28-94
- г. Иваново, ул. 8 Марта, д. 32, ТРЦ «Серебряный город», 3 этаж, т. (4932) 93-11-11 доб. 20-03
- г. Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», 2 этаж, т. (3412) 90-38-31
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ», 3 этаж, т. (343) 253-64-10
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д.18, т. (4012) 66-24-64
- г. Краснодар, ул. Головатого, д. 313, ТЦ «Галерея», 2 этаж, т. (861) 278-80-62
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Курск, ул. Ленина, д. 31, ТРЦ «Пушкинский», 4 этаж, т. (4712) 73-45-30
- г. Курск, ул. Ленина, д.11, т. (4712) 70-18-42
- г. Липецк, угол Коммунальная пл., д. 3 и ул. Первомайская, д. 57, т. (4742) 22-27-16
- г. Орел, ул. Ленина, д. 37, т. (4862) 76-47-20
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 31, т. (3532) 31-48-06
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул. Революции, д. 13, 3 этаж, ТЦ «Семья», т. (342) 238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТК «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Ставрополь, пр-т Карла Маркса, д. 98, т. (8652) 26-16-87
- г. Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-37-48
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- г. Тюмень, ул. М. Горького, д. 44, ТРЦ «Гудвин», 2 этаж, т. (3452) 79-05-13
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (347) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д.105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т. (8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18, т. (4852) 30-47-51
- г. Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, 232-17-06
факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

www.etnogenez.ru

Литературно-художественное произведение

Иван Наумов

Тени

Книга первая

Бестиарий

Автор идеи Константин Рыков

Главный редактор Кирилл Бенедиктов

Редактор Полина Волошина

Выпускающий редактор Дмитрий Гусев

Арт-директор Алексей Гонтов

Арт-концепт Алексей Маслов

Аудиоверсия: Андрей Градобоев, Роман Галушкин

Хранители идеи: Елена Кондратьева, Александр Шмелев,

Сергей Пименов

Правовое сопровождение Алексей Наказной-Хоменко

ООО Издательско-торговый дом «Этногенез»

Россия, 107031, г. Москва, Звонарский пер., д. 4, стр. 1,

тел./факс: +7 (495) 668-37-40 (41)

www.etnogenez.ru

Подписано в печать 21.12.11 г. Формат 164х215

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура CharterC 12 pt

Условных печатных листов — 17

Заказывайте книги почтой в любом уголке России:

123022, Москва, а/я 71 «Книги-почтой»

или на сайте www.shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковию:

тел./факс: +7 (495) 259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа АСТ

www.ast.ru

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Информация по оптовым закупкам: +7 (495) 615-01-01, факс: +7 (495) 615-51-10

zakaz@ast.ru

Отпечатано в полном соответствии

с качеством предоставленного электронного оригинал-макета

в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980 Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14

тел: (8422) 41-11-07

факс: (8422) 41-11-32